

Père Jacques Loew

Жак Лёв

СЛОВНО ВИДЯ НЕВИДИМОГО

Христовы апостолы сегодня

*“Он, словно видя Невидимого,
вытерпел всё и был твёрд” (Евр. 11,27)*

JACQUES LOEW

COMME S'IL VOYAIT L'INVISIBLE
un portrait de l'apôtre d'aujourd'hui

1964

Les Editions du Cerf

перевод с французского под редакцией Николая Наумова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Часть первая

ПРИЗЫВ ЕВАНГЕЛИЯ

Человек, живущий верой, Словом Божиим и в незащитной бедности

Благовествовать

Призыв

Возрастающее присутствие Господа

Повеление идти к язычникам

Часть вторая

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ АПОСТОЛА

Настоятельная мольба

“Как послал меня Отец”. Повелительная сила слова “как”

Подражатели и образцы для подражания

Сходство и различие

Поклонение истине

Осознание ценности человеческой личности и бережное отношение к ней

Стойкость и долготерпение

Связь, соединяющая созерцание и действие: настоящее мгновение

Часть третья

ЛЮДИ И ВРЕМЕНА

Три призыва Господа

I - Призыв крещения

II - Призыв, содержащийся в евангельских советах Иисуса Христа

III - Призвание к священству

IV - Три различных, но взаимодополняющих призыва

Миссионерская малая община, инструмент апостольства

I - Рождение и эволюция

А) Первые определения: общая задача и общее благо

Б) “Жить любовью Господа”

В) “Лаборатория единства”

II – Великое назначение и тяжесть

А) Маховик или спасательный круг?

Б) Время для нового рождения

В) Первый этап образования Мистического Тела

Г) Уединение и общение

Д) Если зерно не умрёт

Е) Устав миссионерской малой общины

Ропот и ропчущие

Время и стадии миссии

Основать миссию на должной высоте

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Ради Него я согласился потерять всё”

ПРИЛОЖЕНИЕ

О малой миссионерской общине

От редактора перевода

Примечания редактора перевода

Краткие биографические сведения

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой книги только одна цель: вернуть слову “апостол”¹ его богатство смысла, и его величие¹⁸, и – осмелимся сказать это! – восстановить его изначальный, основной смысл, заключающий в себе отказ от всего постороннего²¹. Разумеется, могут быть другие проявления апостольской духовности, более выдающиеся, превосходящие то, которое описано в этой книге, однако само слово “апостольство”³ сегодня употребляется применительно к столь различным явлениям⁴⁰, в столь различных смыслах, что существует опасность того, что для многих людей – и даже для самих апостолов – оно утратит своё главное значение.

Не будем говорить о его употреблении в опошленном смысле – оно не самое опасное и лишь даёт нам повод улыбнуться, когда мы повсеместно встречаемся с ним. На мраморной плите, установленной в городке Сен-Бом в память об одном выдающемся человеке по прозвищу “Велочо”⁴ – не помню его имени, был высечен его славный титул: “Апостол велотуризма”. Но есть и более серьёзные примеры искажения смысла слова “апостол”². Щедрость и великодушие, какими бы они ни были, пусть даже героическими, – всё же не могут быть названы апостольством. Также и любая работа в Церкви, пусть даже и выдающаяся, не обязательно может быть названа апостольской. То же самое можно сказать и о любом виде служения в миру.

Для святого апостола Павла это слово относилось в первую очередь и в полном смысле к “Апостолу и Первосвященнику исповедания нашего, Иисусу” (Евр. 3,1), так как Иисус был истинным “Посланником Отца”, “тем, кто являет¹⁰ Его Отца” (Ин. 3,17,34). Только в Нём одном – источник и начало апостольства.

А Христос по Своей необычайной любви посылает, в Свою очередь, “Двенадцать”, как Его Отец послал Его самого. Они – посланники в полном смысле слова, они – Апостолы. Как сказано в Откровении Иоанна, стена Иерусалима навечно “покоится на двенадцати основаниях, и на них – двенадцать имён двенадцати Апостолов Агнца” (Откр. 21,14). Апостол Павел – недоносок, выродок, гонитель – ни в чём им не уступает. Он также своими телесными глазами видел воскресшего Христа и получил от Него миссию быть Его свидетелем.

Со смертью последнего Апостола исчезает непередаваемая способность и привилегия: Откровение, которое было совершено через них, завершилось. Святой Павел пишет: “О Тимофей! Храни вверенное тебе, отвращаясь от неугодного Богу пустословия и противодействия со стороны того, что ложно называется знанием” (1 Тим. 6,20). Больше уже ничего не может быть добавлено, но это сокровище, эта жемчужина среди всех драгоценностей человечества, должно быть передано, сообщено, разъяснено и в каждом поколении пережито в Церкви: Тимофей, Тит и – до конца мира – наши епископы получили от Господа это ответственное задание и служение – быть апостолами, преемниками Апостолов.

Но в этом деле – возвещении послания Спасителя – призваны участвовать все, уже в силу своего крещения и миропомазания, или получив особое поручение от Иерархии. В этом призыве к каждому христианину идти в мир с Благой Вестью – особенность и величие нашей эпохи. Отвечая на этот призыв, некоторые люди предлагают себя, выбирая это служение единственной целью своей жизни, её радостью и мучением: “Вот я, пошли меня” (Ис. 6,8). Таким людям данная книга адресована в первую очередь, но я хотел бы, чтобы и всем остальным она напомнила о величии⁷ этой апостольской миссии⁴⁰ и помогла тому, чтобы Миссия⁸ совершалась на необходимой – то есть сверхъестественной⁹ – высоте.

Следующие далее страницы, тем не менее, неизбежно несут на себе печать обстоятельств, при которых они были написаны: например, описание роли и значения миссионерской малой общины и сам выбор подобной темы могут кого-то смутить. Прошу читателя рассматривать эти указания как примеры и практические пояснения, а не как образцы, которым необходимо неукоснительно следовать.

Но всё же цель книги, побуждавшая меня писать её, – придать слову “апостол” надлежащие ясность и незыблемость и для этого даже установить несколько прочных вех на пути апостолов наших дней.

В мире, расширяющем свои пределы до такой степени, что сам испытывает опьянение и головокружение, апостол напоминает о том, кто единственно истинен: Иисус Христос и ничто другое.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИЗЫВ ЕВАНГЕЛИЯ

ЧЕЛОВЕК, ЖИВУЩИЙ ВЕРОЙ, СЛОВОМ БОЖЬИМ И В БЕЗЗАЩИТНОЙ БЕДНОСТИ¹¹

“Миссия” – это божественная тайна¹³. Это утверждение – не банальность и не убежище в дни неудач. Тайна¹³ заключается в самой её сути: участии человека в деле Божьем, подчинении Духу, который “дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит...” (Ин. 3,8). Это переход, продвижение неизбежно таинственные и уводящие от проторённых дорог и привычных путей на пути, которые не наши: “Мои пути – не ваши пути” (Ис. 55,8). Это вечная “алгебра”, в которой продвигаешься вперёд от неизвестного к неизвестному, – странная “алхимия”, в которой спасение возникает из изгнания; из испытания рождается уверенность, из тьмы появляется свет.

Если сорокалетний переход Евреев через пустыню содержит в зародыше и уже рассказывает нам всю историю человечества в его постоянном – до скончания мира – движении к Богу, его тяготы и тревожения, его недоверие и неверие, то сама история Моисея – это история каждого апостола на протяжении сорока лет его¹⁴ собственной жизни. А ведь историю Моисея святой апостол Павел вкратце излагает одной замечательной фразой: “Он, словно видя Невидимого, вытерпел всё и был твёрд” (Евр. 11,27).

Никогда не будет дано более точного описания тайны апостольства: апостол – это тот, кто постоянно занимается тем, что ведёт людей к Невидимому. Видит ли он сам лучше других эту

скрытую цель? Вообще нет. Тогда, может быть, он – один из тех слепых проводников, о которых говорит Господь и которые ведут других прямо в яму? Нет, это ещё меньше соответствует истине. Так кто же он?

Он человек, живущий верой: он не видит, он не знает, он верит. Всем своим существом он абсолютно доверяет Богу, который не может “ни обмануться, ни обмануть”, по самому определению акта веры. Христос дал ему Своё Слово, и свою жизнь он целиком поставил – как ставку в игре – на это Слово Глагола,¹⁵ ставшего плотью: “Я знаю, в Кого уверовал” (2 Тим. 1,12). Когда об апостоле говорят, что он человек, живущий Словом, в первую очередь это не потому, что он говорит, возвещая благовест: это потому, что прежде всякого действия он поставил, словно ставку в игре, свою жизнь на Слово Бога – для себя и для всех людей.

Он не видит Невидимого лучше других, но он “держится стойко”, “словно он Его видит”. Он лицемер? Нет. Он не видит, но он понял слова Псалма, которые возвещают Евангелие: “Слово Твоё – светильник ноге моей и свет стезе моей” (Пс.119/118, 105).

Итак, апостол – это человек, который во тьме ждёт света. В Ветхом Завете часто употребляется красивое выражение “дозорные благодати”: “Моя душа принадлежит Господу, сильнее, чем дозорные на рассвете, ждёт она утренней зари”.

Сегодняшний мир приучает нас к телекоммуникации; апостол не ведёт людей к непосредственно видимому: “настроившись” – образно говоря – на “длину волны” Бога, его вера ведёт его надёжнее самого надёжного радара.

“Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут ...” (Мф. 24,35). Несмотря на обманчивую видимость¹⁶ и противоречия, в зыбучих песках и в топи трясины слово Христа – это скала, на которой он апостол возвышается, потому что Христос – это Слово¹⁷ Отца.

Созерцая тайну¹³ Евхаристии, святой Фома Аквинский пел:

“Видеть Тебя, прикоснуться к Тебе, вкушать Тебя – ничто из этого

Не открывает Тебя,

Но достаточно лишь слышать Тебя, и рождается убеждённость Веры.

Всему, что Ты сказал, Сын Божий, я верю,

Несомненное и надёжнее всего – Твоё слово истины”.

Такое же отношение к Слову Божьему апостол распространяет на всю свою жизнь как жизненный принцип, побуждающий к действию⁶⁶: “Наставник! ... по слову Твоему закину сеть” (Лк. 5,5).

Таким образом, тайна апостольства проистекает из самой его сущности: учить людей освещать свою жизнь божественным Словом.

И если у апостола наших дней есть какая-то радость, то это осознание того, что никогда границы важнейшей задачи миссии не были определены и очерчены лучше, чем сейчас, во второй половине XX столетия.

Ведь на протяжении двух тысячелетий миссия принимала столько различных форм: в ложных богах не было недостатка, – но сегодня отвергается само понятие Бога. Мы больше уже не боремся за то, чтобы говорить об истинном Боге, сегодня отвергается сама религия. Окружающие нас люди выбирают уже не между Богом и Сатаной, а между Богом и ничем – и они выбирали ничто.

Но ничто, противопоставленное Богу, – не пустота, оно отягощается грузом всех богатств развивающегося мира. *Выбрать ничто для современных людей не означает согласиться на небытие, а означает иметь всё:* автомобили, путешествия, комфорт и удобство от использования электробытовой техники, культуру, мысль и любовь – любовь, наконец-то освобождённую от ограничений, в которые её заключило христианство.

Престиж в глазах людей, социальные связи, пример великих людей, традиции, которые ещё недавно окружали, словно ореолом, религии – какими бы они ни были, – всё это рушится и исчезает: за дело Бога теперь может заступиться только сам Бог. Мы больше не участвуем ни в стычках с передовым отрядом антиклерикалов или гонителей, – даже когда они бывают, – ни в запоздалых партизанских войнах.

Давид снова сталкивается лицом к лицу с Голиафом, защищённым непробиваемыми доспехами. Постараемся хорошо понять, насколько типичен и актуален этот эпизод. Апостол принимает вызов на поединок, в котором Голиаф намеревается покончить с Израилем Бога: Давид получает от Саула разрешение идти сразиться с гигантом филистимлянином: “юноша против воина от юности своей” (1 Цар. 17,33). И он идёт навстречу воину, у него есть только его праща и пять маленьких камней из ручья, но его опора – в Боге. На оскорбления филистимлянина он отвечает: “Ты выходишь против меня с мечом, копьём и дротиком, а я иду против тебя во имя Яхве...” (1 Цар. 17,45).

Известно, что было дальше, но стоит напомнить предшествующий поединку эпизод, о котором часто забывают: Саул хотел одеть Давида в свои военные доспехи: “Он возложил на голову его

медный шлем, и надел на него латы. И опоясал Давида своим мечом поверх одежды. Но тщетно Давид пытался ходить, ибо не был тренирован... И поэтому сняли с Давида всё это” (1 Цар. 17, 38-39).

Также и апостол, если он хочет вступить в поединок с сегодняшним неверием, должен отказаться от того, чтобы связываться с доспехами, пригодными для Саула и Голиафа: его оружие другое, и прежде всего – это его бедность и незащищённость¹². Перед лицом массового неверия – *вера*. Перед лицом богатства, престижа и технических достижений – *бедность и убогость*.¹² Потому что бедность и беспомощность¹² – это видимое следствие веры, это позиция, “установка”, образ действия того, кто ждёт всего от другого, и отличительная черта того, кто опирается только на Бога.

Нужно снова и снова писать и подчёркивать: вера и незащищённая бедность как нельзя лучше отвечают требованиям нашего времени, это средство, которое поможет безбоязненно столкнуться с неверием нашей половины столетия, и лекарство для исцеления этой раны неверия. Быть действительно бедными и убогими и иметь сердце, в котором живёт бедность, – это единая и “двойная” бедность, к которой – так же, как и к милосердной любви¹⁹ (которая также единая и “двойная”: она проявляется в поступках и живёт в сердце), – мы приближаемся, но только медленно, я бы даже сказал – убого,²⁰ то есть продвигаясь понемногу, шаг за шагом. Мы не отказываемся разом от всего, но мы можем каждый день стремиться к простоте, к отказу и отделению от того, к чему мы привязаны, к упованию только на одного Бога. “Сегодня – больше, чем вчера, и меньше, чем завтра”, – разве это не девиз влюблённых? Точнее, это девиз всех любящих людей на свете, любящих Бога и святую бедность.

Внешняя бедность без смирения сердца ведёт к наихудшему фарисейству, которое может угрожать апостолу. Отступление от принципа реальной бедности и незащищённости¹² делает апостольство бесплодным: доставлять себе все удобства – это ещё не самое страшное, но это приводит к тому, что помимо слова Божьего ищешь опору в чём-то другом, возвращаясь тем самым к доспехам Саула.

Таким образом, тайна участия апостола – “стойкого и твёрдого, как если бы он видел Невидимого”, – в деле Божьем, его опора только на это единственное Слово Божье и бедность¹², которая освобождает его от всего, мешающего увидеть, что в этом Слове – его единственное упование, – это три связанные друг с другом составляющие⁴⁰, которые нуждаются друг в друге и дополняют друг друга.

Прежде – хорошо это или плохо? – поле борьбы, которую ведёт апостол, было не так чётко ограничено; в былые времена – тогда это тоже было фактом ни хорошим, ни плохим – у апостола было в распоряжении больше различных средств. Материнское лицо Церкви, отражение лика Божьего, сквозило в тысяче проявлений заботы о людях: труд молодёжи, больницы, школы, народные библиотеки... Священник с щедрой душой мог объединить вокруг них множество людей, стремящихся творить добро. Сегодня в наших современных городах ключи от квартир социального жилья с умеренной квартирной платой принадлежат муниципальной администрации; во всяком случае, только она может дать надежду получить их, и муниципалитет будет финансировать дома молодёжи и стадионы с прекрасным травяным покрытием. Нетрудно продолжить подобный список.

Что же остаётся нам? Ничего..., то есть ничего осязаемого, что могло бы принести пользу и что было бы материальной поддержкой веры. Нам остаётся только одно: ничего, кроме маленького ребёнка, бедного, слабого, нагого, но этот младенец в яслях – Бог! И этого достаточно. Мы – как это чудесно! – в каком-то смысле вынуждены не иметь больше ничего, кроме нашей личной, непосредственной связи с Богом,²² даже без ангелов, которые привлекли внимание бывших поблизости пастухов, или волхвов с Востока. И от этого величие роли миссионера удесятерится: Давид принимает вызов Голиафа, и у него даже больше нет нескольких камней в качестве оружия, но есть только то, о чём говорит святой Павел: “Ибо, хотя мы ходим в плоти, мы не по плоти воюем. Ибо оружие воинствования нашего не плотское, но сильное Богом на сокрушение твердынь” (2 Кор. 10,3-4).

Иисус рождается маленьким и бедным и беззащитным – несомненно, для того, чтобы показать Свою любовь к малым и бедным во всём мире до скончания веков, но в Его смиренном, неприметном рождении есть ещё более глубокий смысл. Ничто не достойно Бога, ничто не соответствует Его высоте, для того чтобы принять Его – никакое облачение, никакой дворец, никакая человеческая мудрость. И поэтому Бог выбирает то место, где нет ничего, потому что там не будет мелочной конкуренции или обмана ложным или мнимым богатством. Бог приходит только туда, где Он есть всё: в ясли, в действительную бедность полной беспомощности; в Марию, в бедность, живущую в сердце.

БЛАГОВЕСТВОВАТЬ

С того незабываемого и единственного в истории дня, когда человека, “дышащего угрозами и убийством на учеников Господа Иисуса” (Деян. 9,1), окружил свет, сияние которого присоединялось к сиянию полуденного солнца, и до глубины души пронзил голос, говорящий: “Я Иисус, которого ты гонишь” (Деян. 9,5), повергнув его на землю на пути в Дамаск, стало невозможным произносить слова “Апостол”, “благовествовать”, не думая о святом апостоле Павле и не обращаясь к нему. Кто может соперничать с ним? Его обращение, его слова, его поступки, его жизнь, сжигающий его огонь делают его “единственным после Единственного”. Более того, сам Господь засвидетельствовал и удостоверил апостольство Павла: “Этот человек есть инструмент, избранный Мною, чтобы возвещать имя Моё пред народами, царями и сынами Израилевыми” (Деян. 9,15). С тех пор Учитель ведёт ученика – ведёт по царскому пути: “И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Моё” (Деян. 9, 16).

Поэтому мы будем искать объяснение сути апостольского призвания у святого Павла, и мы спросим у него, что он подразумевает под словом *благовествовать*: “Горе мне, если не благовествую” (1 Кор. 9,16). Невозможно забыть эту короткую фразу, но вся её сила в том, что в устах Павла она – душераздирающий крик, исходящий из самых глубин его существа. Для него благовествовать – это прежде всего необходимость, это не что-то необязательное, что можно выразить словами: “Я был бы очень несчастным, если бы не возвещал Евангелия”. Он хочет сказать вот что: “Со мной непременно случится несчастье, если я не буду его возвещать”.

Потому что он знает то, о чём говорит тут же: “Если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это *необходимость*, вменённая мне в обязанность” (1 Кор. 9,16). Почему? Потому что “делаю это не по своей инициативе, – говорит он, – ... исполняю только вверенное мне служение” (1 Кор. 9,17). И крик Павла – уже не крик того человека, каким он был раньше, “свободным по отношению ко всем”, но того, кто отныне “сделался рабом всем, чтобы тем приобрести наибольшее число” (1 Кор. 9, 19); и – говорит он – “усмиряю и порабоцую тело моё, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным” (1 Кор. 9, 27).

Никогда он не сможет сказать ничего другого, кроме: “Павел, по воле Божьей апостол Иисуса Христа...” (Еф. 1,1). Это его визитная карточка, и он её не изменит. Римлянам он скажет то же самое: “Павел, раб Иисуса Христа, призванный апостол, отделённый для возвещения Евангелия Божьего” (Рим. 1, 1). В Послании к Титу он также не назовёт себя по-другому: “Павел, раб Божий, апостол Иисуса Христа, чтобы привести избранных Богом к вере и к познанию истины”, но здесь визитная карточка превращается в катехизис, и он продолжает: “истины, которая согласно благочестию, в надежде вечной жизни...” (Тит. 1, 1-2). Павел не отступает от этого, и когда он

завершает свои послания, он чувствует потребность ещё раз повторить: “Я добился полного проповедания Благовестия Христова”, – говорит он римлянам (Рим. 15, 19) и затем ефесянам: “И обо мне молитесь, чтобы мне дано было слово – устами моими открыто и смело возвещать божественную тайну¹³ Благовестия, ради которого я исполняю посольство в цепях, приобретите для меня смелость, чтобы я смело проповедовал, как мне должно” (Еф. 6,19-20). Таким образом, вся его жизнь есть точное и преданное исполнение слов Иисуса, перед Вознесением посылающего Двенадцать: “Идите, сделайте учениками всех” (Мф. 28,19).

Итог можно подвести словами художника Брака: “С возрастом жизнь и искусство сливаются воедино”; для святого Павла проповедь Евангелия и жизнь – это одно и то же.

“Что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях” (Мф. 10,27), – говорил Господь. Получив “разумение тайны Христовой” (Еф. 3,4), зная, что этот секрет должен быть сегодня явлен всем, Апостол охвачен благоговением перед величием совершающегося:

“Откровение тайны, о которой умалчивалось от вечных времён, но которая ныне явлена... поведена всем народам, чтобы привести их к послушанию веры” (Рим. 16,25-27). И ещё сильнее потрясает его несоответствие между провозвестником и вестью: “Мне, наименьшему из всех святых, была дана эта благодать – благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и просветить всех, показав, что есть домостроительство тайны” (Еф. 3,8). И тогда становится понятным его восклицание: “И кто способен к сему?” (2 Кор. 2,16). Как осмелился бы он быть апостолом, если бы его не толкала к этому настоятельная необходимость, заполнившая его личность и его жизнь?

Такая позиция, “установка” и образ действия Апостола в полном смысле слова должны стать позицией, “установкой” и образом действия ученика: “Заклинаю тебя перед Богом и Христом, проповедуй слово... совершай дело благовестника, полностью исполняй служение твоё...” (2 Тим. 4,1-5). И это заклинание, которое святой Павел обращает к Тимофею, становится ещё более торжественным от того, при каких обстоятельствах оно произносится: это последнее послание апостола, вскоре после этого ему отрубят голову.

Каково содержание этой тайны? Только “преклонив колени в присутствии Отца”, Павел может сказать это: “Чтобы Христос через веру вселился в сердца ваши, чтобы вы, укоренённые и утверждённые в любви, могли постигнуть..., что есть широта, длина, высота и глубина, и узнать

превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божьей” (Еф. 3, 14, 17-19).

Понятно, почему Церковь избрала эти слова лейтмотивом мессы праздника Святого Сердца Иисуса, праздника любви Бога ко *всем* людям: потому что “и язычники допущены к тому же наследию” (Еф. 3,6). Итак, роль благовестника ясна: возвещать “во всякое время, благоприятное и неблагоприятное”, эту неиссякаемую и всеобъемлющую любовь, превосходящую все наши понятия, эту подлинную благую весть; по отношению к этому всё остальное – только подготовка или последствия.

Однако в поступках и делах нашей повседневной жизни мы, как правило, менее всего готовы к этому благовестию, несущему важнейшую истину, для которой, как это обычно оказывается, мы закрыты. Недавно рукоположенный священник рассказывал, как он неосмотрительно пошёл навестить одну свою тётю в монастыре, где монахини живут созерцательной молитвой, и они попросили его тут же дать им краткое наставление, как бы “стоя на одной ноге”. “Но я ничего не подготовил!” “Ничего, расскажите нам о любви Господа Бога”. И молодой священник не без юмора добавил: “Так вот! Любовь Бога, любовь Бога... Больше мне совершенно нечего было сказать!”

Эта забавная история не претендует на то, чтобы служить неким доводом или доказательством, но она – хоть и вызывает улыбку – служит знаком гораздо более серьёзной ситуации: число провозвестников любви Божьей в конечном счёте очень невелико. Сосчитаем священников, монахов, активных лаиков (мирян)⁴⁹, которых мы знаем. Кто среди нас всерьёз увлечён этим провозвестием? Сколько процентов они составляют? Десять? Мы не осмелимся это утверждать.

А рядом с ними, сколько известно мне людей, “увлечённых” апостольскими методами и побуждаемых применять их при столкновении с социальными, интеллектуальными, психологическими, артистическими, политическими проблемами? А если посмотреть не на кого-то другого, а на самого себя, столь убеждённого в первостепенной важности возвещения Бога-Любви, – сколь незначительна та часть, которую я отдаю ему²⁶ каждый день! И это относится как к важным событиям, так и к самым незначительным.

Святой апостол Павел, напротив, никогда не отклоняется в сторону от этой миссии. За четыре-пять лет до своего последнего обращения к ефесянам он объясняется с галатами, и благодаря этим

непостоянным людям у нас в распоряжении есть самое полное наставление о благовествовании. Апостол – это всегда тот, кто передаёт откровение, полученное от Иисуса Христа: “Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое; ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение, которое было от Иисуса Христа” (Гал. 1,11-12).

Строго говоря, этот текст относится только к Двенадцати и к святому апостолу Павлу: только они получили откровение от Господа, и после их смерти уже никто не сможет что-либо прибавить к его содержанию. Это данное Апостолам откровение передаётся в Церкви через духовное наставление и научение при божественной помощи свыше. Но каждому человеку в свою очередь надлежит прилепиться к божественному Слову посредством живой веры, которая проявляется в дарах Святого Духа. В этом свете веры и даров душа действительно встречается с Богом. Следовательно, не утрачивает своей истинности утверждение, что наше благовествование не может быть ничем иным, как непосредственным плодом нашего личного тесного соединения с Господом. Каким бы ни было наше образование, нам надо найти способ применить к самим себе слова святого Павла – “через откровение, которое было от Иисуса Христа”, или же слова самарян, сказанные женщине, которая привела их к Господу: “Уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира” (Ин. 4,42). В этом душа апостольства: “О том, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали, ... возвещаем вам”, – пишет святой Иоанн первым Церквям (1 Ин. 1,1).

Но святой Павел сказал ещё не всё: через несколько стихов, несмотря на внутренний трепет, который охватывает его всякий раз, когда он говорит о благодати апостольства, он снова даёт наставление, ещё более развернутое. В одной фразе он соединяет три составляющие апостольского призвания: к непосредственному контакту, соприкосновению с Господом, который открывает Свою тайну, он добавляет уверенность в том, что Господь призвал его и посылает идти благовествовать язычникам:

“Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею (*Господь призывает*),

благоволил открыть во мне Сына Своего (*Господь входит в соприкосновение с апостолом*), чтобы я благовествовал Его среди язычников (*Господь посылает благовествовать*)” (Гал. 1,15-16).

Эти три составляющие неизменно присутствуют в апостольском призвании, мы видим их взаимосвязь с того момента, когда Сам Иисус впервые собрал Двенадцать:

“И позвал к Себе, кого Сам хотел (*призывает*);

и пришли к Нему. И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были (*контакт*) и чтобы посылать их на проповедь (*посланничество*)” (Мк. 3,13).

Призванный Господом, наполненный Господом, посланный Господом возвещать Его – вот три первоначальных благодатных дара, которые приходят исключительно по воле Самого Господа (“кого Сам хотел...”, “от утробы их матери...”), но эти три благодатных дара неразрывно связаны, и они потребуют от апостола самой высокой степени верности, стойкости и постоянства.

Даже слова Анании, самые первые, которые услышал святой Павел, должны быть – некоторым образом – отнесены к каждому апостолу: “Бог отцов наших предъизбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал голос из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал” (Деян. 22,14-15).

ПРИЗЫВ

Ответить на него порой легко: “Вот я”, – тотчас говорит Самуил, слыша в ночи таинственный голос; но Самуил ещё ребёнок, он отвечает, не задумываясь.

Исайя тоже даёт ответ без промедления: голос Господа взывает:

“Кого мне послать? и кто пойдёт для Нас?” И я сказал: “Вот я, пошли меня”. И сказал Он: “Пойди...” (Ис. 6,8).

Но иногда пророка охватывает ужас:

“И было ко мне слово Господне: Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя”.

Нам известен испуганный ответ Иеремии:

“О, Господи Боже! я не умею говорить, ибо я ещё молод”. Но Яхве отвечал: “Не говори: “я молод”; ибо ко всем, к кому пошлю Я тебя, пойдёшь, и всё, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их...” (Иер. 1,4-8).

Но трудности при ответе на самый первый призыв возникают редко. Они приходят позже, когда ошибки, усталость, неудачи и изнурение овладевают душой апостола. Сначала всё идёт легко: “Вы увидите то, что увидите. Они (старцы) ничего не поняли”²⁷, но приходит день, и начинается ропот, как роптал пророк Илия: “Довольно уже, Господи; возьми жизнь мою, ибо я не лучше отцов моих” (3 Цар. 19,4).

Иеремия выражает эти чувства: он вспоминает радость первых дней: “Ты влѣк²⁸ меня, Господи, – и я увлечѣн; Ты сильнее меня – и превозмог, и подчинил, и смирил меня” (Иер. 20,7).

Но задача слишком трудная, пророк больше не может выполнять её:

“Ибо лишь только начну говорить я, – кричу о насилии, вопию о разорении, потому что слово Господне обратилось мне в позор и унижение и в повседневное посмеяние. И подумал я: не буду больше думать о Нем и не буду более говорить во имя Его” (Иер. 20,8-9).

И этот ужасный крик предваряет обновлѣнное призвание:

“За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцелима, что отвергает врачевание? Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою? На это так сказал Господь: если ты обратишься, то Я восставлю тебя, и будешь предстоить пред лицом Моим; и если извлечѣшь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста” (Иер. 15,18-19).

Апостол подобен пророку: его истинный ответ, его истинное посвящение совершаются только со второго раза. Опыт, открывающий нам мучительное познание присущей нам несостоятельности, – хотя это познание нам отнюдь не противопоказано – в действительности именно он является отправным пунктом: до этого были только стремительные попытки, несостоятельность и ничтожность которых скрывались за их внешним блеском. У Бога Свой метод, который Он редко меняет. Моисей, видя египтянина, который “бил одного еврея из братьев его” (Исх. 2,11), выбирает роль защитника своего племени и переходит к действиям с известной нам стихийной горячностью. Но если Бог действительно хочет, чтобы он совершал это служение, то время его ещё не пришло, и, наверное, это служение было задумано не таким: он должен будет пройти через десятки лет ожидания и очищения в пустыне, и мы знаем, какой ужас охватит Моисея, когда Бог, который с самого начала *призвал* его, *пошлѣт* его, и во время своего замечательного диалога с Богом он будет бороться за то, чтобы Бог избавил его от этой апостольской ноши: “Кто я, чтобы идти мне к фараону?” “Я буду с тобою...” “Пусть так, но если они спросят меня, какое Твоѣ Имя?” “Так скажи: Яхве, Бог отцов ваших, послал меня к вам...” “А если они не поверят мне и скажут: не явился тебе Яхве...”

Тогда Господь совершает два необычайных чуда, но Моисей продолжает отказываться:

“Прости меня, Господи! человек я не речистый, я тяжело говорю и косноязычен”. “Кто одарил человека устами? Кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым: не Я ли Яхве? Итак поиди; и Я буду при устах твоих, и научу тебя, что тебе говорить”. “Прости меня, Господи! Возложи эту миссию на того, на кого Ты желаешь” (Исх., гл. 3 и 4).

Крайне важно, чтобы апостолы осознали необходимость этого очищения: Бог зажигает в нас огонь, но надо, чтобы он сначала поглотил всё наиболее человеческое, что есть в нас, наши увлечения, нашу природу, наши склонности. Не потому, что наша природа и наши склонности плохие, – Бог избирает Своих слугителей и подготавливает их для служения Ему – но необходимо, чтобы посредством таинственной “алхимии” всё это исчезло и больше не осталось никакого побуждения к действию, кроме призыва Бога, который посылает: *“In nomine Domini”* – *“Во имя Господа”* (девиз Павла VI).

Пока природа и благодать совпадают, действие совершается легко и доставляет удовольствие: оно остаётся ещё слишком человеческим, и Бог знает лучше нас, до какой степени отягощают его наше замыкание на самих себя, когда мы предпочитаем копаться в себе, а не смотреть на Господа, и наше попустительство и потакание нашим склонностям. Подобно тому, как Господь уменьшает более чем на 99% (с тридцати двух тысяч до трёхсот) число солдат Гедеона (см. Суд. 7), опасаясь, как бы народ не вообразил себя самого творцом своей победы, Бог сжигает 99% нас самих, но с оставшимся одним процентом Он будет творить чудеса!²⁹

Монсиньор Журне в своей книге “Церковь Воплотившегося Слова”, которая подобна неисчерпаемому источнику, цитирует прекрасные тексты на эту тему. Да позволит он мне переписать их здесь для того дня, когда каждый из нас подвергнется “операции Гедеона”. Нам нужно убедить себя в этом заранее, чтобы это стало для нас рефлексом в тот день, когда мы начнём проходить через это очищение: потому что – по определению – оно совершится в тот момент под совсем другим видом. Текст принадлежит о. Клериссаку, который пишет о Ньюмене:³⁰ “Если у человека, мечтающего о великом духовном деянии ради блага Церкви, чувства необычайно обострены, он лелеет его словно плод своего личного искусства; как настоящий художник мастер своего дела, он предъявляет к нему утончённые требования и проявляет лихорадочное рвение. Дела же Бога и Церкви – плоды разума и мудрости; кроме того, недопустимо приписывать их ни причудливому капризу, ни даже гению человека-художника. Таким образом, Бог оказывает художнику-мастеру честь, давая ему предчувствовать и предвещать совершение этого труда или дела, но Он оставляет за Церковь действительное исполнение и осуществление этого дела, зачастую посредством самых скромных и простых инструментов и средств. Это испытание, этот закон очищения индивидуального и человеческого применяются как по отношению к замыслам, так и к их исполнению”.^a

^a “Тайна Церкви” (Journet, том I, с. 485, цитата из *“Le mystère de l’Eglise”*, p. 131).

Это испытание – мрак ночи – неизбежно для апостола, и мы находим живой символ этого в полёте космонавтов: известно, что во время перегрузок ускорения и замедления они могут рассчитывать только на рефлексы, терпеливо выработанные ими заранее. “Чёрная завеса”³² существует для апостола так же, как для покорителей космоса.

Далее отец Клериссак продолжает:

“Было сказано, что нужно научиться страдать не только ради Церкви, но и принимать страдание от Церкви. Если в этих словах и есть какая-то истина, то она заключается в том, что иногда нам нужно, чтобы с нами обращались жёстко, задвигали нас в дальний ряд по сравнению с другими членами Церкви, испытывали замалчиванием, нежеланием отвечать нам и всеми внешними признаками немилости, может быть, потому, что мы не смогли в достаточной мере воспользоваться льготами, привилегиями и успехами, которые Церковь имела раньше”.

“Кроме того, не будем сомневаться в том, что такое крутое обращение с нами, заставляющее нас энергично и действительно способствовать порядку и святости Церкви, будет для нас сверхъестественным эквивалентом миссии³³. В любом случае, верный признак сохранения нами полноты Духа, – в том, что мы никогда не допускаем того, что мы можем принимать страдание от Церкви иначе, чем можем принимать страдание от Бога”.

В нашем распоряжении есть текст, в котором Ньюмен сам объясняет эту мысль: “Всему своё время; немало людей желает провести реформы, которые бы искоренили злоупотребления и покончили с несправедливостями, наиболее полно развить учение или ввести какую-то особую дисциплинарную меру, но они забывают задать себе вопрос, наступило ли уже подходящее для этого время; и такой человек, зная, что в его время никто ничего не сделает для исполнения его желаний, если только он сам не сделает это, не будет слушать голос авторитетных лиц, и в своём веке он нанесёт вред этому своему начинанию, испортит это приносящее пользу дело, лишая других людей, ещё не родившихся в это время, благоприятной возможности в следующем столетии успешно завершить это начинание. Мир может считать такого человека отважным борцом за правду и мучеником, страдающим во имя свободы мнений, тогда как на самом деле это один из тех людей, которых уполномоченная на это власть должна заставить замолчать”.

Бог призывает, как Он хочет и к тому, к чему Он хочет. Но Он заранее готовит Своего посланника, и сердце апостола тайным образом получает рану даже ещё прежде, чем он узнает, что призван:

Бог побуждает Его осознать особую нужду и нищету, осознать пустоту, которую нужно заполнить. В зависимости от того, какую форму восприимчивости Бог дал этому сердцу, – от того, что оно сильнее чувствует, – призвание будет принимать различные формы и будет определять разнообразный характер служения, которому мы себя посвящаем: голод, холод, болезнь, смерть представляют собой постоянный вызов; экономическая отсталость, социальная несправедливость, отсутствие возможностей для развития человека, неуважение к человеческой личности – это также безотлагательные нужды, и сколько есть ещё других!

Ученик святого Павла, он (апостол) был призван почувствовать и осознать ужасную беду и нужду – в его глазах, самую ужасную, какая только может быть, – отсутствие Бога и наше незнание Бога: “Помните, что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире!” (Еф. 2,12).

Для него эта нужда и беда достигают своей крайней степени, когда они обрушивается на малых и на бедных. Не только потому, что бедный лишён других благ, но потому, что, находясь буквально на пороге встречи с Богом, он отвернулся от Него. “Быть без Бога и не иметь надежды в мире”, – для апостола это крайняя степень нужды и наихудшая беда. Он – который знает, что он грешник, несмотря на свет Бога, освещающий его путь, – с тоской и тревогой спрашивает себя, как будут продвигаться вперёд те, кто идёт во мраке и тени смерти.

Этот опыт самого большого человеческого несчастья – “вол знает погонщика своего, и осёл ясли господина своего; а Израиль не знает ничего, народ Мой не понимает ничего” (Ис. 1,3) – незаменим. Тому, кто был ранен бедой неверия и атеизма, уже не нужно ни читать тысячи текстов, написанных теоретиками, чтобы убедить себя, и ему (ей) уже не нужно собирать диссертации по социологии: призыв Господа к апостольству проникает через нанесённую ему (ей) рану, и наше апостольство будет более или менее глубоким в зависимости от глубины этой раны.

Мы не должны позволять этой ране зарубцеваться, и когда мы сталкиваемся с неверием, от нас требуется не наигранное возбуждение, но взгляд, постоянно сохраняющий бдительность.

Это отсутствие Бога мы будем встречать повсюду: в поезде, в автобусе, в разговорах или в чайной, в шумном заводском цеху и в тихих кабинетах высокопоставленных чиновников, или в молодёжных компаниях, с треском разъезжающих на своих мопедах. Но есть такие места на земле, где мы чувствуем ещё более сильную боль, сталкиваясь с теми контрастами, которые там можно наблюдать.

Я думаю о станциях добычи нефти, не решаясь добавить “в Сахаре”, потому что самолёты любых типов, гигантские тяжеловозы, электричество, бассейны, кондиционеры сделали из неё место, несколько не напоминающее ту пустыню, которую вызывает в нашем представлении это слово.

Конечно же, красота этой страны буквально ослепляет: идущий отовсюду свет, который своим блеском даёт представление о том, что есть присутствие огромности и близости Бога, все оттенки бежевого цвета песка, от самого светлого бежевого до сиреневого, ещё большее разнообразие которым придаёт рельеф с его холмами, дюнами и волнами, нарисованными ветром на песке.

Это счастье – без конца смотреть на такой пейзаж, охватывая взглядом всё и всматриваясь в детали. А если вдруг прошёл дождь, то, покопавшись в песке, можно увидеть, как из мельчайших зёрнышек проросли побеги величиной в несколько миллиметров. Всё это прекрасно и наполнено Богом!

Красива и вызывает восхищение также техника добычи нефти. Буровые вышки высотой 45 метров, опускающие систему трансмиссии и бур на три или четыре километра под землю, горящие в ночи газовые факелы, необыкновенные по необузданной мощи и цвету. Автостреды с щитами ограничения скорости, на которых вас просят снизить скорость на повороте всего до ста километров в час, с разворотами и развязками, достойными Америки! Всё это также хорошо и прекрасно, как, впрочем, и расцвет и великолепие промышленности, в которой наименьший инструмент стоит 80 или 100 миллионов франков, а самолёт заменяет такси, доставляя бурильщика к месту работы или возвращая на родину человека, получившего ранение, пусть даже не очень серьёзное.

Но какая это духовная пустыня!

Никогда так актуально не звучали слова Евангелия: “Какая польза человеку приобрести весь мир (чёрного золота), а душу свою потерять” (Лк. 9,25), то есть забыть о ней? Эти рабочие и инженеры, которые получают очень высокую зарплату, прекрасное питание, которых умело развлекают, которые живут вдали от родных и близких, в течение девяти недель не знают больше ни воскресных дней, ни Рождества, ни каких-либо других праздников: “Ах, да, воскресенье, – говорит один парень, – это день, когда в полдень проводят испытания сирен!” Всё обдумывают, всё организуют вне Бога: Бог отсутствует в обществе, нет даже антиклерикализма, есть только вежливое и холодное безразличие: “Бог? Но, скажите на милость, что мне от того?” Потому что Бог стал похож на те письма, которые возвращаются к нам с пометкой: “Адрес неизвестен, адресат по указанному адресу больше не проживает”.

В этом смысле, эта самая современная промышленность представляет для миссионера поле деятельности, в котором нет никаких посторонних воздействий. В самом деле, оно свободно от политических, профсоюзных и других проблем, которые мы имеем во Франции, но оно вызывает ещё большую тревогу и боль – настолько остро чувствуется контраст между необыкновенными техническими достижениями и духовной пустотой. Природную пустыню, которая была здесь раньше, заменила пустыня духовная.

Здесь мы непосредственно соприкасаемся с “честью Бога, за которую нужно отплатить”, как говорится в Псалмах. Убрав всё то, что в этом слове подразумевает агрессивность, скажем: отплатить любовью ещё более глубокой и верной! Призыв к апостольству – это вызов ученику: разве Христос умер напрасно?

Остаётся преодолеть новый этап, получить новую рану, когда апостол обнаруживает, что отсутствие Бога – не просто существующая внутренняя позиция, “установка”, но что такое безразличие поддерживается определённой доктриной.

Этьен Борн в своей небольшой книге “Бог не умер” – яркой и действенной – описывает новизну современного атеизма.³⁴ Мир без Бога – это не что-то новое, и уже в Псалме читаем: “Сказал безумец в сердце своём: нет Бога” (Пс. 53/52,1), но этими самыми словами он доказал своё безумие. И это³⁵ было верно вплоть до Ницше и Маркса, гениальных учеников Фейербаха, но после них мир без Бога считает, что он может развиваться только в той мере, в какой он избавляется от идеи³⁶ Бога: “Если положительное, существенное в определении природы Бога³⁷ заимствовано из природы человека, то тогда человек будет лишён всего того, что будет отдано Богу. Чтобы обогатить Бога, человек должен быть обеднён”.^a

В этой фразе всё сказано, и эта мысль предстаёт во всей своей неприглядной квазиматематической наготе. Маркс, Ницше или Сартр – каждый согласно своему особому гению – придадут ей особую соблазнительность. “Человек, – скажет Маркс, – может быть своим собственным господином и хозяином лишь тогда, когда он обязан своим существованием только самому себе... Атеизм есть отрицание Бога, и он утверждает существование человека именно

^a Фейербах “Сущность христианства”, цит. по книге Борна.

через это отрицание”.^a С этого времени Маркс, столь глубоко анализирующий пороки XIX века, сделает из этой мысли путеводную нить, которая позволит построить новый мир.

У Ницше эта мысль сформулирована в шести строках: “Высшие люди, этот Бог был вашей величайшей опасностью. Вы воскресли только с тех пор, как он лежит в могиле. Только сейчас наступает великий полдень; теперь высший человек становится господином и хозяином... Только теперь гора человеческого будущего готова родить. Бог умер; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек”.^b

А ведь у скольких наших соседей, друзей или знакомых мы встретим подобные мысли – в искажённой, расплывчатой форме, но действительно глубоко скрытые в их сознании... На всех углах они пьют этот яд, словно воду, удивляясь и гордясь, что он не приносит им никакого вреда.

Тот, кто был ранен в своей любви к Богу, видя, как над Ним глумятся, как Его отодвигают в разряд чего-то второстепенного и забывают о Нём, – этот человек готов услышать призыв Господа. Тот, кто, любя своих братьев по человечеству, предчувствует скорбь, которая не имеет названия и которая однажды внезапно проявится, родившись из самой глубины этих мужчин и женщин, лишённых Бога, – такой человек тоже в дальнейшем готов услышать призыв Господа. Любовь, которую этот человек приносит Богу, без колебаний отдавшему Своего собственного Сына этому неблагодарному человечеству, любовь, которую этот человек отдаёт своим братьям, которые на его глазах калечат себя, разрушая свой душевный покой, и, охваченные тоской и тревогой, прибегают к транквилизаторам, покупаемым в аптеке, или покупают себе очередную техническую новинку. Перед лицом такой пустой траты денег, всего этого хаоса бессмысленности, эта двойная любовь – к Богу и к ближнему – поможет ему услышать призыв Господа. Будучи монахом, он посвятит себя в особенности тому, чтобы жить только перед Богом во имя всех людей и ради них, компенсируя и исправляя их безумие; будучи апостолом, он пойдёт смешаться с толпой, чтобы не переставая повторять ей – своей жизнью и своим словом – то единственное, что главнее всего.

Апостол будет нести в себе эту открытую рану до тех пор, пока люди будут поражены этим бичом, этим бедствием – безразличием к Богу, до тех пор, пока угнездившаяся внутри них доктрина, с присущими ей, как и современному миру, энергичностью и активностью будет поддерживать их неверие, придавая им безмятежное чувство уверенности. Но в то время как он страдает от этой боли, апостол обладает убеждённой верой, а значит абсолютной и несокрушимой

^a К. Маркс “Политическая экономия и философия”, цит. по книге Борна.

^b Ницше “Так говорил Заратустра”, цит. по книге Борна.

уверенностью в том, что Бог постоянно действует в человеческих душах и тайно призывает людей в глубине сердец. Чем больше современный мир со своими ритмами и техникой стремится отбросить веру на задворки общества, тем больше апостол, отвечая на призыв Господа, вырабатывает самой своей раной побеждающее противоядие – свою веру: Бог – больше всего, а равнодушие и атеизм – всего лишь капля росы под жаркими лучами Его солнца.

В этом – источник наших радости и уверенности в полезности наших жизней, пусть даже мы и “беспольные” служители. “Итак, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен в Господе” (1 Кор. 15,58).

ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ПРИСУТСТВИЕ ГОСПОДА

Апостол услышал призыв, и он отправляется в путь: у него не будет недостатка в общении с людьми, разговорах с ними, друзьях. Всё это есть в нашей жизни, всё это мы будем иметь в изобилии, превосходящем наши возможности, но главное дело нашей жизни – быть *человеком Божьим, живущим Им, вместе с Ним, через Него*. И этого ждут от нас люди: “Всюду, где проходит святой, он что-то оставляет после себя”, – говорил Арсский пастырь¹⁸³.

“Какая польза человеку приобрести весь мир, а душу свою потерять?” (Лк. 9,25) – эти слова относятся как к мерзкой корыстной наживе скупого или к научным изысканиям, которые стали для ученого единственно важным в его жизни, так и к “апостольству”, если оно сопровождается забвением Бога – живого и личного. Моисей ведёт свой народ во время перехода к Земле Обетованной, и этот поход представляет историю всего человечества. А ведь Моисей – это человек, с которым Бог говорит так, “как бы говорил кто с другом своим” (Исх. 33,11). Христианская жизнь никогда не будет чем-то иным, кроме как дружбой человека с Богом, и если существует определение милосердной любви, любви к ближнему,¹⁹ к которому мы должны непрестанно возвращаться, как к источнику нашей молодости и нашего восхищения, то это определение святого Фомы Аквинского: “*милосердная любовь*¹⁹ – это дружба с Богом”. Эта короткая, лишённая блеска фраза начинает сверкать ярче тысячи атомных солнц, когда мы даём её значению раскрыться во всей сияющей полноте.

Что касается нас, то мы, наверное, произнесли бы слово “любовь”³⁹ – на первый взгляд, более сильное, но слово “дружбы”, воспринятое из уст Господа: “Я называю вас друзьями” (Ин. 15,15), ведёт гораздо дальше. Бог-Господь, вечный, грозный Владыка, Бог-Отец, источник нашего

существования, нежность, бесконечно отдающая, – какие бездны! И ведь они остаются по сути внутренне едиными! Бог-друг – и этим уже между нами установлена взаимность. Гениальное богословское прозрение святого Фомы Аквинского позволит нам проникнуть ещё глубже в эту изумительную “реальность”:⁴⁰ слово Господа воспринято всерьёз – но не только это; святой Фома Аквинский, спросив у любимого им Аристотеля, что такое дружба, применяет полученный им ответ – совершенно человеческое понимание – к этой обоюдной и длящейся встрече человека с Богом.

Дружба – это, прежде всего, противоположность эгоизму: мы ставим своего друга впереди самих себя, желаем ему добра, и вот человек – ради того, чтобы быть другом Бога, – возвышается до того, что желает самому Богу, а не себе, того блага, которое исходит от Бога.⁴¹ Он радуется тому, что Бог есть Бог, и это для него важнее, чем его собственная человеческая нужда и нищета. Мы хотим, чтобы Бог был тем, кто Он есть, и мы стремимся желать того, чего хочет Бог, потому что Он – наш друг. Невозможно что-либо к Нему добавить, что-либо дать Ему – кто может добавить луч солнцу? Но мы хотим быть кусочком стекла или каплей росы, которые отражают солнце и освещаются им. Слова молитвы “Христианской рабочей молодёжи” великолепно выражают это желание: “Пусть повсюду Тебя лучше узнают, сильнее любят, усерднее Тебе служат”.⁴²

Если дружба совершенно противоположна эгоизму, то за это она требует взаимности. Кармен может петь во всех театрах мира: “Пусть ты меня не любишь – я люблю тебя. И если я люблю тебя, то берегись!” – но Кармен не познает дружбы, которая требует этого взаимного обмена, дающего и получающего. И у святого Фомы Аквинского есть такая замечательная фраза: “Потому что друг любит в своём друге того, кто сам тоже любит его”. Между Богом и нами, нами и Богом, существует постоянная взаимность: Бог меня любит, я люблю Его, мы любим друг друга, и если печальные события моей жизни заставляют меня предавать эту любовь к Богу, я не могу сомневаться в непреходящей, прочной любви Бога ко мне.

Но – согласно Аристотелю – существует третье требование, предъявляемое дружбой: для того, чтобы принесение себя в дар и взаимность осуществлялись, требуется наличие общей почвы. Эта общность включает в себе нечто гораздо большее, чем симпатия, родившаяся из-за сходного склада ума, или чем сходство и близость, пусть даже глубокие. Симпатия, близость, сродство обогащают взаимность дружбы, но не создают её. Общность и общение дружбы должны уходить корнями в питательную почву, общую для обоих друзей. Эта общая почва – единая основа личности и жизни⁴³ друзей, содружество в сходстве.

Но может ли быть между мной и Богом эта “общая почва” – некая общая “территория”, целиком принадлежащая Богу и также принадлежащая и мне, на которой строилась бы наша дружба? Невозможное осуществляется в том, что Бог сообщает мне Свою собственную жизнь: *то, кто Он есть* в Своей тайне. Он даёт мне это, чтобы мы могли – на основе этой общности бытия – осуществить общность дружбы. Итак, Божий человек – это тот, кто отказался от всего ради дружбы с Богом. К этому призваны все, это призвание вовсе не есть удел лишь нескольких специалистов, но некоторых это настолько восхищает и покоряет, что они уже больше не могут – и не хотят – ни знать, ни переживать что-либо иное. Человек Божий – это человек, обращённый к Богу, который встречается с Ним во всех проявлениях Его присутствия. Первое проявление – это само Творение, так как создания, сотворённые Богом, – это уже знак, который даёт предчувствовать Бога.

Совсем недавно на одном из самых крупных судебных процессов нашего времени человек, сидевший на скамье подсудимых, сделал следующее заявление: “Моя семья не помогла мне найти дорогу в жизни, и я не смог найти ни в Библии, ни у Карла Маркса тот движущий моральный принцип, который я искал. Возможно, я посчитал, что усмотрю его через Ницше; мне оставалось искать мой путь... Я ни пресыщен, ни озлоблен. Не будучи верующим, я знаю, что есть что-то, что мы находим в улыбке ребёнка, в букете роз или в концерте Баха”.

Божий человек умеет распознать эту связь между лицом ребёнка, ароматом розы и Богом. И от этого его способность восхищаться бесконечно расширилась: ему достаточно крупинки пыльцы, чтобы встретиться со своим Создателем.

Божий человек знает один секрет: Бог открыл ему Своё Имя, “Он есть”.⁴⁵ Более того, Он открыл ему Свои Имена: Отец, Сын, Дух любви, и через эти человеческие слова человек постигает сокровенную тайну¹³ Бога. Посредством слов, которые он невнятно бормочет, как младенец и смысл которых остаётся для него затемнённым, он вступает в общение с каждой из божественных личностей: в нём он находит глубокую радость, умиротворение, не убежище, не бегство и не отвлечение, но самое средоточие, где царят бесконечные тишина и покой, где всё соединяется. Если бы его жизнь была далека от этого общения или если бы он перестал быть вечно влюблённым в своего друга-Бога, он был бы лишён полноты того, что Бог хочет ему дать.

Это человек, который обращён к Иисусу Христу: великому присутствию Бога, который “обитал среди нас”. Сам Бог мироздания, Слово, подобное Отцу, сделался для нас близким и доступным, чтобы взаимность, общение, общность между Богом и человеком были всесторонними и всеобъемлющими. “Он возлюбил меня и отдал Себя за меня” (Гал. 2,20), в свою

очередь я отдаю Ему мою жизнь: отдаю не по идеологическим побуждениям, а в силу той связи, которая соединяет личность с личностью. Иисус Христос – человек и до такой степени подобен нам⁴⁶, что Он, как и я, по словам Псалма, был “соткан во чреве матери” (Пс. 139/138,13), и эту Матерь – Его Матерь – я люблю, я дорожу Ей, я выбираю Её, чтобы Она была моей Матерью, и Он даёт Её мне. И Её имя – Мария.

А Иисус Христос и Церковь – это одно целое: человек Божий – это человек Церкви. Как мне может прийти в голову идея стать реформатором Церкви? Собираюсь ли я реформировать Бога? Но Иисус Христос призывает меня к гораздо большему: эта Церковь, за которую Он умер на кресте, – это всё человечество, собранное вместе – от Адама до скончания мира и Второго Пришествия. Он хочет, чтобы Церковь была незапятнанной, без морщин, сияющей, как невеста в утро своей свадьбы, и вот мой друг призывает меня продолжить то, что сделал Он, то есть ради той части человечества, которая живёт сегодня, завершить – в моём собственном теле – то, чего недостаёт⁴⁷ в Его Страстях.

Божий человек – это человек большой любви: Бог приводит его в восторг, Бог его восхищает, он наслаждается Богом, Его доброта и благодать с каждым днём всё больше изумляют его. И чем дольше люди вокруг него остаются бесчувственными, тем сильнее и острее он чувствует себя призванным любить Бога и восхищаться Им во имя всех людей: “Милосердная любовь покрывает множество грехов” (1 Петр. 4,8), одна единственная любовь перевешивает тысячу неблагодарностей. Поэтому, ради всех людей, он всё больше и больше обращается к Богу, чтобы и они тоже не были лишены этой радости, чтобы через него люди перестали пренебрегать Богом – по крайней мере, если рассматривать всё множество людей, в котором он есть лишь часть одного целого со своими братьями. В мире нет ничего, столь бесконечно захватывающего и притягательного, столь удивительно многообразного и совершенно простого, как Бог. Самый любимый человек исчерпывается и истощается, Бога же мы никогда не перестаём открывать, и Божий человек будет всегда идти от радости к радости.

Сколько ни говори самому себе, ни повторяй, ни проповедуй и ни объясняй, что христианство – это не только доктрина, но встреча с кем-то, соединение с этой личностью – с личностью Господа Иисуса, что с Ним нас соединяет реальная, таинственная и прочная связь и что это отличает нашу

веру от любой другой религии, всё же ничтожно малым остаётся число апостолов, которые переживают внутри себя тайну¹³ Христа, а не довольствуются только тем, что рассказывают о ней. Ужасная профессиональная болезнь миссионеров – считать, что они могут исполнять свои функции, перестав в той или иной мере переживать внутри себя ту божественную тайну¹³, которую они возвещают.

Нам всем угрожает эта опасность: стать “профессиональным” миссионером, апостолом-профессионалом, специалистом по литургии и катехизису, стать освобождённым работником в той или иной области, сделаться профессионалом “Католического действия”, может быть, даже стать профессиональным епископом и “профессионально” говорить всё, что требуется, испытывая при этом радость, но в то же время потерять то единственное, что необходимо для нашего служения: жить и страдать во Христе.

Мы стали людьми апостольской миссии, но мы перестали быть крещёнными людьми, живущими своим крещением. Мы возвещаем Христа, но наша связь с Ним стала слабой и прерывающейся. Мы отдали Ему свою жизнь, подобно тому как муж когда-то отдал свою жизнь своей молодой супруге в присутствии мэра и священника, а сейчас они живут рядом, но каждый из них живёт своей жизнью. Между ними нет явной измены, но артерия, по которой течёт благодать, закупорена отложениями шлаков.

С кем из нас не случилось однажды сказать себе: “В конце концов, для Бога я делаю столько же, сколько делают аббат Х. или отец У.” Да, моя работа лучше организована, я лучше чувствовал интересы современной молодёжи, я лучше видел роль лаиков-мирян,⁴⁹ да и многое другое... Может быть даже, что по отношению к бедному священнику, простому служащему⁵⁰, я занимаю место начальника, но поостережёмся! – мы оба, – если мы только функционеры, а не те, кто благоговеет перед Христом. Поостережёмся! – если мы из числа тех людей, которые спускаются с Голгофы, говоря: “Это была красивая церемония, там было столько народу...”

Достаточно посмотреть на недавно обращённого: *для него Господь – открытие его жизни.* Господь действительно говорит с ним, Иисус Христос даёт ему точные указания: “Если твой глаз соблазняет тебя и побуждает к греху, если ты смотришь на женщину с вожделением, если ты ложишься спать, замышляя недоброе против твоего брата... Продай всё, что ты имеешь, и купи единственную жемчужину; втайне молись твоему Отцу; Я был голоден, и ты дал Мне пищу...” Всё происходит непосредственно между Христом и Его учеником, между учеником и его Господом. Это бьющий ключом источник воды, которая даёт вечную жизнь и утоляет нашу жажду. Между обращённым и Христом нет промежуточных средств, подобных ряду резервуаров очистки,

отстойников, превращающих живую воду в водопроводную и апостола в специалиста по водопроводным трубам.

Я не говорю, что нам не нужны резервуары очистки и отстойники. Если взять проблему голода в мире, то нужна Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых Наций, другие организации, электронные статистические машины, периодические публикации обзоров, большие и малые достижения, нужно разбудить общественное мнение. И, сталкиваясь лицом к лицу с бедствием, поразившим миллиард людей, мы не можем довольствоваться тем, что побудим детей на клиросе помолиться и пожертвовать немного денег “для бедных детишек, которые умирают от голода”. Всё это очевидно.

Но в то же самое время, как умножаются используемые средства, должна возрасть – в геометрической прогрессии – вера христианина, который (полностью осознавая то, что он делает) кормит – в лице представителя слаборазвитых народов Америки, Азии, Африки или бедных окраин ближайшего пригорода – Иисуса из Назарета, Его самого, Слово, которое стало плотью, Того, которого жаждут вечные холмы.

Жить Христом означает: быть непосредственно и тесно связанным с Тем, Кто родился в яслях, вырос в Назарете, проповедовал в селениях Галилеи, утверждал, что Он – Сын Человеческий и Сын Отца, Кто сказал: “Прежде нежели был Авраам, Я есмь” (Ин. 8,58), – и также истинно говорил: “Жажду” (Ин. 19,28). Жить Христом – это значит жить так, чтобы Иисус, присутствующий в нашей жизни, был виден, словно на экране телевизора.⁵¹

А ведь если мы не проявляем осторожность и не прилагаем необходимых усилий, то мы *размываем* Христа во всех этих организациях, которые наступают на нас со всех сторон. Они такие огромные и многочисленные, что целиком поглощают наше время и наш ум. Можно перечислить их все, и если я забуду некоторые из них, пусть меня не обвинят в скрытом предпочтении. Христианину, участвующему в профсоюзном движении или в социальной, литургической, миссионерской или библейской деятельности или в работе “Католического действия”; стороннику “Христианского Свидетельства”, “Католической Франции” или “Нового Человека”, или последователю Тейяра де Шардена, открывающему космические измерения Альфы и Омеги, и т. д., одним словом, всем тем, кто начал действовать во имя Господа, всем им угрожает опасность неверности, и измены, и, в конечном счёте, неспособности что-либо сделать, если они не будут ревностно сохранять то, что единственно необходимо: личную встречу, совершающуюся в тишине и молчании, когда мы “сидим у ног Господа и слушаем слово Его” (Лк. 10,39), находясь перед Его

реальной личностью, называя Его собственным Его именем: “Иисус, Господь”, – и слыша, как Он тоже называет нас по имени.

Итак, жить Христом – это значит встречаться с Ним в Его тайнах, встречаться с Ним и с Его Матерью и беспрестанно соединяться со всеми событиями Его жизни, когда они – одно за другим – оживают в нас во время молитвенного размышления и созерцания, благодаря которым они для нас станут более осязаемо реальными, чем все те картинки и образы, которые нам навязчиво предлагают иллюстрированные журналы. Жить Христом – это значит осуществлять на практике “возвращения к Богу”, которые подобны вспышкам света, озаряющим течение наших дней. Это также означает слепо делать то, что Иисус называет словом “любить”, применять, подобно маленьким детям, Его уроки любви, личные уроки Иисуса, данные *Им от Своего собственного имени*: “А Я говорю вам...”, принять внутрь, прочно усвоить и закрепить в себе эти “установки”, этот образ поведения⁶⁶ в послушании Иисусу. Так, путём точных и ясных “установок” – подставить левую щеку после правой щеки, молитвенные просьбы из молитвы “Отче наш”, любовь к врагам – Иисус сформирует наше сердце, сообщит ему порыв, дерзновение и силу истинной любви¹⁹...

Жить Христом также означает встречаться с Ним в тех формах, в которых Он реально присутствует сегодня, – в таинствах, но при условии, что это действительно формы присутствия, а не некоторые отправления обязанностей, которым мы подчиняемся более или менее великодушно. Таинство покаяния в этом отношении типично: каких только слов не придумали, говоря о нём: “ярмо”, “наряд вне очереди”, “стирка”; в лучшем случае говорят: “Мне нужно пойти исповедаться”. Неужели мы забыли, что это встреча с Господом, возобновление дружбы и, если мы тяжко согрешили, это поступок заблудшего дитяти, встающего и идущего к своему Отцу, который прощает и изглаживает грех?

Это же можно сказать и о мессе, к которой мы обычно не подготавливаемся. И мы, священники, сойдя с мопеда или выйдя из автомобиля, устремляемся к ризнице и к алтарю. А причастие – каждый день торопливо проглатывается верующим. И как же – при таком нашем состоянии – мессы и причастие могут быть присутствием, приносящим плоды, творящим и дающим любовь?

И пусть никто не возражает: “Мы же ведь не монахи”, – и не достаёт расписанный по минутам план на день. Бог не призывает нас быть бизнесменами: Он просит нас быть созерцателями Его тайны, чтобы, созерцая эту божественную тайну¹³, мы несли Его⁵² другим людям.

Отец Пейригер говорил будущим священникам:

“Следите за тем, чтобы не стать ещё одним апостолом на службе у Церкви, который просто рассказывает о Христе. Сколько людей являют⁵³ Христа, не говоря о Нём? И сколько таких,

которые, рассказывая о Нём, но, не живя Им, не являют⁵³ Его? Христу мешают апостолы, которые только рассказывают. О! Как Он алкает и жаждет апостолов, которые живут Им!”

ПОВЕЛЕНИЕ ИДТИ К ЯЗЫЧНИКАМ

Призыв, проживание этого призыва вместе с Господом, повеление идти благовествовать язычникам – три составляющих одного и того же движения, неотделимые друг от друга.

Эллины и иудеи, атеисты и верующие, все без различия призваны “Спасителем нашим Богом, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины” (1 Тим. 2,3-4); это и есть необычайная Благая Весть, которой не перестаёт восхищаться святой апостол Павел во всех своих посланиях, это экуменизм Божьего богатства, предложенного всем людям: “Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно Тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования” (Еф. 3,6).

Новообращённым язычникам Рима святой Павел напоминает о божественной цепочке из звеньев, которые нельзя разорвать, или, точнее, о цепной реакции, которая не может не произойти. Чтобы *быть спасённым*, нужно *призвать* Его, нашего Господа; чтобы Его призвать, надо *уверовать*, чтобы уверовать, надо *услышать*; чтобы услышать, нужен *возвещающий*: чтобы *быть возвещающим*, надо быть *посланным* (см. Рим. 10,14-17). Таким образом, когда видимым образом вестник посылается для благовестия, – это знак того, что Бог невидимо уже совершает дело спасения. Посланный – возвещающий – услышать – уверовать – призвать – спасти.

В этом коренится уверенность, которая составляет главную силу апостола: если Бог меня посылает, значит, Он решил спасти. Не все, к сожалению, подчинятся Благой Вести, но посланный знает, что само его присутствие уже есть знак воли Бога, который любит тех, к кому Он направляет Своего посланника. Если мы уверены в том, что каждая совершённая во Имя Бога молитва будет непременно услышана и исполнена согласно самому Слову Божьему, то насколько больше наша уверенность в том, что непременно будет действенным всякий поступок, всякое действие, которое вдохновлено, движимо и совершено Господом и во Имя Его. Эта уверенность основывается на философской⁵⁴ истине: Бог-творец не может ничего делать напрасно; если Он вызывает к жизни Своё создание, значит, Он хочет действовать в нём и привлечь его к Себе. И его Промысел⁵⁵ совершается через Его создания. При условии, конечно же, что мы действительно

“посланы” во Имя Господа, а не движимы нашей собственной фантазией или нашей потребностью что-нибудь делать:

“Я не посылал пророков сих, а они сами побежали; Я ничего не сказал им, а они пророчествовали! Если бы они участвовали в Моём совете, то объявляли бы народу Моему слова Мои” (Иер. 23, 21-22).

Самая надёжная гарантия истинности того, что это именно Бог нас посылает благовествовать, – подлинная отдача себя Господу, то, что мы соглашаемся позволить Ему целиком овладеть нами и наполнить нас. Но на этой третьей стадии подвергнутся тяжёлому испытанию те наши отношения со Христом, о которых сказано: “для меня жизнь – Христос” (Фил. 1,21), “пусть Он растёт, а я уменьшаюсь”.⁵⁶ Рутиня, методы, сама апостольская работа – всё, что она включает в себя, – всё это может постепенно заглушить, подобно сорнякам, живую любовь посланника к своему Господу. Уже в притче о сеятеле описывается эта стадия, когда тернии заглушают зерно, упавшее у дороги, и с течением времени заполняют даже хорошую почву на самом поле.

Зло сегодня наступает ещё более активно, чем в притче о сеятеле, потому что его шипы теперь уже не просто осложнения и трудности, которые есть в любой жизни, или соблазны, существующие во все эпохи. Новое апостольство проявилось во времена демографического подъёма, индустриальной цивилизации, урбанизации и демократизации образования. Были придуманы слова, ужасно отвратительные, но передающие неоспоримую реальность: мир превратился в обезличенную массу, существуют “эффекты массы” или “толпы”, сходные с законом всемирного тяготения, и наличие толпы будет оказывать воздействие, пропорциональное её величине, чтобы она вбирала в себя всё новых и новых людей. Говорят даже о “средствах массовой информации”, обозначая этим словом интеллектуальные средства общения.

А ведь, начиная с эпохи Константина, апостол шествовал “триумфально”. Об этом “триумфализме”⁵⁷ говорил на Втором Ватиканском соборе монсиньор де Смедт, и тройная корона папской тиары была зримым выражением его могущества – которое было не только духовным и из которого извлекал пользу, как бы рикошетом, каждый миссионер. В глазах христиан Европы или язычников – более или менее диких – Америки или Африки на стороне миссионера были численное преимущество и цивилизация. Такое христианство наталкивалось на многочисленные трудности, пытаясь проникнуть в древние цивилизации Китая, Индии и Японии, но миссионеры не объясняли подобные неудачи тем, что эффект массы в данном случае уже действовал против них и они не могли оказывать влияние.

Сегодня, когда миссионер смешивается с толпой, он ужасно одинок, у него нет ни престижа, ни власти, он чувствует себя пережитком прошлого или, в лучшем случае, абсолютно чужим, пришельцем из другого мира. Казалось бы, это противоречит тому, какое внимание Ватиканским церемониям уделяют на радио, на телевидении и в прессе, но это факт, который не будет оспаривать ни один рядовой миссионер. Приведу один случай, не в качестве доказательства, а как показательный пример: в день интронизации Павла VI кто-то спросил вечером имя победителя велогонок Тур де Франс, и один простой, славный крестьянин, который смотрел в тот день телевизор, сказал: “По правде сказать, сегодня не было сообщений про Тур де Франс, потому что по телевизору после обеда всё время показывали какого-то каноника!”... Этим каноником был Павел VI во время его интронизации в Риме!

Одинокий, незначительный – я говорю как с человеческой, так и с социологической точки зрения – таков сегодня миссионер среди людей, и эффект массы, пропорциональный соответственной величине человеческих скоплений, действует теперь против него.

В этой области ничто не может заменить личного опыта: как апостол открывает для себя призыв Господа, чувствуя боль раны, нанесённой ему безверием, так же он должен открыть для себя этот закон современного человечества через скорбь и нужду собственного бессилия.

Я думаю об одном из новейших посёлков в Германии, о территории, где находятся заводы “Опель”. Это, несомненно, один из наиболее американизированных заводов в Европе. Там много хороших, красивых вещей: замечательные машины, образцовая медсанчасть, впечатляющая медицинская картотека, души, устройства для мытья ног с дезинфицирующим мыльным раствором и даже восхитительный морг – со стенами густо-лилового цвета, – который может понадобиться, если кто-то станет жертвой несчастного случая! Хорошие зарплаты, люди там выглядят спокойными, не нервными. На выходе из завода вы не сможете отличить простого рабочего от административного работника.

Но выйдя из монументальных ворот завода, вы будете до глубины души поражены непередаваемым контрастом – он настолько острый, что вызывает душевную боль, – между совершенством производства, этими гениальными изобретениями, которые делают отливки, контролируют, регулируют моторы, подхватывают, штампуют железный лист, делая из него корпус автомобильного кузова, – да, контрастом между всем этим богатством средств, используемых в работе, и маленькой деревенской церковью, построенной в 1880 году. Она находится даже не напротив, не рядом со всем этим великолепием завода, а задвинута в дальний

конец старой деревушки, в которой ничего не менялось со времени Адама-Опеля. Она, конечно же, ухожена, и её не назовёшь безобразной, но она настолько далека от всего того, что составляет современную жизнь, устаревая и старомодная, как старая музыкальная шкатулка посреди симфонического оркестра, играющего во всю мощь. Внешне она столь мало способна завоёвывать и покорять, в сравнении с индустрией, покрывающей весь земной шар своими агентствами и филиалами, как показано на светящейся карте мира, находящейся в вестибюле завода “Опель”. Конечно же, наше оружие – не от мира сего, и “Опель” не вечен, в то время как Церковь будет всегда живой. Да, живой, но перед этим гигантским и гениальным заводом она, деревенская церковь, пребывает в летаргии. И, тем не менее, её замечательные священники достойны всяческих похвал.

Совершенно очевидно, что ни дезинфицирующий мыльный раствор, ни морг нежной окраски, ни даже тысячи автомобилей, ожидающих у ворот завода, – у каждого рабочего есть свой автомобиль – не могут длительное время наполнять человеческое сердце удовлетворением и счастьем. Но не менее очевидно, что в сравнении с “Опелем” настоятель прихода – даже самый достойный, самый почитаемый – выглядит мало на что способным: в былые времена колоколья возвышались над деревенскими домами как знак совершенного величия Бога. Но какая колоколья может быть сегодня выше башни “Дженерал Моторс”?!

Итак, подобно тому, как шум или запах приходят извне и заставляют наши органы чувств их принять, ко мне пришло и заставило меня признать себя и принять то, чего я не искал, а именно, убеждённость в следующем: *только* живые миссионерские малые общины, исполненные радости, динамичные в своей вере, их тёплый приём, их неукоснительная прямота, но также и их фантазия и веселье детей Божьих могут быть противопоставлены гигантизму сегодняшнего дня как свидетельство свободы и радостной молодости Бога.

Когда сталкиваешься с подобными фактами и осознаёшь их, лучше понимаешь, сколь трудны и изнурительны попытки апостольской миссии, которые постоянно необходимо возобновлять: они подобны закваске, смешиваемой с тестом. Однако это повеление Господа, и, по Его слову, на протяжении двух тысяч лет, как только происходило открытие какого-нибудь нового уголка земного шара, миссионеры отправлялись туда, чтобы внести новую закваску Евангелия в человеческое “тесто”. Но сегодня, и особенно быстро это происходит в последние двадцать лет,

само это “тесто” мира⁵ производит и содержит в себе свою собственную закваску! Люди верят в динамизм развития, в величие и большие масштабы, в открытия современного мира, и это своего рода религия. И самые бедные люди из этого “теста” обольщены и ослеплены ею, так же, как и те, кто распространяет её.

О! Конечно, мы не будем сердиться на эту закваску мира⁵, потому что человеческий разум сотворён по подобию Божьему, и короткое высказывание святого Иринея: “Слава Божия – это живой человек”, – хорошо выражает суть всего того, о чём говорит святой Павел. Но эти реальности⁴⁰ с их величием⁵⁸ и красотой, даже если они не противопоставлены Богу, находятся на уровне природы и человека. Они постепенно захватывают миссионера, тем более что он хочет отдать им должное и не занимает по отношению к ним позицию несогласия и противодействия, как по отношению к враждебным идолам. Он хочет одновременно отдать Кесарю кесарево и вознести хвалу Богу за Его Творение.

Здесь действует уже не только эффект массы. Живя в непосредственной близости от людей, апостол подвергается воздействию различных сил, влияний и взаимодействий, которые стремятся вытеснить Бога из его сердца и наполнить его всяческой мирской “славой”. В действие вступает другой всемирный закон, которому подчиняются любые обмены между живыми существами: закон осмотического давления. Его действие направлено на то, чтобы в результате взаимодействия сил давления вытеснить Бога из сердца и жизни апостола и заполнить его тем, что его окружает.

Во все времена Церкви были известны случаи духовного “вливания” в людей, когда у них отнимали их собственную сущность и заменяли её другой. Некоторые из них поразительны и симптоматичны. Например, известны случаи, когда подобная перемена происходила с людьми не из-за политических пристрастий и не из-за слабости плоти, а всего лишь из-за влияния среды, из-за желаний во что бы то ни стало быть похожим на окружение, быть как все. Снижая высоту барьеров, отделяющих его от окружающей его среды, от её нравов и обычаев, человек Божий может измениться до такой степени, что наступит день, когда в нём больше не останется ничего из того, что было в начале. Казалось бы, всё осталось таким, как было раньше, но душа переменялась: Христос в ней теперь – лишь одна составная часть среди других частей. Такой человек перестаёт быть гражданином Небесного царства, к которому принадлежат святые, он принадлежит земле, и земное заполнило его сердце: “ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше” (Мф. 6,21).

Это явление не ново: Луази и другие священники, покинувшие Церковь в конце XIX века, должно быть, подверглись такому же действию закона “осмотического давления”, но это происходило на уровне разума и, тем самым, в отношении нескольких отдельных личностей. Сегодня эффект притягательности массового сознания действует на всех нас и во всех сферах нашей жизни: ему подвергаются все стороны нашей личности – образно говоря, и голова, и ноги, и сердце.

В старинных “Житиях святых” часто содержится рассказ о том, как святые встречают женщину, – ведущую скверный образ жизни, – которая пытается совратить их, отвлечь от их призвания. Как же поступали тогда те, кто не был канонизирован? И как поступим мы? Между тем, борьба оставалась тогда в некотором роде борьбой на равных: женщине противостоял мужчина. Сегодня же апостол сталкивается со множеством людей, которые мыслят не так, как он, и призывают к себе на помощь самые современные науки: социологию, философию истории, психологию, чтобы их позиция была обоснованной и весомой. Испытанию подвергается теперь уже не только плоть, но и ум.⁵⁹

“Ищет ли он в самом деле Бога?” – спрашивает себя святой Бенедикт при виде нового кандидата на поступление в монастырь, пришедшего к его воротам; мы повторим его слова, но затем добавим: “Хочет ли он в самом деле возвещать Бога язычникам?” Зачем, например, запрещать человеку, посвятившему себя Богу и несущему служение, – возвещать благую весть, – заниматься преходящей мирской деятельностью? Есть два вида причин, одни касаются самого миссионера, другие – тех, к кому мы посланы.

Что касается самого миссионера, это прежде всего – пусть даже это прозвучит для него немного обидно – соображения осторожности: человек отдаётся политическим пристрастиям в самом благородном смысле этого слова, потому что человек – я имею в виду мужчину – создан для этого так же, как и для продолжения рода. В обоих случаях он сталкивается с задачей, которая требует его целиком, полной душевной и физической отдачи. Подобно тому, как тот, кто сделался “евнухом ради любви Господа”, знает, что его верность требует крайней деликатности и осторожности, в том числе в тех сферах, которые остальным кажутся безопасными, так же и тот, кто хочет свидетельствовать о Невидимом, должен отказаться от управления делами человеческими. Он больше других подвергается опасности быть сверх меры захваченным ими, и

эта неумеренность может быть велика, поскольку он был столь долгое время отстранен от этих дел и с таким опозданием открыл для себя их величие.

Даже если он умеет вовремя остановиться, всё равно духовная жизнь требует больших усилий от того, кто посвящает себя ей, это требуется для него самого и для того, чтобы вовлекать в духовную жизнь других людей. Ради твёрдости руки хирургу запрещена тяжёлая физическая работа, певица заботится о своих голосовых связках, а человек, вглядывающийся в невидимое, должен оберегать свой взгляд: кино и молитва, телевидение (так же как когда-то прежде цирковые представления) и поклонение не могут уживаться в одном человеке. Примем эти ограничения, которые обусловлены нашей уязвимостью и которые шире, чем для женатых людей. Чтобы охранять то, что нам доверено, требуется вся наша энергия, – и это было хорошо известно Давиду, когда он говорил Богу: “Я к Тебе прибегаю, ибо Бог – заступник мой” (Пс. 59/58,10).

Душа, заботящаяся о своей духовной свежести, о здоровом “цвете своего лица”, вовсе не уподобляется поведению кокетки. Те, к кому мы посланы и кто должен услышать благую весть, должны испытать некоторый шок, потрясение, которое будет результатом того исключительного самоограничения, выглядящего как односторонность²¹, с которым мы будем совершать дело охранения и возрастания этой вести внутри нас, и, следовательно, сохранять постоянство и настойчивость, с которыми необходимо в течение многих лет претворять эту весть в дела и поступки нашей жизни. Монастырская ограда предназначена не только для защиты тех, кто живёт созерцательной молитвой, она есть знак – возможно, понимаемый с трудом, однако весьма красноречивый знак того, что их блаженство исходит только от Бога.

Однако для нас это исключительное самоограничение, выглядящее как односторонность²¹, при возвещении Евангелия так же важно и обязательно.⁶² Святой Павел хорошо показывает эту связь, говоря Тимофею: “Не пренебрегай находящимся в тебе духовным дарованием, которое дано тебе посредством пророчества с возложением рук пресвитеров. Заботься об этом, в этом пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден” (1 Тим. 4,14-15).

Ещё раз подчеркнём: возрастание внутреннего человека и порождение им новых христиан совершается взаимосвязанно. Тот же Павел продолжает: “Смотри за собой и за своим учительством, занимайся этим постоянно; ибо, так поступая, ты и себя спасёшь, и тех, кто слушает тебя” (1 Тим. 4,16).

Подобно тому, как в милосердной любви¹⁹ необходимо соблюдать определённый порядок заповедей,⁶¹ апостольское служение так же должно быть укоренено в “этом духовном даровании, которое есть в тебе”.

Чтобы рассеянный ум человека, который удалось зацепить за какое-то чувствительное место, обратился к Иисусу Христу, нужно даже усвоить методы современной рекламы – это то, о чём святой Павел говорит Галатам (3,1): “У вас перед глазами черты Иисуса Христа, распятого на Кресте, были словно представлены напоказ^а”.

Если мы представляем Христа среди широкого “ассортимента” всего того, что относится к общественной жизни, политике, искусству, литературе, кино, подобно тому, как это делается в иллюстрированных журналах, то уже сама эта “презентация” свергает Его с престола, лишает Его достоинства Единственного Господа и противоречит всему тому, что мы можем утверждать о Нём, а именно, “что нет другого Имени, кроме Его, на Земле, как и на Небе”. “Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим”, – говорят Иудеи Пилату (Ин. 19,7); несомненно, наше утверждение этой истины о Божественном достоинстве Христа вызовет презрение по отношению к нам, но где в Евангелии написано, что с учеником будут обращаться лучше, чем с Учителем?

В бессмертном романе Паньоля “Мариус” капитан Эскартефиг, пересекая Старый порт Марсея на своём пароме, кричит своему помощнику, который слишком долго держит включённой сирену: “Она съест весь мой пар!” Капитану Эскартефигу очень хочется представлять весь французский военно-морской флот, но он органичен в средствах, он это знает и действует соответственно. Наши средства также ограничены: мы не можем одновременно и “включать сирену” мира сего, и расходовать весь наш “пар” на возвешение Слова Божьего. Мы находимся на том же корабле, что и другие люди, но внутри наша роль – иная.

Если апостол хочет представить взору сегодняшних людей “черты распятого на кресте Иисуса”, то он должен сохранять перед своим собственным внутренним взором этот пример для подражания и говорить: “Я пришёл к вам, братия, возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости. Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого” (1 Кор. 2,1-2).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

^а В Иерусалимской Библии это переведено как “изображены”; “он словно поместил картину перед их глазами”, – пишет Л. Серфо в своей работе “Христианин в богословии св. Павла” (стр. 46). Соответствующее греческое слово означает “изображать, как на картине; рисовать”.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ АПОСТОЛА

НАСТОЯТЕЛЬНАЯ МОЛЬБА

На протяжении двадцати лет мы искали объяснения, почему люди отходят от христианства. В первую очередь мы столкнулись с такими причинами, как бедность, незащищённость, нужда, но сейчас мы можем добавить к ним богатство, защищённость и комфорт, которые, как нам представляется, ещё сильнее отдаляют людей от христианства: люди бедной Польши и нищей Бразилии в массе своей знают Бога и живут в Его присутствии.

Мы обвиняли по очереди марксизм, несправедливость предпринимательства и его плохую организацию, но в ФРГ нет марксизма, предпринимательство превосходно организовано, а человек там точно так же отдалён от Бога.

Христианский конформизм, посредственные священники? Но иногда Церковь меньше всего заслуживает критики именно там, где она наиболее “обустроена и упрочена” в материальном отношении, и именно там в ней самое большое число верующих, которые чувствуют призвание от Бога и искренне откликаются на него. Есть страны, где Бог официально отвергается при помощи густой сети массовой пропаганды. Он также забыт теми народами, которые кичатся своей свободой, но в жизни которых всё подчинено чувствам.

В конечном счёте, никакое объяснение не выглядит вполне удовлетворительным, даже ужасные тираны⁶³ капитализма или коммунизма не представляются достаточной причиной дехристианизации. Отсутствие Бога принимает разные формы в зависимости от места, но зло остаётся одним и тем же, и средство против него следует искать за пределами непосредственных и очевидных⁶⁴ причин. Только один Бог может затронуть сердце человека: ни наука, ни человеческая мудрость, ни красноречие, ни искусство, ни чьи-либо авторитет или обаяние не могут заставить неверующего открыться навстречу Богу. Есть слишком много лазеек, возможностей для ухода, много путей, уводящих в сторону, от Бога. Есть много соблазнов, благородных или низких, слишком сильно влияние общества, лозунгов.⁶⁵ Каждый слишком непостоянен, как в хорошем, так и в плохом. Поэтому окружение, среди которого бьётся человеческое сердце, таково, что само по себе оно никогда не обретёт устойчивость и постоянство, если только что-то – или кто-то – не окажется достаточно сильным, чтобы

“закрепить” его. Человеческая воля перестаёт искать, только если её сильно захватило увлечение или любовь.

Есть другая причина, уже не психологическая, но связанная с самой природой обращения: душа, которая ушла от Бога – или которая Его никогда не знала – не может сама по себе вступить с Ним в дружеские отношения, и Иисус говорит нам это: “Никто не может прийти ко Мне, если не привлечёт его Отец” (Ин. 6,44). Духовный переворот, который представляет собой обращение к Богу, не есть дело человека: только Бог знает те пути, которые изнутри ведут к Нему. Об этом можно сказать иначе – и выразить ещё более глубокую истину: только Бог может войти в сердце и сделать в нём Своё жилище. “Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж” (Пс. 127/126).

Мы переживали это на собственном опыте и сто, и тысячу раз. Поэтому мы должны понять, что наша первая задача и наше самое первое полезное действие заключаются в том, чтобы действительно и непрестанно молить Бога о том, чтобы Он действовал в глубине наших сердец.

Нет ни одного великого миссионера, который не был бы человеком молитвы, и не молился бы о других людях, прося Бога о них. “Пойдём вперёд и будем думать о нашем Господе”, – говорил своим спутникам святой Доминик. “И было слышно, как он стонет и вздыхает. Где бы он ни находился, он не переставал говорить о Боге или с Богом, и он призывал братьев делать то же самое”, – говорили о нём его попутчики.^a Во время его ночных молитв было слышно, как он со стоном молил: “Господи, сжался над Своим народом! Что же станет с грешниками?” А когда он совершал мессу, “слёзы текли по его лицу так обильно, что одна слеза набегала на другую”.

У святого Игнатия Лойолы нет иного “оружия”: в его замечательную тетрадь для записей, которой больше подошло бы название “книга счетов”, а не “Духовный дневник”, при помощи алгебраических и стенографических знаков записано, сколько он плакал во время мессы и молитв.^b Когда текст святого Игнатия становится более понятным для чтения, он открывает нам свой секрет: “На протяжении всей мессы я испытываю глубокое благоговение и проливаю много слёз, довольно часто теряя дар речи, и всё, что я чувствую и переживаю в это время, ведёт меня к Иисусу”.

А ведь в тот самый момент, когда они – как святой Игнатий, так и святой Доминик – проливают слёзы, они уже достигли полной зрелости, они основывают всё новые и новые дома ордена,

^a П. Викар “Святой Доминик”; P. Vicaire “Saint Dominique”, p. 236.

^b Ален Гюйерму “Жизнь святого Игнатия Лойолы”; Alain Guillerrou “La vie de saint Ignace de Loyola”, Editions du Seuil, p. 263.

расширяют апостольскую работу и создают новые миссии в отдалённых уголках земли. Поэтому их никак нельзя заподозрить в старческой умильности. Их “установка”,⁶⁶ их образ действия – единственно разумные: просить у более сильного о том, на что ты сам не способен. “Жатва велика, а работников мало”, – говорит Иисус; мы бы, наверное, добавили: значит, надо работать с удвоенной силой, но Господь тут же заключает: “Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы послал работников на жатву Свою” (Мф. 9,37-38). Только Ему одному этого “итак” было бы достаточно для того, чтобы укоренить нас в молитве и в слове Иисуса; Его жизнь, Его ночная молитва после дня, наполненного трудами, – всё это живой комментарий к этому слову.

Можно вспомнить широко распространённое возражение: “Но разве моя молитва изменит что-нибудь для Бога, разве она вынудит Его захотеть того, чего Он не хотел до моей молитвы?” – оно помогает увидеть всё в истинном свете и с несравнимо более высокой – и потому истинной – точки зрения и тем самым обрести прочную внутреннюю позицию. Конечно же, я ничего не изменю для Бога, но когда я молюсь, я становлюсь “инструментом” – живым и действенным, – который Бог от самой вечности желал иметь в этот самый час и который в этот самый момент исполняет то, что Бог хочет получить как результат действия моей молитвы. И если Бог хочет моей молитвы и хочет, чтобы она принесла такой-то плод, как же она может не быть действенной и не принести результата?! “Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него!” (Мф. 7,11); потому что сам Бог первым подталкивает меня к молитве и тайно побуждает меня просить, искать и стучать.

Мы вовлечены в дело Божье, поскольку мы – Его сыновья, и наша молитва обретает звание и достоинство причины: Бог решил, что некоторые события могут произойти только по молитве Его сыновей. Как пахота – одна из причин урожая, так и молитва находит своё место в жатве Бога: мы – нищие, просящие у Бога, – становимся Его соработниками.

Эта уверенность, основанная на том, что Бог всегда первый во всяком действии и всегда добивается результата, должна переполнять нас верой, силой и помогать нам быть действенными в нашей апостольской миссии: “И всё, чего вы попросите в молитве с верою, получите” (Мф. 21,22). Для нас должно стать привычкой: никогда не подниматься с колен после молитвы, не проникнувшись этой уверенностью и не произнеся слов самого Иисуса: “Отче! благодарю Тебя за то, что Ты услышал меня; я хорошо знал, что Ты всегда услышишь меня...” (Ин. 11,41-42). Как же могло быть иначе, ведь Он побудил меня просить Его!

Таким образом, молитвенное делание непосредственно связано с нашей миссионерской задачей. Не так уж и важно, будет ли наша молитва сладостной или сухой, радостной или дающейся с трудом, напряжённой, протяжённой или совершающейся урывками, она – наш инструмент, бурав, проникающий в глубины, чтобы оттуда, словно бьющий фонтан, внезапно появился Бог. В мистическом теле Иисуса мы соединяемся с молитвой тех, кто ушёл в монастырь, и мы опираемся на неё, но мы должны видоизменить её, переработать, как бы “примесить её к тесту” – “тесту”, образуемому конкретными людьми, с которыми мы сталкиваемся каждый день: на нашем заводе, в нашем цеху, нашей бригаде, и, начиная от наших товарищей, Пьера или Антуана, образуемому всеми другими людьми, подобными им, всеми бригадирами и мастерами, начиная с нашего бригадира, всеми директорами и руководителями... И образуемому нашей улицей, нашим кварталом, начиная с соседа, от которого нас отделяет пять сантиметров перегородки, до проходящего мимо незнакомца... Жених и невеста, пришедшие поговорить с нами, – их посылает нам Бог, чтобы наша молитва непосредственно, прямо в этот самый момент “пронизала” их, глубоко воздействуя на них.

Поскольку мы понимаем, что молитва необходима для того, чтобы сердца других людей открылись навстречу Богу, будем же молить Его о том, чтобы Он позволил всему нашему существу, нашему разуму и сердцу, понять – и чтобы это понимание шло изнутри, – что в нашей апостольской миссии это молитвенное делание занимает главное, первостепенное место. Отец Лакордер выразил это, сказав, что “апостол – это особый, личный Христос каждой души, к которой он послан”.

Апостольство – это *контакт, тесное соприкосновение с человеком апостолом, движимым и наполненным дыханием Духа Иисуса*. Чудо воскрешения пророком Елисеем мёртвого ребёнка очень поучительно.⁶⁷ По просьбе бедной матери Елисей посылает своего слугу, доверяет ему свой собственный посох и приказывает ему протянуть⁶⁸ этот посох над ребёнком. Слуга исполняет это, но ребёнок оставался “без голоса, без ответа”. “И вошёл Елисей в дом, и вот, ребёнок умерший лежит на постели его. И вошёл и запер дверь за собою, и помолился Яхве. И поднялся⁶⁹ и лёг на ребёнка,⁷⁰ и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нём, и согрелось тело ребёнка. И встал и прошёл по горнице взад и вперёд; потом опять вошёл и простёрся на нём, и так делал семь раз. И чихнул ребёнок и открыл глаза свои” (4 Цар. 4,32-35). Посох Елисея, то есть соприкосновение, сам по себе не воскрешает ребёнка: нужно двойное тесное соприкосновение:⁷¹ борение пророка с Яхве в молитве, с одной стороны, и тесное соприкосновение пророка с ребёнком, которого нужно согреть, – с другой.

Таким образом, если апостольство – как очень хорошо выразил аббат Лоше – это “прежде всего *благодать, которую надо получить для тех, кто нас окружает*”, то оно также – неразрывно с этим – есть воскресение, которое надо совершить нашим духовным дыханием. Поэтому всё, что поддерживает и тренирует наше дыхание, так же важно, как и быстрота наших ног, необходимая для того, чтобы мы были посреди людей. Своим присутствием вызвать у людей симпатию по отношению к Церкви – одного этого недостаточно для того, чтобы преодолеть препятствия, которые встают перед людьми и которые, в конечном счёте, находятся на уровне гораздо более высоком: необходимо нечто большее. Это большее – осознание и использование “безмерного величия могущества Божьего, действующего в нас, верующих”⁷² (Еф. 1,19).

Нужно ли ещё раз это подчёркивать? Мы молимся не для того, чтобы наша жизнь была уравновешенной (хотя это необходимо), ещё менее мы молимся ради соблюдения церковных приличий, чтобы ободрить самих себя и успокоить наше церковное начальство всех рангов, успокоить их в отношении нас. Мы молимся подобно тому, как пекарь замешивает своё тесто, чтобы испечь хлеб, как врач делает рентгеновский снимок больному, как мать кормит ребёнка грудью: это не вызывает у них вопросов, как могли бы они поступать иначе? Так же должно быть и у нас: мы молимся, потому что это нужно для того, чтобы Бог вошёл в сердца людей и изменил их. Это необходимость, закон.

“Боритесь, сражайтесь вместе со мною в молитве” (Рим. 15,30), – у моего возлюбленного Павла нет других слов, и если поднятые к небу руки для Жанны д’Арк выигрывают сражения, которые начнут копья её солдат, то насколько нужнее они в духовной борьбе! Святой Иоанн в своём великом видении видит “чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых” (Откр. 5,8), и он указывает их роль: они приближают день пришествия Бога.

Когда мы употребляем такие слова, как созерцание, молчание, тишина, уединение, единение с Богом, внутренняя жизнь, молитва, совершенствование, мы – независимо от нашего личного выбора – склонны представлять их себе в противоположности или, по крайней мере, в соперничестве с другим рядом слов: действие, апостольство, отдача себя другим людям, связи, общение, миссия и т. д. Даже думать так дуалистично – это ложный путь: нет “печи и мельницы”,⁷³ в которых нельзя находиться одновременно, но есть живой организм, которому нужно и то, и другое и в котором они взаимосвязаны. Чемпион по бегу – это одновременно и мышцы, и дыхание. Так же и в нашей апостольской жизни. Мы не должны противопоставлять посещения людей, с одной стороны, и, с другой, молитву и поклонение.⁷⁴ Есть такие апостольские посещения, во время которых мы ищем *себя*, и также бывают такие молитвы поклонения, во

время которых мы только перебираем в уме *свои* собственные проблемы. И те, и другие – посещения людей и молитвы поклонения – должны, напротив, быть “деяниями апостолов”; три параллельных отрывка из самих Деяний (Деян. 2,42; 4,32; 5,12) показывают, в какой степени жизнь первых христиан сочетала в себе молитву, созерцание и действие.

Потому что в каждом нашем действии присутствует *нечто потустороннее, высшее* – а именно, действие самого Бога, превосходящее и “надстраивающее” то, к чему стремились мы сами. И потому нам нужны истинное молчание, внутренняя тишина и истинное внимание к Богу – чтобы мы не упустили того, чего Бог ждёт от нас. Можно было бы написать маленький юмористический скетч, предположив невозможное – будто Святая Дева подобна нам, таким, какими мы столь часто бываем: будто бы Она настолько “вбила” Себе в голову, что Она должна идти помогать Своей двоюродной сестре Елизавете, действуя чётко определённым образом, что, едва успев прийти, Она кидается к кастрюлям и к метлам, моет, убирает, чистит, приводит всё в порядок и в результате выполняет Свою небольшую и незначительную человеческую работу вместо того, чтобы совершить поразительное деяние: молитву “Величит душа Моя Господа” и освящение Иоанна Крестителя.

Это “высшее”, “потустороннее” присутствует даже в молитве, ибо мы не знаем, как нужно молиться: но “Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными” (Рим. 8,26). Поэтому нам нужна большая чуткость, мы должны внимательно слушать, чтобы сотрудничать с Богом, быть Его живым инструментом, и мы не должны – всё время пребывая в движении и продвигаясь всё время вперёд – сами устанавливать⁷⁵ конечную цель, которая руководит нашими действиями. Всё, что можно классифицировать как “молитву”, вводит нас в тайный замысел Бога. Это также относится и к внутренней позиции и образу действия Святой Марии, которая “сохраняла все слова сии, слагая их в сердце Своём” (Лк. 2,19). Стать людьми, живущими созерцательной молитвой, а не честными церковными чиновниками, мы можем, если только будем часто задавать себе вопрос: “Где в твоей жизни *реальные* моменты твоих *истинных* встреч с Богом?” Потому что наши реальные, подлинные встречи с людьми станут совершаться в той мере, в какой мы исходим из наших истинных встреч с Богом, которые приведут нас к людям и помогут нам встретиться с ними. Отец Пари – человек, чьё апостольское служение оставило глубокий след. Однажды он сказал – проникновенно, так, что слушатели, казалось, никогда этого не забудут: “Апостольство – это таинственная смесь действия и страдания в молитвенном принятии Воли Божьей⁷⁶”. Невозможно лучше выразить требования, предъявляемые к нашей жизни, её потребности. Почему мы так легко от них отступаем? Пусть же будет, по крайней мере, сказано, написано, подтверждено и

повторено, что молитва есть Альфа и Омега нашего апостольского действия. Дорога к Земле Обетованной открывается только по молитве Моисея на горе, простирающего свои руки до полного изнеможения.

“КАК ПОСЛАЛ МЕНЯ ОТЕЦ”

Повелительная сила слова “как”

Наша личная молитва делает нас посреди людей – образно говоря – последним “передаточным звеном”, связывающим этих людей с молитвой тех, кто живёт только молитвой созерцания. Но к этому молитвенному деланию – и для нас неотделимо от него – присоединяется другое: жить так, чтобы в нас проявились черты Христа, Его образ жизни и действия, Его склад ума, Его дух – и всё это для того, чтобы люди, не знающие Его, смогли открыть Его для себя через наше сходство с Ним. Каждый христианин по определению должен стремиться быть изображением, подобием, сиянием Христа, по образу самого Христа, “Сына, наследника, сияния славы Отца и отпечатка Его сущности” (Евр. 1,2-3).

Но для апостола (а среди неверующих любой христианин – апостол) подражание Христу – это не только требование, предъявляемое ему крещением: это его задача и – следовало бы осмелиться это сказать – “его профессия”, смысл его пребывания в обществе. Апостол – “*посланный*” не столько в качестве посла (что характерно для миссии, совершаемой по поручению иерархии⁷⁷), сколько в качестве подлинного “образца”, – образно говоря – кусочка камня, из которого мы были вырезаны. Подражание Богу, ещё со времён иудейской зари нашей веры, основывается на том, что человек сотворён “по подобию и образу Божьему”: “Будьте святы, ибо Я, Яхве, Бог ваш, свят” (Лев. 19,2 и 1 Петр. 1,15). Святой апостол Пётр в своём послании вновь принимает это повеление на свой собственный счёт, ведь он слышал, как Господь Иисус утверждает в Нагорной проповеди: “Итак будьте совершенны, *как* совершенен Отец ваш Небесный” (Мф. 5,48).

Но именно святому Иоанну было предназначено вернуть этому слову “*как*” ту необычайную ценность, которую оно имеет в устах Христа. Иисус шаг за шагом открывает нам Отца и Его совершенство, открывает нам секрет личности Иисуса, Его совершенного уподобления⁷⁸ Отцу и, наконец, то сходство с Иисусом и Его Отцом, к которому мы должны стремиться. И в этой тройственной реальности⁴⁰ – Отец, Иисус и мы – слово “*как*”, сказанное Иисусом, служит

связующим звеном. Каждый из приведённых ниже отрывков из Евангелия от Иоанна общеизвестен, однако их наложение придаёт им такую убедительную силу, что стоит переписать их здесь все, чтобы можно было прочитать их один за другим:

“Я – пастырь добрый, и знаю Моих овец, и Мои овцы знают Меня; как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца” (10, 14-15).

“Заповедь новую даю вам: ... как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга” (13, 34).

“Пребудьте во Мне, как Я в вас” (15, 4).

“Кто пребывает во Мне, как Я в нём” (15, 5).

“Как возлюбил Меня Отец, так и Я возлюбил вас” (15, 9).

“Если будете соблюдать Мои заповеди, то пребудете в любви Моей, как и Я соблюдал заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви” (15, 10).

“Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас” (15, 12).

“Отче Святой, соблюди их во имя Твоё, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы” (17, 11).

“Они не от мира, как и Я не от мира” (17, 16).

“Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир” (17, 18).

“Как Ты, Отче во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня” (17, 21).

“И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино” (17, 22).

“Я в них, и Ты во Мне; да будут они совершенно едины, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня” (17, 23).⁸⁰

(В день Воскресения): “Иисус же опять сказал им: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас” (20, 21).

Это вершина раскрытия человеческой личности – в её предельном уподоблении Богу,⁷⁹ и святой Фома Аквинский даёт такое толкование: “Посланные той же любовью, в той же силе, с той же властью, что и Отец послал Своего возлюбленного Сына Иисуса Христа”.

Внутренняя правда нашего апостольства заключена в самой реальности⁸¹ этого “как”: одним этим словом Иисус ставит нас в центр, из которого мы можем понять наши отношения с Богом⁸³ и судить о качестве наших действий и поступков. Мы должны действовать по примеру Бога, действовать, как Он: в Его любви, Его властью, с Его силой. Христианин не определяется ни деятельностью, которую он осуществляет, какой бы святой она ни была, ни служением, каким бы

эффективным и героическим оно ни было, – его определяет то, что он сын Божий. А “быть сыном” – что это означает, если не “быть *как Отец*”?! Этот Отец, этот Бог, на Которого мы – как нам говорит Писание – должны быть похожи, сказал нам Своё собственное имя: Он есть Любовь. Это то, что составляет Его самую глубокую сущность, саму Его тайну Троицы: Бог есть Любовь. Вот на что мы должны смотреть и чему мы должны помогать проявляться в нашей жизни.

В 25 лет, будучи ещё неверующим, я начал искать Бога, когда заболел⁸² и должен был поехать отдыхать в Швейцарию. Хорошая девушка, протестантка, у которой я там остановился, с неподдельной радостью угощала своих постояльцев восхитительными домашними вареньями... Каждый раз на завтрак и на полдник она приносила их нам на подносе, на котором её рукой – как украшение – было написано: “Бог есть Любовь”. Хотя я был неверующим, мне казалось одновременно трогательным и полным юмора то, что такие хорошие вещи, материальные и земные, приносили на этом подносе: “Бог есть Любовь”... Сейчас я думаю, что эти слова постепенно вошли в мою душу в то время, как я уплетал варенья. После этого я многое забыл, но эти несколько слов запали мне в сердце – сердце неверующего – так, что сейчас я отчётливо ощущаю, что нет никакой другой истины, никакой другой логики в мире, которая была бы столь же достоверна и несомненна, и что эта истина – единственный свет в нашей жизни. Бог есть Любовь. Бог существует, Бог нас любит, Он здесь...

Когда мы говорим эти слова, когда мы просто произносим это слово “Бог” и добавляем, что Он существует и любит нас, надо, чтобы в нашей душе каждый раз загорался свет, происходило просветление... Эта истина даёт опору, образно говоря, “позвоночник” нашей жизни, нашим действиям, тому, кто мы есть.

Бог нас любит, Он есть Любовь... Но как же тогда быть сыном такого Отца, как узнать Его достаточно близко, чтобы стать сыновьями, подобными Ему? Ибо мы не сыновья “присутствия”, – хотя присутствие в мире необходимо, – мы не сыновья “действенности”, мы не сыновья “действия” – мы сыновья Любви, потому что мы сыновья Бога. Для того чтобы узнать это, мы можем только смотреть на нашего Господа Иисуса: “Видевший Меня видел Отца” (Ин. 14,9). Это Он – Он, истинный Сын, научит нас, как быть сыном, подобным своему Отцу.

То, что мы видим, находясь здесь на земле, в словах и в поступках Христа – это лишь слабый отголосок, отблеск⁸⁴ вечной тайны Сына Божьего, пребывающего в самом лоне Пресвятой Троицы. Иисус Христос подобен Отцу, потому что Он всё получил от Него, Он весь Своим взором обращён к Своему Отцу, как Отец есть чистый Дар Своему Сыну – Ему, Своему Возлюбленному, Своему Единственному, “в Которого Он вложил всю Свою Любовь” (Мк. 1,11). На протяжении

многих лет у нас⁸⁵ на устах были слова “вовлечённость в служение, в миссию” или “присутствие и открытость к нуждам окружающих людей”⁸⁶, и необходимо, чтобы так и продолжалось, потому что сам Иисус просил нас быть солью земли. Но нужно идти ещё дальше: нрав Бога, если можно так сказать, должен стать нашим собственным нравом.

Бог неизменен, Он не меняется, Он не движется, потому что Он совершенен. К Нему ничего нельзя прибавить, от Него ничего нельзя отнять, потому что Он есть всё. И созерцая эту неизменность Бога, мы учимся быть постоянными и стойкими как в успехах, так и в неудачах.

Бог любит Добро, Благо, Красоту. Он не хочет, чтобы были кланы, группировки, соперничество. Поэтому “всё, что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте” (Фил. 4,8).

Бог справедлив и праведен: когда Он смотрит на человека, Он не смотрит на то, хозяин это или работник, коммунист, прогрессист или интегрис. Для Бога это просто человек. Так же и мы должны открывать людям Бога, видя каждого таким, какой он есть, и даже глядя на него так, как на него смотрит сам Бог.

Бог милосерден и милостив. Если Он и осуждает, то Его милосердие при этом всегда выше Его справедливости, и Он – который ничего не может получить, потому что Сам даёт всё, – в высшей степени щедр и великодушен.

Бог истинен. “Я – Путь, Истина и Жизнь” (Ин. 14,6)... Его слово никогда не перестанет быть истинным. Так же пусть и наше “да” будет “да”, а наше “нет” будет “нет”.

Чтобы эти “как” – уподобление Иисусу Христу – действительно стали реальностью нашей жизни, требуются выполнить только два условия, но эти условия обязательны. Каждое из них выражает определённый духовный закон соответствия. “Если не станете как маленькие дети, то не войдёте в Царство Небесное”. В этом заключается первое условие, первый духовный закон: нам нужно сделаться совсем маленькими. Единственное препятствие для Божьего Милосердия¹⁹ в нашей жизни – то, что мы не умеем соглашаться быть совсем маленькими... Но чтобы войти в это Божье милосердие, не нужно приобретать, достаточно потерять, уменьшиться перед Богом: “Ему должно расти, а мне умалиться” (Ин. 3,30).

Второе условие (второй духовный закон соответствия) предъявляет к нам ещё более настоятельное требование; это слово “как” из молитвы “Отче наш”: “Прости нам грехи наши, как и

мы прощаем должникам нашим”. Бог будет сообразовывать Своё отношение к нам с нашим отношением к другому человеку.

Нам хорошо известно, что мы можем идти к людям, только если наши руки станут, образно говоря, руками самого Христа, потому что наши убогие и неспособные²⁰ человеческие руки слишком часто будут оставаться руками патерналистскими, слишком уверенными в себе, руками тяжёлыми и грубыми, которые будут причинять вред и боль чаще, чем приносить облегчение и делать добро. Но если мы действительно смогли принять эту любовь Отца в нашу жизнь, если мы смогли, как Иисус Христос, всё делать любовью Отца, то тогда наши руки будут излучать свет – даже свет, исходящий из Его ран, они, как руки Христа, будут пронзены любовью Божьей, и их прикосновение будет благотворным и нежным.

В этом и заключается смысл слов – уподобляться Богу, быть и поступать, “как” Бог...

ПОДРАЖАТЕЛИ И ОБРАЗЦЫ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

У святого апостола Павла не было иного учения, кроме того, которое передал святой апостол Иоанн, но он придал ему неожиданное направление. Об этом стоит поговорить поподробнее. Одно и то же слово в письмах Павла повторяется добрый десяток раз и с такой необыкновенной настойчивостью, что учёный-исследователь Джузеппе Риччиотти заканчивает 515-ю и последнюю страницу своей книги “Святой апостол Павел” этим самым словом, которое, как он говорит, кратко выражает смысл не только учения, содержащегося в этих письмах, но и самой жизни апостола: “Будьте *подражателями* мне, как и я Христу” (1 Кор. 11,1).

Но это слово “подражатель” заимствованно святым Павлом из мирского языка искусства его времени, техники, живописи, танца и особенно из языка театра: подражатель, актёр-мим, который до такой степени перевоплощается в образ своего персонажа, что перенимает все его черты. Поэтому в обычном переводе: “Будьте *подражателями* мне, как и я Христу”, – скрывается гораздо более глубокий смысл: “Итак, имитируйте, изображайте же меня, как я сам изображаю, имитирую Христа”. В начале этого же письма (1 Кор. 4,16) он сказал то же самое: “Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: становитесь подражателями мне (“актёрами-мимами”)”.

Но слово “подражатель” должно быть связано с другим словом: образцом для воспроизведения, “образцом-эталоном”,⁸⁷ как говорит святой Павел. Можно это перевести как “эталон-прототип”. Апостол, – о котором в другом месте сказано, что он “выставлен миру напоказ”, – подражая Христу, становится *эталон*ом, которому должны будут подражать люди, чтобы прийти к Господу: “Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам” (Павлу, Силуану и Тимофею), потому что мы стремились “себя самих дать вам в образец (эталон-прототип) для подражания” (2 Фес. 3, 7 и 9). Это то, к чему Павел неизменно призывает в своих увещаниях и поучениях. Филиппийцам он напишет о том же самом: “Будьте все вместе подражателями мне, братья, и смотрите на тех, которые и поступают по образу, какой имеете в нас” (Фил. 3,17). И эта двойная обязанность – быть одновременно подражателем и образцом для подражания – это вовсе не привилегия и не исключительная способность апостола, а нормальный способ распространения веры и Слова: “И вы сделали подражателями нам (всё те же трое – Павел, Силуан и Тимофей) и Господу, принявши Слово при многих скорбях с радостью Духа Святого, так что вы стали образцом (эталон)ом для всех верующих в Македонии и Ахайе” (1 Фес. 1,6-7).

Таким образом, апостол – это связующее звено между Христом и людьми: его сходство с Господом делает видимым невидимого Христа. В этой сфере наши устремления и амбиции представляются странным образом ограниченными. Мы так боимся не быть “как все”, так боимся показаться людьми особенными, что иногда мы, похоже, принимаем в качестве образца для подражания “самоотверженность” неверующих людей, их рвение, с которым они стремятся обустроить землю и поселиться на ней.

Конечно же, нет никакой причины для того, чтобы христианин уступал язычникам в этих временных, земных сферах. Но узнают его не по этому признаку: *знак христианина, его изображение – это жизнь согласно Блаженствам*. Это означает жить в мире, в котором всё наоборот: в нём плачущие объявлены блаженными, те, кому дали пощёчину, должны подставлять другую щеку, и те, у кого похитили рубашку, должны отдать и верхнюю одежду. Именно так старается жить ученик, и этим он проявляет своё подобие и принадлежность Христу: “Вы были научены..., а Я говорю вам...” Во всех других областях христианин может найти учителей, которые могут быть ему примером и научить его; но в следовании за Христом он неповторим благодаря свойству его сердца, его личности и всего его существа: для него на первом месте – Блаженства, то есть согласие с Богом и удовлетворённость Богом.⁸⁸

Член миссионерской общины, который работает на заводе и упорно трудится, священник, который тоже много трудится, посещая людей, – они, без всякого сомнения, делают это *ради*

любви Христа.⁸⁹ Но сама сущность их действий и поступков, их содержание, то, как – каким образом – они их переживают, в какой форме это проявляется, как это выражается внешне, – сообразна ли она Христу, отмечена ли она евангельскими добродетелями, которые делают из всего этого “проявление” Христа, свидетельство о Нём?

В конечном счёте, (имеющий уши да услышит и да не поймёт мою мысль с точностью до наоборот!) получается, что я отношусь с недоверием и осторожностью к тому, как мы применяем слова Господа Иисуса: “По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою”, – ибо у нас эта ключевая фраза приобрела мирское звучание. Любовь, о которой говорит Господь, превращают в самопожертвование, филантропию, служение, эффективность и т. д., тогда как она, несомненно, выражает самую глубину жизни Бога. В самом деле, этой фразе, которую мы кстати и некстати цитируем, предшествует другая, которая объясняет её и в которой мы снова находим слово “как”, переводящее нас на совершенно другой уровень: “Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга” (Ин. 13,34-35).

Это та самая любовь, “божественная Агапе”, которой мы должны снова научиться. Основное свойство этой любви – и, можно сказать, её величина и качество⁹⁰ – таковы, что она всегда одновременно “обнимает” и Бога, и наших братьев. И когда мы смотрим на нашего брата, образно говоря, глазами этой любви, мы всегда видим в нём его божественное измерение.⁹¹ Божественное измерение любви далеко от ограниченного человеческого измерения любви, даже когда мы “лезем из кожи вон”, пытаюсь любить лишь нашими, человеческими усилиями.⁹² В конце концов, если мы останемся на той же “длине волны”, что и те, кто не знает Бога, как же они тогда откроют для себя то, чего они, просто по определению, не знают: “длину волны” Бога, превосходящего всё сотворённое?

Однако сердцевина проблемы заключается вот в чём: как отреагировал бы Иисус Христос, если бы Его одёрнул или грубо отчитал слабоумный бригадир? Как бы Он действовал, столкнувшись с таким противоречием: идёт дождь, людей посылают разгрузить грузовик, бедные разнорабочие идут туда, потому что они привыкли подчиняться: надо ли идти вместе с ними? Или отказаться? Идти ради дружбы с рабочими, чтобы работа заняла меньше времени и они меньше мокли под дождём? А потом объяснить старшему мастеру, почему это неправильно? Как бы поступил Иисус, столкнувшись с тем, что неверующий человек пришёл и попросил крестить его ребёнка? (Речь идёт не о теории, а как действовать практически.) А отношение к комфорту, к деньгам – иначе говоря, что важнее: земное или небесное, видимое или невидимое? Во всём этом, в наших

поступках и в наших словах должен сиять Божий свет, каждое мгновение освещающий через нас “всякого человека в этом мире”.

А какое место занимает Крест?...

Это не получается само собой. Нужны заботливые усилия, умение и навыки⁹³, настойчивость. Это также не поддается какой-либо регламентации, не укладывается в систему правил и указаний. Ведь суть в том, что сам Глагол Евангелия⁹⁴ становится плотью в нашей собственной плоти. Мы достигнем этого, только если будем постоянно к этому стремиться и искать это. Совместный пересмотр в свете Божьем и изменение нашей жизни,⁹⁵ материальная и духовная общность, деление друг с другом тем, что мы переживаем,⁹⁶ – у всего этого по сути нет иной цели, кроме как помочь нам сообразовать себя со Христом – не для того, “чтобы мы были светом, но чтобы свидетельствовать о свете” (Ин. 1,8): подражатели Христу, а не людям.

Когда мы стремимся подражать Иисусу Христу, обретают свой смысл бедность, послушание, обет целомудрия – и особенно полно этот смысл раскрывается в апостольском служении. Как и все добродетели, поддерживающие человека, следующего этим требованиям бедности и убогости¹², послушания и целомудрия, сами эти требования существуют для того, чтобы во все дни нашей жизни, включая также великий день нашей смерти, побуждать нас подражать Иисусу Христу, чтобы, следуя им, мы реально осуществляли это подражание Христу.

Страшно это и опасно – посвящать себя апостольству “в духе и истине”. Тысячу раз нам бросали в лицо хлесткие фразы: “Христиане ничем не лучше других... Я сам потерял веру из-за того, что увидел, как живёт священник...” Мы возражали: “Бог не зависит от Своих служителей – как солнце не пачкает грязь, которую оно освещает на поверхности земли”. Но, по сути, подобные хлесткие фразы – это лишь ответная реакция людей на то, что мы не следуем требованию, выраженному святым Павлом: “Будьте подражателями Господу”, – и не наполняем его реальным содержанием нашей жизни.

Постоянное соблюдение этого правила и есть второе средство нашего апостольского служения, его неотъемлемая составная часть.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Большое практическое значение имеет следующий вопрос: в какой степени, в чём, как малая миссионерская община должна быть похожа на людей, которые её окружают? Насколько она должна от них отличаться?

Наверное, можно провести психоаналитическое исследование “комплекса близнецов”: из-за нашего желания быть братом-близнецом неверующих людей мы парализуем самих себя! Из-за того что мы хотим быть схожими с ними во всём, как-то не видно, чем же мы всё-таки можем их привлечь. Христиане, мужчины и женщины, в прямом смысле теряют свою способность к плодотворной апостольской работе из-за этого “комплекса” сходства.

Христиане часто исходят из той справедливой посылки, что некоторые обычаи Церкви часто выглядят так, что Церковь похожа на гетто: одеяния, жилище, расписание, средства, язык – всё это, бесспорно, отделяет. Если священник в рясе, сутане или другой соответствующей одежде, даже серого цвета, едет в поезде или в автобусе, то место рядом с ним, весьма вероятно, останется незанятым.

Чтобы перестать быть “гетто” и снова стать солью, христианин должен смешиваться с людьми; создание секулярных Инститов⁹⁷ показывает это достаточно ясно: профессия, местонахождение, положение, служение – всё это не должно отличать его от любого другого гражданина.

Но “комплекс” появляется, если стремление к сродству с окружением превращается в самоцель. Пойти на танцы ради удовольствия потанцевать, пойти в кино ради удовольствия посмотреть фильм или вступить в профсоюз ради расширения справедливости в отношении рабочих – это превосходно, но пойти туда, “чтобы быть, как другие”, – это абсурд. Быть похожим на людей из безликой массы – это значит потерять своё собственное лицо и обречь себя на то, чтобы стать ничем. Да, христианин должен избегать любых искусственных различий, но он уже несёт в себе явный “знак противоречия”,⁹⁸ которое сводит на нет все его усилия быть похожим на других: даже находясь в мире, он не от мира. Об этом вопиет каждая строчка Евангелия.

Господь не стремился отличаться от людей: наоборот, Он тщательно связал Свою человеческую природу с человеческим родом посредством всего того, что включает в себя истинная человеческая природа. Свидетельством тому – Мария, Иосиф, Вифлеем и перепись, детство, паломничество, отрочество, плотник и сын плотника, одним словом, – вся Его жизнь, включая голод и жажду.

Но со времени бегства в Египет и до Креста Он не перестает быть тем, кто создает проблемы, кто смущает, кого обзывают Вельзевулом, кто разделяет людей: трое против двоих, и двое против троих, кого хотят побить камнями и в отношении кого в конце концов принимают решение: “будет

лучше, если Он умрёт”. Святой Павел не ошибается, когда объявляет о себе, что он “выставлен напоказ,... стал зрелищем для мира,... как сор для мира, как прах, всеми попираемый” (1 Кор. 4, 9,13). Стремление понравиться людям никогда не было первопричиной поступков: об этом свидетельствует святой Павел, но об этом же говорит и Лафонтен в басне “Мельник, его сын и осёл”.

Воистину, чем больше мы будем находиться в обществе людей, будучи погружёнными в мир⁵, тем ярче должно будет проявляться наше основное, глубокое, непримиримое и неизменное отличие – отличие от Князя Мира⁵ сего.

Вот текст, раскрывающий тайную историю мира:

“И сказал Бог Яхве змею: за то, что ты сделал это, проклят ты... И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем её; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пята” (Быт. 3,14-15).

Другой текст заканчивает нашу историю: в день, когда “древний змий, называемый диаволом и Сатанюю, соблазнитель всего мира”, он и его ангелы, будут “ввержены в озеро огненное и серное на веки вечные” (Отк. 12,9; 20,10).

История, заключённая между двумя этими текстами, наполнена борьбой, участвуя в которой, мы постоянно действуем как бы на ощупь, неуверенно. “Не надо убирать своё знамя в карман”, – христианин, сколько-нибудь придерживающийся крайнего консерватизма, сделает эти слова своим лозунгом. Но какой-либо кусок материи, пусть даже сутаны, или же какая-либо поддержка католических частных школ – вовсе не очевидно, что всё это подходит для знамени. Это можно сказать даже о распятии, помещённом перед глазами тех, кто не хочет слышать о нём и видеть его.

Ничем не лучше и известный “страх отрезать себя” от передовых идей, от достижений прогресса, потому что трагичной может быть только отделённость от Бога! Однако о Нём совсем не думают, когда произносят эти слова или когда стремятся избежать – словно непоправимого зла – того, чтобы завести себе врагов слева.⁹⁹

Сходство и различие христиан по отношению к человечеству должно находиться на уровне гораздо более высоком, если они не хотят исказить или нарушить как сходство, так и различие. “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную” (Ин. 3,16), и апостол, просвещённый и наученный своим Учителем, должен именно на этом пути искать основные черты сродства.

Первая черта сходства относится к уровню значительных событий каждой жизни: “Кто слаб, а я не слаб? Кто претыкается, а я сам не сгораю?” (2 Кор. 11,29). Иудей для иудеев, подзаконный для подзаконных и чуждый закона для чуждых закона, да, “всё для всех, чтобы спасти во что бы то ни стало некоторых” (1 Кор. 9,20-22). И что сказать об “огорчении и непрестанной боли”, которые заставляют его желать самому быть проклятым и отлучённым от Христа ради братьев его по плоти (Рим. 9,2-3)? Сердце Апостола “широко раскрыто для всех, и никому не тесно в нём”. “Вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть, и жить” (2 Кор. 6,11 и 7,3).

Сходство относится к уровню Искупления, драмы грешного человека пред Богом, а не к уровню участия – более или менее активного – в преходящих мирских движениях. Ко всему этому нельзя относиться с пренебрежением или – ещё того меньше – с презрением, но это явления другого порядка. Они могут облегчить путь к Царству или затруднить, поскольку всё взаимосвязано, но принимать их за Царство – это отвратительная путаница.

Итак, служение апостола и его место среди людей в силу самого его призвания связаны с самым важным – со Спасением. И в этом отношении то сходство, каким его переживает в своей жизни святой Павел, содержит в себе различие: “У людей ли я сейчас ищу благосклонности или у Бога? Людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы слугой Христа” (Гал. 1,10).

Почему, в конце концов? Святой Павел объясняет: “Возвещаю вам, братья, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть нечто человеческое” (Гал. 1,11).

Надо, чтобы апостол без обиняков сказал: “Всеми силами моей души я желаю, чтобы были гениальные христиане-кинематографисты, христиане-синдикалисты (не обязательно из христианских профсоюзов, хотя я их очень люблю), христиане, с головой ушедшие в мир, те, кто трудится ради “consecratio mundi”.¹⁰⁰ И я знаю, ибо читал об этом у святого Фомы Аквинского, о величии “христианских князей” (сегодня это активисты) и о том, как при помощи хороших законов они помогают множеству людей попасть на небо. Я знаю, что на земле не совершается ни одного поступка или действия, которые были бы абсолютно нейтральными или не имели бы никакого значения, и что каждый поступок, каждое действие либо ведут к Богу, либо уводят от Него. И мне нравится думать, как учат физики, что вся земля смещается в обратном направлении, когда всего лишь подпрыгивает блоха или маленькая девочка, играющая в мяч, и всё это происходит в мире уже не физическом, но в мире людей и духа, где это ещё более верно и ещё лучше поддаётся

измерению. Я полностью присоединяюсь ко всему этому и с неизменной радостью передаю всё это в управление моему Создателю. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо”.

Да, но если мы стремимся определить, в чём суть подлинного служения, к которому Бог призывает Своего апостола, то тогда мы должны сказать, что в Церкви и в мире его роль – вывести людей из состояния духовного оцепенения, и для этого он должен писать аршинными буквами *“Иисус”* и *“Иисус на кресте”* и ничего другого рядом с этим, чтобы внимание людей было привлечено этим и только этим.

Святой апостол Павел только так и поступает (ср. Гал. 3,1). Мы ничего не презираем и ничем не пренебрегаем, напротив! Потому что мы – свидетели только Иисуса Христа, выполняющие эту ограниченную и определённую роль, которая есть сердцевина и душа той же веры, что и у всех других христиан, призванных к иным служениям, – ждём, надеемся, желаем, чтобы существовали все другие формы христианской жизни. Но мы говорим, что апостольское призвание по образу святого Павла заключается именно в этом. Мы имеем *“слабость”* любить это призвание больше других, потому что именно его избрал для нас Бог.

Сталкиваясь с трудностями проповеди Евангелия, которые всегда превосходят наши ожидания, мы подвергаемся искушению думать, что благая весть Господа могла бы лучше дойти до людей, если – образно говоря – *“завернуть её в привлекательную обёртку”*. Непроизвольно мы переворачиваем фразу: *“Ищите Царства Божьего и Его святости, и всё остальное будет прибавлено вам”* (Мф. 6,33): мы думаем, что в Царство приведёт как раз всё то, что будет прибавлено. Однако в нашей собственной сфере – сфере апостольства – все *“прибавки и приложения”*, столь драгоценные в руках других людей, для апостола становятся преградой: они мешают видеть самое главное.

Здесь также полезно дать некоторое пояснение. Многие из этих *“прибавок и приложений”* часто были приняты, скорее, не ради их собственной ценности, а в качестве компенсации, чтобы прикрыть несоответствие своего образа жизни апостольскому служению. Более или менее богатый (по сравнению со своим окружением, ведь всё относительно) священник будет испытывать психологическую потребность заниматься социальной работой, чтобы оправдать то, что сам он живёт в достатке и довольстве. Буржуа-интеллектуал, почувствовав справедливость требований пролетариата, будет много выступать в защиту прав рабочих. Но тот, кто выбрал для себя правильную позицию, кто будет внутренне ощущать себя на своём месте, будет думать только о том, как возвещать Бога, а не о том, как оправдаться за свой образ жизни, за то, что он такой, какой он есть. Вот почему так важен образ жизни, который не ставит апостола в ложное

положение, порождая тем самым разного рода “комплексы”: “Ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми” (2 Кор. 8,21).

Надо, чтобы апостол – в меру своей слабости, – не создавал никакой преграды для Евангелия, потому что он старается жить, как можно точнее и полнее соответствуя ему, и поэтому мог бы называть себя служителем одного только Евангелия и утверждал бы это не краснея. Пусть его будут считать сумасшедшим, отставшим от жизни – неважно, если всё, что апостол делает (и то, как он живёт), он делает во имя Евангелия, а не из-за устаревших обычаев.

Испытываешь печаль и боль, когда видишь, на какие ухищрения идут мужчины и женщины, – которые искренно хотят быть миссионерами, – чтобы найти оправдание, извинение своему целомудрию или своей принадлежности исключительно одному Богу: “Люди не могут понять”, – говорили они. Но дело-то именно в том, чтобы свидетельствовать своим целомудрием, и непонимание людей подействует на них – как некое потрясение – гораздо сильнее, чем все наши объяснения. Не будем оставлять без внимания слова Господа: “Имеющий уши да услышит”.

Такой человек, посвятивший себя Богу, будет – во имя борьбы за права рабочих – протестовать против сверхурочных или против работы в субботу после обеда или в воскресенье утром. Очень хорошо, но почему он не отважится сказать своим товарищам, что в субботу после обеда ему нужно молиться Богу и читать Его Слово? И это потому, что он знает о себе, что он – сын Божий, и потому, что он хочет полностью исполнить предназначение своей жизни, предназначение человека. И если товарищи скажут ему: “Значит, тебе не нужны деньги”, – какой это будет прекрасной возможностью объяснить, что он добровольно избрал для себя бедность.

Мы затрагиваем самое существо проблемы. Очевидно, что если миссионер, о котором идёт речь, не очень-то готов помочь другому человеку, если он посредственный рабочий (может быть, из-за того, что работа, которую он выполняет, слишком трудна для него), ворчун, если, к тому же, он не обладает сердечностью и доброжелательностью, которые даёт милосердная любовь к ближнему, то его свидетельство будет производить только отрицательное впечатление. Но если он живёт Евангелием каждое мгновение, в самых простых повседневных действиях, если в нём чувствуется большая любовь ко всему прекрасному, истинному и благородному¹⁰¹, тогда он может свидетельствовать, и то, что отличает его от других, станет – даже непонятое – таинством, через которое однажды будет действовать Бог.

Мы – поколение “закомплексованных” людей! Это не обязательно плохо, всё же лучше быть слишком чувствительными, чем такими, как наши предшественники (по крайней мере, мы так думаем), всемогущие настоятели приходо́в, подобные дорожному катку. Но пусть действительные

или мнимые недостатки наших отцов не парализуют нас в противоположном смысле.¹⁰² Посылать в ад всех некатоликов – неправильно с точки зрения богословия (тем хуже для плохих проповедников былых времён), но посылать в ад сегодняшних католиков и оставлять рай неверующим – это тоже нелепо.

Будем настороже, чтобы не “возлагать никакого бремени более, кроме сего необходимого” (Деян. 15,28), но бремя безоговорочного принятия всего того, что заключает в себе жизнь согласно Евангелию, нужно смело и гордо выставлять на всеобщее обозрение. Это евангельское бремя – наш венец и наша слава.

Такая внутренняя позиция и такой образ действий человека, свободного от “комплексов”, будут бесценными для нас в другом случае, который может показаться совсем иным. Речь идёт о тех людях, которые находятся в среде, где религиозный склад ума есть нечто совершенно чуждое, относящееся к разряду личных пристрастий или причуд – вроде увлечения фотографией или джазом, – которые необязательны для всех. Я думаю о тех нефтедобытчиках, условия жизни которых до того искусственны, что единственно, о чём люди могут поделиться в разговорах, – это женщины (отсутствующие), автомобили и работа. В этих условиях не возбраняется завести речь о Боге и о Христе, но эта тема покажется настолько необычной, что след от неё будет не больше, чем след от пролитого в песок стакана воды.

Хорошо известно, что в таком случае на многие годы остаётся только одно: жить как ученик Христа, одинаково уважая вышестоящих начальников, товарищей и мусульман-разнорабочих, и претворять это в конкретные действия, отстаивая также, когда это необходимо, неотъемлемое право на воскресную молитву, потому что так повелел Бог.

Но возникает вопрос: возможно ли долго вести такой образ жизни или среда неизбежно поглотит и втянет в приземлённое существование? Мне кажется, что именно здесь должны в полной мере проявиться и отделённость от окружения, и принадлежность к нему: необходимо, чтобы в равной мере были как значительные и видимые действия и поступки, показывающие, что мы не от мира сего, так и действия, показывающие, что мы живём в мире. Если наша принадлежность полностью связана с отделённостью, то следствием будет тот образ жизни, который в глазах всех сделает наши вовлечённость и отделённость живым и видимым свидетельством: “Будучи взят из людей, поставляется на служение заступничества о людях, об их отношениях с Богом” (Евр. 5,1).

Речь идёт не о тщательном расчёте и дозировании степени вовлечения и отделения, а об объединении этих двух составляющих. И первое, что необходимо для успешного достижения

этого единства, – утверждать, что именно к этому мы должны прикладывать наши усилия. И если договаривать всё до конца, тем “смесителем”, – который “сплавит воедино” эти две составляющие нашей жизни (существующие пока в тесном соседстве, но отдельно) и позволит перейти к этой новой форме бытия, – будет распятие.

В конечном счёте, *в окружении, чуждом восприятию сверхъестественного, миссионер – с неизбежностью – может “натурализоваться” только двумя способами:*

- либо через стойкие презрение и пренебрежение по отношению к окружающим людям, которые старательно поддерживаются в нём чувством собственного превосходства и которые будут изолировать его от этого окружения, даже если он в нём живёт, и которые будут распространяться на тех, кого он привлечёт и соберёт в подобие маленького гетто;

- либо через создание принципиально нового образа жизни, который проявляется в следующем: живо откликаться на всё достойное в окружении, даже помогать окружению обнаружить это достойное в самом себе, но в то же время ясно осознавая все присущие окружению естественные нужды и невзгоды, и сознательно и явно посвящать свою жизнь тому, чтобы избавить окружающих его людей от беды (нужды), которая не имеет названия: эта беда – незнание Бога.

Жизнь в миссионерской малой общине¹⁰³ должна быть выражением этого особого образа жизни. А тем членам миссионерской малой общины, которые отделены от остальных в силу условий той среды, где они должны благовествовать, следует жить и поступать так, чтобы это ясно выражало смысл их присутствия, смысл их существования, а не прибегать к попыткам что-то объяснить. Эти попытки подобны тепловатой пережёванной каше, и по сути это пустая трата времени, потому что они не достигают цели и от них никому ни холодно, ни жарко. Полное погружение в среду, полная вовлечённость должны сделать таких миссионеров ещё более внимательными и усердными в отношении внутреннего духовного делания, связывающего их с Богом, который посылает их благовествовать, и в отношении пророческих поступков, которые в глазах людей свидетельствуют о единственно необходимом.

Есть известный христианский текст, пользующийся большим уважением: найденный в XV веке в Константинополе в рыбной лавке среди вороха обёрточной бумаги, он, на самом деле, относится к 190-200 гг. нашей эры. Он написан в форме письма “к Диогнету”. Это первое свидетельство о позиции, занимаемой христианами в мире, об их отношении к миру, поведению, образе действия. Он заслуживает внимания благодаря своей исключительной актуальности: цитата длинная, но надо, чтобы каждый мог иметь её перед глазами:

“Христиане не отличаются от других людей ни страной проживания, ни языком, ни одеждой. Они не живут в своих собственных городах, не употребляют какого-то необыкновенного наречия, их образ жизни не выделяется ничем особенным. Их учение не есть плод воображения или мечтаний беспокойных умов; они не привержены к какому-либо учению человеческому как многие другие. Но обитая в городах греков и варваров согласно выпавшей каждому судьбе (где кому досталось), и, следуя местным обычаям в одежде, пище и образе жизни, они подчиняются при этом необыкновенным и поистине парадоксальным законам своей духовной республики.

Каждый из них живёт в своём отечестве, но как пришелец. Они исполняют все свои гражданские обязанности, как граждане, и переносят все обязанности, как иностранцы. Для них всякая чужая страна – отечество, и всякое отечество – чужая страна. Они вступают в брак, как и все, рожают детей, но они не бросают своих новорождённых. Они имеют трапезу общую, но не разделяют одно ложе.

Они во плоти, но живут не по плоти. Проводят свою жизнь на земле, но суть граждане небесные. Они подчиняются установленным законам, а их образ жизни делает их по совершенству выше законов.

Они любят всех людей и всеми преследуемы. Их не признают, недооценивают, их осуждают, их убивают, – но через это они приобретают жизнь. Они бедны, но обогащают многих. Они лишены всего, и у них есть всё в избытке. Их презирают – и в этом презрении они обретают свою славу. На них клеветают, но они оправданы; злословят, а они благословляют. Их оскорбляют, а они отвечают почтением. Они делают только добро, но их наказывают, как злодеев; будучи наказываемы, они радуются, как будто рождаются к жизни. Евреи ведут с ними войну, как с чужестранцами; их преследуют греки, и все те, кто питает к ним отвращение, не смогли бы сказать, в чём причина их ненависти.

Словом сказать: что в теле душа, то в мире христиане. Душа распространена по всем членам тела, подобно тому как и христиане живут во всех городах мира. Душа, хотя и обитает в теле, но она не телесна и не часть тела, так и христиане живут в мире, но они не от мира. Душа, будучи невидима, удерживается в видимом теле, как пленница: так же и христиане – находятся в мире, видимы, но их поклонение Богу остаётся невидимым. Плоть питает отвращение к душе, ненавидит её и воюет против неё, ничем не будучи обижена ею, потому что та мешает ей наслаждаться удовольствиями; так же и мир ненавидит христиан, хотя они ничем не вредят ему, потому что они противятся его удовольствиям. Душа любит эту плоть, которая питает к ней отвращение, и её члены, как христиане любят тех, кто их ненавидит. Душа заключена в теле, тем не менее, именно

она сохраняет тело; христиане в мире подобны узникам в тюрьме, тем не менее, именно они сохраняют мир. Бессмертная душа живёт в смертном шатре, так же и христиане временно пребывают среди тления в ожидании нетления на небесах. Душа становится лучше, уязвляя себя голодом и жаждой; и христиане, будучи преследуемы и наказываемы, с каждым днём становятся всё более многочисленными. Задача, возложенная на них Богом, настолько величественна и столь славно их положение, в которое Бог определил их, что им не дано право отказаться от него”.¹⁰⁴

ПОКЛОНЕНИЕ ИСТИНЕ

Если мы хотим подражать Христу и Его первым апостолам, которые сами были Его подражателями, то нам настоятельно необходимо жить и поступать вполне определённым образом. Одно из важнейших требований для такого подражания – осуществлять в нашей жизни слова Иисуса “в духе и истине”: “Но наступает час, и ныне он настал уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине” (Ин. 4,23).

Поклоняться Богу “в духе” означает приводить в действие все силы человеческого духа, связанного к Духом: это образ жизни, превосходящий человеческие возможности, и, тем не менее, он предложен всем. Молитвенное созерцание не есть некая техника, искусство, которым могут овладеть лишь немногие специалисты: молитвенное созерцание – естественный плод духа, который лицезреет Бога и, охваченный восхищением, молча поклоняется. Дух человека, сотворённый для истины, радуется, глядя на Бога, и он не торопится, не смотрит на время.

Поклоняться Богу “в истине” означает позволять Богу входить в жизнь через наши поступки, чтобы наш образ в глазах людей – которые смотрят извне – совпадал с тем образом, который мы имеем в глазах Бога, Который “проникает в сердца и проверяет их”: “Как Бог удостоил нас того, чтобы вверить нам благовестие, так и мы говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши” (1 Фес. 2,4).

Бог есть сама истина, поэтому наше подражание Богу – это в первую очередь поклонение истине: “Богу же мы открыты; надеюсь, что открыты и вашим совестям” (2 Кор. 5,11). Быть истинным в своей собственной жизни, в своём служении, в своём поведении и поступках, как и в жизни, в служении, в поведении той группы, к которой мы принадлежим, быть истинным пред лицом Божиим, “который видит тайное”, быть истинными перед лицом наших братьев – всё это трудно выразить в правилах, установленных заранее, но это должно быть предметом размышлений для

каждого. Это предполагает, что мы с самого начала принимаем себя такими, какие мы есть, какими нас сделали обстоятельства: наследственность, детство, среда, окружение, приобретённые знания, образование и т. д. Это также означает, что мы помогаем самим себе познать себя и развить в себе то хорошее, что есть в нас, через постоянное и постепенное улучшение.

Быть истинным означает быть согласным, – когда это необходимо, – не нравиться людям, но нравиться “Богу, который испытывает наши сердца”, и избегать того, что потворствует ошибочным стремлениям и наклонностям тех, кто нас окружает; “Но да будет слово ваше: “да, да”, “нет, нет” (Мф. 5,37).

Отказ от лжи дело нелёгкое: сеть общественных и административных сложностей, помех и ограничений стала такой густой, что вы начинаете задыхаться в ней и испытывать непреодолимое желание пройти сквозь ячейки этой сети, вырваться за её пределы, чтобы вернуть себе жизненно необходимый минимум свободы. Как получить один или несколько выходных дней помимо положенного отпуска? Сказать правду, объяснять причины, какими бы правомерными и обоснованными они ни были, значит обречь себя на то, чтобы “осточертеть” (другого слова не подберёшь) всем своим начальникам, которые, впрочем, опутаны этой же самой сетью. Но – в противоположность этому – так просто взять на восемь дней больничный по медицинской страховке, сославшись на недомогание! И всё отлично укладывается в рамки регламентаций и законов. Если на предприятии установлена оплата за определённое время работы, как исправить ошибки хронометриста? Попросить о проверке? Известно, к чему это приведёт, а если попадёшь в немилость, то вскоре потеряешь работу. Но схитрить, отыгаться на такой работе, которую трудно проверить, – какой рабочий и даже бригадир не предпочтёт такое решение? Или, например, приятель, который вывихнул ногу в воскресенье, работая в своём саду, просит кого-то¹⁰⁵ быть свидетелем, что это растяжение связок произошло – как он утверждает – на работе в понедельник утром? В первом случае он получит только незначительную компенсацию, а во втором ему полагается более значительная сумма в половину зарплаты.

Поднять истину на уровень абсолюта – это возможно постичь на практике, только если истина и Бог суть одно и то же. Сказать: “Это всего лишь маленькая ложь, которая не вредит никому”, – значит забыть, что она вредит Богу и – через Него – величиию человека, созданному для истины. И как же низко мы пали, дойдя до того, что говорим о “лжи во спасение, лжи во благо”! Какими бы доводами – долг товарищества, просьба о помощи или услуге – ни заклинали апостола, его смиренная, но твёрдая позиция по отношению ко лжи и истине – позиция апостола, отвергающего

какую-либо сделку с совестью, – должна быть столь явной и очевидной, что никто никогда не сможет подвергнуть её сомнению. К каким бы трудным или даже – как это может казаться по внешнему впечатлению – безвыходным положениям ни приводила нас эта воля к истине, мы должны превратить её в наше оружие света: она часто служит самым явным, самым заметным на всей земле свидетельством нашей веры.

Незачем приводить всё новые и новые примеры, лучше обратиться к Слову Божьему, чтобы оно открыло нам величие такого безусловного стремления к истине: “Я на то родился и на то пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине”, – говорит Иисус Пилату (Ин. 18, 37).

Мы посвящены Богу, чтобы поклоняться Ему “в духе и истине” (Ин. 4,23-24), и это поклонение должно проявляться во всём нашем поведении: “И за них Я освящаю Себя, чтобы и они были освящены в истине” (Ин. 17,19). Святой Иоанн – апостол этого откровения о Боге: Бог истинен (1 Ин. 5,20). Иисус приходит полный благодати и истины (Ин. 1, 14,17), и посланный Иисусом есть “Дух истины”. Вокруг этой истины завязывается противодействие духу мира сего, потому что его Хозяин – “лжец и отец лжи” (Ин. 8,44).

Свет и тьма – есть только два пути, и между ними нет никакого соединения: выбрать один путь значит отвергнуть другой. В 150 псалмах нет других главных действующих лиц, кроме как слуг Князя тьмы, с одной стороны, и с другой – тех, кто ищет восхитительный Свет, питает отвращение ко лжи и любит *Тору*, Бога в полноте Его слова. Новый Завет подтверждает, что есть два таких “царства” и их подданные, соответственно – “сыны света” и “сыны тьмы”: это драма, которую описывает евангелие от святого Иоанна, противостояние Истинного Света миру¹⁰⁶ и Тьмы, которая не могла объять его. Об этом же говорит святой апостол Павел: “Вы все сыны света и сыны дня. Мы не принадлежим ни ночи, ни тьме” (1 Фес. 5,5).

“Истина сделает вас свободными” (Ин. 8,32), – эти слова в полной мере применимы к Тому, кто назвал Себя “Путём, Истиной, Жизнью”. Именно Христос делает нас свободными, но всюду, где есть истина и человек, стремящийся жить по истине, есть подготовленная почва, место, куда может прийти Благодать, и там тоже присутствует Христос. Бог истины, Бог верности – это два равнозначных выражения на еврейском языке в контексте Библии, который противопоставляет их “идолам пустоты и небытия”; истина и верность равнозначны для христианина.

В своей замечательной книге “Плачь, моя любимая страна” Алан Пейтон¹⁰⁷ создал незабываемый образ того, как истина освобождает. Адвокат Джарвис, белый человек, посвятивший всю свою

жизнь служению народу Южной Африки, погибает от руки убийцы, и в его столе находят его завещание:

“Я больше не буду задавать себе вопрос, удобно ли то или это, а буду только спрашивать себя: справедливо ли это. Я буду поступать так не потому, что я благороден и бескорыстен, но потому, что жизнь опережает и превосходит нас и наше разумение, и потому, что на остаток моего пути мне нужна звезда, которая не предаст меня, компас, который не обманет. Я буду действовать так не потому, что я борец за освобождение негров и враг своей расы, но потому что для меня невозможно действовать по-другому. Если я противопоставлю одно другому, я запутался и пропал; если я спрашиваю себя, одобряют ли меня люди – белые или чёрные, англичане или африканцы, язычники или иудеи, – я запутаюсь и пропаду. Поэтому я буду пытаться делать то, что справедливо, и говорить то, что истинно.

Я действую так не потому, что я смелый и честный, но потому, что это единственный способ покончить с конфликтом в глубине моей души. Я действую так, потому что не могу продолжать стремиться к самому высокому идеалу, будучи внутренне разделённым, когда часть меня предаёт этот идеал. Я не хочу больше так жить, я предпочёл бы умереть. Теперь я понимаю тех, кто умер за свои убеждения, и их смерть вовсе не кажется мне ни такой уж удивительной, ни благородной и отважной. Они просто предпочли смерть определённому способу жизни, вот и всё”.

В разгар расовой войны Джарвис понял слова Господа: “Истина сделает вас свободными”. Свободными от чего? Свободными от наших “комплексов”, от “того, что об этом будут говорить” направо и налево, свободными по отношению к конечному результату, будет ли он успехом или неудачей, свободными от всего того, что могло бы исказить нашу совесть.

Святая Тереза Младенца Иисуса писала: “Я никогда не поступала, подобно Пилату, который отказывался слушать истину. Я всегда говорила Господу Богу: О мой Боже, да, я так хочу услышать Вас. Я Вас умоляю, ответьте мне, когда я смиренно вопрошаю: “Что такое истина?” Сделайте так, чтобы я видела всё таким, как оно есть, чтобы ничто не ослепляло и не обольщало меня”.^а

Посвящённость истине в наших собственных поступках и в нашем коллективном поведении делает нас “прозрачными” для Бога и Его Слова и даёт нам право “свидетельствовать об истине”. Наше слово таинственным образом, при участии Бога,¹³ воздействует на воспринимающего его человека, но оно также таинственным образом, при участии Бога,¹³ зависит от того, кто его

^а Святая Тереза Младенца Иисуса “Письма”; “Lettres”, p. 135.

произносит. В том же Послании к Фессалоникийцам святой Павел, сказав о Боге, который “испытывает сердца”, прибавляет: “Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что, принявши от нас слышанное слово Божие, вы приняли его не как слово человеческое, но как слово Божие, – как оно и есть по истине, – которое и действует в вас, верующих” (1 Фес. 2,13).

Мы не сообщаем истину подобно тому, как передают учение: она от Бога, мы только передаём другим людям, в буквальном смысле как глашатаи, то послание, которое мы услышали первыми. Но поскольку Слово Божье живое, оно умирает, когда глашатай сам больше не живёт и не поступает по истине – во всём, что он делает. Мы не говорящие машины, сила, значительность и действенность нашего слова напрямую зависят от качества той жизни, из которой оно рождается. Ожесточит ли нас и сделает ли нас замкнутыми это стремление к истине, и станем ли мы похожими на людей, которые ничего больше не хотят слышать, поскольку “обладают” истиной? Мы хорошо знаем: истина слишком велика, слишком высока и, в конце концов, при видимой сложности всего того, что нас окружает, слишком проста, чтобы уловить и постичь её разом нашими ограниченными человеческими умами, уже не говоря о том, чтобы обладать ей.

Но одно дело говорить: истины не существует, и то, что истинно сегодня, будет ложно завтра, другое дело – стремиться к этой истине, которая никогда не будет застывшей и законченной: мы приближаемся к ней, познание её трудно..., мы продвигаемся вперёд слепо, ощупью, но ничто не могло бы заменить её в наших делах.

“Тот, кто стремится – вместе со Христом и ради Христа – быть для мира свидетелем истины, которая освобождает и искупает, должен быть воспитан в поклонении истине – как в словах, так и в поступках, – и, следовательно, в искренности, честности, преданности, верности и последовательности”.^a

Кто осмелится сказать, что достиг этого?

ОСОЗНАНИЕ ЦЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ И БЕРЕЖНОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ

Хотим мы этого или нет, осознание того, что такое человеческая личность, осознание её значения и ценности¹⁰⁸ – это особенность христианства, его особая заслуга. В ответ на это утверждение

^a Павел VI “Summi Dei Verbum”, 4 ноября 1963 г.

марксист подскочит и воскликнет: “Человек, это самый ценный капитал”, – ему на ум тут же приходит красивое название брошюры Сталина, которое, как может показаться, сводит на нет наше утверждение. Марксисты часто проявляют искреннее самопожертвование по отношению к другим людям, и, видя, что мы стремимся “монополизировать”¹⁰⁹ защиту достоинства личности, они возмущаются и негодуют. Разве их негодование не справедливо?

И всё же, какими бы ни были, с одной стороны, упущения (действительные и мнимые) христиан, и какой бы справедливой и славной, с другой стороны, ни была борьба активистов марксизма, необходимо ясно осознавать, что только христианство придаёт человеческой личности полное её измерение, всё её значение¹¹⁰, так как для каждого человека обрести своё завершение с точки зрения вечности, в плане вечной жизни в Боге¹¹¹ – это не пустяк! Для капли воды, упавшей на холмы, – если она хозяйка своего выбора, – вовсе не пустой вопрос: испарится она среди осыпи и исчезнет или же она попадёт в море и там увеличится до размеров океана?

И если мы верим, что в земной жизни создаётся вечность, то в какой же степени это должно определять всё существование человека, от зачатия до могилы! Здесь не место развивать эту мысль и составлять сборник из столь замечательных, прекрасных текстов, принадлежащих Пию XII, Иоанну XXIII, Павлу VI. Но хорошо знать наизусть какой-нибудь из них, например, текст Пия XII: “Хотите ли вы, чтобы звезда мира^б возшла и сияла над обществом? Из всех сил трудитесь, стараясь вернуть человеческой личности достоинство, изначально данное ей Богом. Смысл существования общества, его важнейшая цель – сохранять, развивать, совершенствовать человеческую личность...”^а

Какие тексты могут соперничать с подобными?

Но воплощать это учение – в обыденной жизни, в повседневном общении с людьми – бесконечно труднее, и порой это может быть столь неприятно и утомительно, что может вызывать очень сильное смущение и обескураживать. Не слишком преувеличивая, можно сказать, что эта истина становится всё менее и менее привлекательной, по мере того как всё теснее становится наша реальная близость к людям, с которыми нам приходится общаться, если мы перестаём их выбирать.

“Мою душу угнетает бремя человеческих страданий”, – писал в XVIII веке Радищев, родоначальник русской интеллигенции, и эта фраза выдаёт человека великого сердца, способного к подлинному сопереживанию. Но один из его учеников, Петрашевский, передал нам с чистосердечной искренностью и совсем другую мысль: “Не находя ничего достойным своей привязанности – ни из

^а Рождество 1942 г.

женщин, ни из мужчин – я обрёл себя на служение человечеству...”^a Хороший пример любви к “дальному”, а не к “ближнему”!

Но кому из нас эта вселенская нежная доброта по отношению ко всем людям, которая легко нам даётся, не служила оправданием тому, чтобы оттолкнуть конкретного человека, который приходит беспокоить нас? Когда цыгане, живущие по соседству, играют до утра на мандолине, когда пьяница сосед, утешившись алкоголем, не хочет уходить спать, когда на корабле эмигранты, живущие с нами в одной каюте, засоряют окурками туалетные раковины, или когда мусульманин, которого мы принимаем в своём доме, тайком пользуется нашей бритвой или нашей зубной щёткой, тогда расизм уже не кажется таким чудовищным явлением, и любовь к людям перестаёт быть такой уж привлекательной.

В истинной и постоянной любви к другим людям действительно должно быть нечто трудное, ведь именно поэтому Иисус делает заповедь любви специальным законом для Своих учеников: “И если любите любящих вас, какая вам за это благодарность? Ибо даже грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Даже грешники делают то же самое...” (Лк. 6,32-33).

Поэтому первое свидетельство Миссии есть применение на практике и претворение в конкретные дела Божьего замысла о человеке: человеку, созданном по образу Творца, оживляемом дыханием самого Бога, “единственным и неповторимом”, не укладывающимся в рамки безликих категорий, в которые его хотели бы заключить.

Ведь Бог не похож на идеального кладовщика, который заносит в картотеку сходные предметы и составляет список того, что есть на складе. Для Бога нет белых, чёрных, азиатов, жителей Запада, хороших и плохих, посещающих церковь и неверующих, нехристиан и христиан. Его Сын умер ради *всех* людей, и мы должны помочь “всем” и каждому из людей предчувствовать это новое измерение жизни – а именно то, что Бог превосходит всё человеческое, все наши классификации, что Он – Отец, который бесконечен, и что каждый человек, сотворённый по Его образу, призван стать Его сыном.

Но эта истина настолько высока, что не может быть воспринята и усвоена сразу. Бесплезно просто так, ни с того ни с сего сообщать её прохожему на улице: нужна подготовка, которая заключается именно в том, чтобы мы в результате этой подготовки выработали, сформировали наш собственный взгляд – то, как мы смотрим на человека, к которому обращаемся. Необходимо,

^a Цит. по изд.: Н. А. Бердяев “Истоки и смысл русского коммунизма”, М., “Наука”, 1990, стр. 27.

чтобы он чувствовал, до какой степени мы ценим и уважаем его как существо, “отпечатанное в единственном экземпляре и никогда не воспроизводившееся со времён сотворения мира”.^a Именно в этом заключается “та единственность и незаменимость самого незначительного человеческого существа”, которая помогает Мориаку понять, “что каждый может быть действующим лицом драмы Спасения, цель которой – вечность”. Но то, что открыл для себя Мориак, должно читаться в наших глазах, – не будучи притворством и не превращаясь в рутину, – чтобы говорящий с нами человек видел наш восхищённый взгляд, которым мы смотрим на него. Но взгляд должен стать действием, поступком, а осознание “единственности и неповторимости” другого человека должно выразиться в братской поддержке. Сент-Экзюпери видит Моцарта-ребёнка, возникшего из массы жалкой человеческой плоти, набившейся в вагон поезда, везущий эмигрантов. Чтобы выращивать розы, существуют садовники, “так где же садовник для маленького Моцарта?”¹¹²

Личность, даже самая развитая, никогда не достигает полного завершения. Сделать кого-то личностью в ещё большей степени – значит помочь ему расширяться и развиваться в трёх измерениях: всё больше и больше самому принимать решения, которые возлагают на него ответственность; иметь с окружающими подлинными отношения, то есть одновременно быть смиренным и не отступать от своих позиций; быть открытым навстречу абсолютным и трансцендентным реальностям.^b

Я думаю об одном из беднейших кварталов в городе Сан-Пауло в Бразилии – “Вилла Мария”, – где есть центр социальной помощи. Как можно не дать на Рождество пакеты с одеждой и едой, когда там раздетые, недоедающие дети и хроническая безработица? Но как сделать так, чтобы матери в этих семьях не впали в состояние постоянных попрошаек, которым, к тому же, всегда будет мало? Женская интуиция позаботилась о том, чтобы на Рождество центр превращался в магазин самообслуживания, где каждая мама получает талон на покупку. Каждая может выбрать, что она хочет: новую одежду или поношенные туфли, лакомства или какую-то полезную вещь, необходимую в хозяйстве. На этот раз самая бедная женщина может выбрать сама.

Это точно так же справедливо и по отношению к самым возвышенным и радикальным видам посвящённой жизни и социального служения¹¹³: один христианский активист смог выразить это с той силой, которая происходит от реально пережитого опыта:

^a Франсуа Мориак “Во что я верю”; Mauriac “Ce que je crois”.

^b Статья Роже Лакруа в журнале “Рабочие массы”; Roger Lacroix, in “Masses Ouvrières”.

“В нашем обществе отношения братства, уважения и любви подменены отношениями с позиции силы, использованием людей – чтобы не сказать: эксплуатацией.

Наша цель, как христиан, вовлечённых в политику, состоит в том, чтобы *все люди брали на себя ответственность*, чтобы они делали сознательный выбор, – и это вернёт им их свободу и их достоинство. Быть лишь объектом, всецело зависящим от “прихоти” событий и условий жизни, – такая мысль нестерпима для христианского сознания.

Стремление повысить жизненный и культурный уровень для всех наших братьев: наше понимание достоинства человека не может смириться с тем, чтобы видеть их пассивными, доведёнными до того, чтобы вести ту ужасно трудную жизнь, с которой они не могут внутренне согласиться, но которую им навязали насильно”.^a

“Возвысить кого-то, – писала Симона Вейль,¹¹⁴ – будь то ребёнок или взрослый, значит, прежде всего, возвысить его в его собственных глазах”.

Но если мы хотим, чтобы окружающие нас реальные люди обрели полноту жизни, недостаточно просто смотреть на них с таким глубоким уважением: *надо, чтобы они получили возможность проявить, раскрыть общественное измерение своей личности, своей жизни*. Для меня это общественное измерение личности неотделимо от пережитого мной опыта, похожего на притчу. Разгружая ящики с фруктами на набережных Марселя, я восхищался искусством упаковки: слой волнистой бумаги, слой фруктов, ещё один защитный слой бумаги, ещё один ряд фруктов... И я говорил себе: “Эти фрукты путешествуют вместе, их достаточно много, чтобы составить компанию, согреть друг друга теплом, и в то же время они достаточно разделены, чтобы не причинить друг другу вреда. А люди, люди в наших больших городах, – они путешествуют по жизни не как эти фрукты, в ящиках, а вперемешку, навалом, без упаковки. Так перевозят уголь или руду в грузовых судах, где десять тысяч тон свалено в кучу в одном отсеке трюма, и отдельные куски сдавлены, раздавлены и раздроблены друг о друга”.

Любить человека – значит позволить ему найти себя в тех формах общения в его окружении, которые ему доступны. В этом отношении во всех слоях общества существует настоятельная потребность в изменениях в сторону улучшения: этого не возместят и не заменят требования и протесты, повышение зарплаты, увеличение отпуска. Но создать в цеху, в мастерской такую структуру организации, чтобы каждый мог бы расти внутри своего коллектива, посадить в своём

^a “Masses Ouvrières” (“Рабочие массы”), апрель 1959.

микрорайоне деревья и выделить свободную площадку, где люди собирались бы для игры в шары¹¹⁵ и создавали своё сообщество, – это составная часть такого расцвета личности, которое может осуществляться в различных формах, вплоть до активного участия на высоком уровне в профсоюзном движении, политической или общественной деятельности.

Переходить к конкретным действиям в этой сфере трудно, так как истинное понимание ценности личности человека и настоящая забота о людях приводят нас к необходимости испытывать на себе напряжение многообразных социальных связей с окружающими нас людьми. С одной стороны, нужно доверять личным и коллективным возможностям наименее способных людей из тех, кто нас окружает, и не льстить им посредством замаскированной демагогии. С другой стороны, любить бедных и малых любовью, оказывающей им особое предпочтение, и в то же самое время также сохранять сердце и душу полностью открытыми для квалифицированных работников и руководителей. Это качество приобретается медленно, но к нему нужно всегда стремиться и не позволять себе замкнуться в ограниченном “национализме” одной социальной группы. Такое уважение к человеческой личности обязывает нас принять и другую трудность: живя среди людей, буквально вращаясь в их среде и разделяя их судьбу – иначе любовь становится утопической, – уделять серьёзное внимание к экономическим и социальным проблемам более широкого масштаба – иначе любовь будет платонической.

Это социальное измерение, без которого человеческая личность не может реализовать себя, должно обнаруживаться и в религиозной сфере. Ничто не может сравниться по важности с превращением прихода в настоящую *общину*. Но истинная община сынов Божиих, сознающих свою сущность и свои связи, – это не автобус, в который каждый входит, платит за проезд, звонит и выходит, не слишком обращая внимания на других пассажиров, и в котором настоятель прихода и vikарий более или менее выполняли бы роль шофера и кондуктора. Человеческая личность находит своё полное завершение в местной¹¹⁶ Церкви, собрании сынов Божиих. Это не подлежит сомнению и требует от нас постоянных усилий: собрать тех, кого затронули наша жизнь и наше слово, в общину, объединённую связью божественной благодати и братством, которое из неё проистекает, – одна из основных, неотложных и постоянных забот миссионеров.

Но для такого развития личности, обретающей своё новое качество¹¹⁷ внутри общины, существует угроза даже внутри самих же христианских общин. Вполне очевидно, что как профсоюз, политические партии, местный комитет и культурный центр, так и движение “Католическое действие”, приход и христианская община не могут преуспевать в условиях беспорядка. Все они нуждаются в организации их членов и дисциплине их приверженцев. И в городских условиях это

уже не масштаб мастерской или малого предприятия, “книгу душ”¹¹⁸ здесь заменяет картотека, и учётная карточка с пробитыми отверстиями берёт верх над естественным и непринуждённым общением. И с этого момента не станут ли эти общины – созданные для человека – дополнительными узами, лишаящими человеческую личность той непосредственности и естественности, которые у неё ещё остались?

Трудность велика; она возрастает ещё больше в религиозной сфере, потому что сознание человека, приходящего к нам, часто весьма искажено предрассудками в отношении Церкви и, в особенности, он почти совсем не привык выражать в словах то, что переживает в душе. Такой человек, как Франсуа Мориак, умеет превосходно выразить то, во что он верит, или то, в чём он сомневается, но необразованный человек может испытывать такие же переживания, не будучи способным их выразить. Представим себе такого Мориака, который не может выразить словами своего заветного стремления и становится катехуменом, готовясь к принятию крещения, движимый самым глубоким, что есть в нём, смутной потребностью быть прощённым, желанием нежности и любви со стороны Бога, которого он ещё не знает, но с которым он общался бы один на один, – и вот такой человек, стремящийся ко всему этому, встретил бы священника, у которого множество разных мыслей и идей в отношении христианской общины, литургии, Второго Ватиканского собора, социальной сферы... Что дал бы их диалог? Что предложил бы он этому искателю Бога? Посещать собрания, которые часто выходят нескладными и только “съедают” то небольшое свободное время, которое у него есть; участвовать в организациях, в акциях, которые также часто бывают смехотворными; участвовать в литургии, во время которой он научился бы вставать, садиться, вставать на колени по сигналу; взять на себя какое-то служение..., но как велика опасность пройти мимо чудесной, божественной тайны этого неповторимого человеческого существа, мимо богатств, которые этот необразованный Мориак не способен выразить так, как выразил бы настоящий Мориак, и которые останутся заключёнными в нём, словно внутри кисты!

Сможем ли мы достаточно уважать нашего новообращённого, чтобы не загонять его в рамки наших воззрений и идей, вместо того чтобы помочь ему развиваться в соответствии с тем, каким его сделал Бог? Слушать, любить, убеждаться в единственности и неповторимости каждого человека, посвящать ему своё время – это и есть уважение к человеческой личности.

Здесь мы подошли к важнейшей и в высшей степени практической проблеме: осознание ценности человеческой личности, забота о ней связаны с затратой времени, и в этом – главная трудность для немногочисленных и переутомлённых апостолов. Но они должны помнить слова Иисуса:

пройди две тысячи шагов с тем, кто хочет пройти с тобой тысячу, не отворачивайся от того, кто хочет взять у тебя займы. Апостольство никогда не будет иметь ничего общего с учётной карточкой и электронным мозгом. Если мы хотим найти современный аналог апостольского служения человеческой личности, его следует искать, скорее, у психолога, который долго выслушивает каждого и помогает ему понять и узнать самого себя (это всего лишь сравнение, опирающееся на сходство в отношении к затрачиваемому времени).

Как достичь такого осознания ценности человеческой личности? Этому сопутствует молитва, без которой у нас ничего не получится. В той мере, в какой мы знаем любовь Бога к нам, в какой мы повторяем себе тысячи раз: “Он возлюбил меня, Он отдал Себя за меня”, – приходя в восторг от Его любви,¹¹⁹ – в такой же мере мы сможем молиться о присутствии Бога в людях, которые окружают нас в повседневной жизни, и мы остановимся, чтобы созерцать их – невыразимо обогащённых Христом, умершим и воскресшим ради них, мы больше уже не будем подходить к ним только с человеческой мерой, а будем видеть их божественное достоинство, и наше осознание ценности человеческой личности обретёт всю свою силу. Только Бог, дающий милосердную любовь к ближнему,¹⁹ может помочь нам достичь этого. Не следует думать, что нехватка времени – это непреодолимое препятствие. Видя это препятствие, мы видим также и способ его преодолеть: молитва.¹²⁰ Посвятив время этой предваряющей молитве, мы поможем тем, кто приходит к нам, открыть для себя и осознать ценность человеческой личности. Это осознание передастся им через то, как мы их встречаем и принимаем. Такое отношение к человеку передаётся другим людям; другие апостолы будут распространять такое же отношение вокруг себя.

Разве может один человек, даже при крайнем напряжении, удержать концы этого множества “цепей” – иначе говоря, поддерживать все эти многосложные связи, соединяющие его с теми, к кому он послан и кому он служит. По всей видимости, нет, но есть ещё и малая община и вся Церковь. Таким образом, свидетельство миссионера заключается в горячем стремлении – ценой напряжённых усилий – находиться среди людей как *человек Божий, свидетель Его существования и Его особенной любви к каждому человеку*. Человек Божий, который живёт согласно вере в Иисуса, отдавшего Себя за нас не для того, чтобы судить, но чтобы спасти нас и соединить нас вместе, в единстве.

Христианские организации нужны, потому что Церковь – это община и общество, но не будем никогда выставлять лживыми слова Господа: “Иго Моё легко”, – для тех, кто уже “перегружен” и сгибается под тяжестью бремени. Будем всегда помнить первую декларацию, принятую на самом первом из всех соборов: “Святому Духу и нам угодно не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого” (Деян. 15,28).

СТОЙКОСТЬ И ДОЛГОТЕРПЕНИЕ¹²¹

Отличительные признаки апостола? – совершенные стойкость и долготерпение (2 Кор. 12,12). “Мы во всём проявляем себя истинными Божьими служителями: в совершенных долготерпении и стойкости...” (2 Кор. 6,4).

Свойством, которое столь настойчиво подчёркивают, нельзя пренебрегать: оно – одна из постоянных тем апостольской мысли святого Павла. Но оно также есть плод опыта, потому что двадцать лет пробуждения миссионерства во Франции позволяют сделать только один вывод: для миссии главное в испытаниях – не сами испытания, но те постоянство, терпение и стойкость, с которыми она проходит через них и не сдаётся.

Иисус закончил притчу о сеятеле тем же ключевым словом, которое, будучи произнесено в самом конце, запечатлевается в уме слушателей: “те, которые, услышавши слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении” (Лк. 8,15). Святой Лука приводит ещё одну фразу Господа: преданные своими близкими, ненавидимые всеми, даже умерщвлённые, “терпением вашим спасайте души ваши” (Лк. 21,19). Так, с самого начала, в самой первой притче, ученику дано предупреждение; и это будет сказано ему снова, когда будет идти речь об испытаниях. Неудивительно, что святой Павел, апостол в полном смысле слова, переживает и неустанно передаёт другим людям опыт этой реальности.

Эти долготерпение и стойкость, столь высокие и столь важные и необходимые, апостол Павел почти возводит в ранг теологической добродетели, потому что каждый раз, когда он упоминает о них, он тесно связывает их либо с верой, либо с любовью.¹⁹ Фессалоникийцам он говорит, что “хвалится” их “терпением и верою во всех гонениях и скорбях” (2 Фес. 1,4), а Тимофею он торжественно советует следовать за ним, Павлом, в его учении и в его поведении, “в вере, в долготерпении, в любви и стойкости в гонениях и страданиях...” (2 Тим. 3,10). Разве он уже не заклинал торжественно, обращаясь к Тимофею, “истинному сыну своему в вере”, в своём

предыдущем послании: “Но ты, человек Божий... добивайся справедливости, подлинного благочестия, веры, любви, долготерпения, стойкости, кротости” (1 Тим. 6,11)?

Таким образом, это апостольское качество приобретает высокий статус: его сближают с теологическими добродетелями.¹²² Это связано с самой его природой, так как, по мнению святого Павла, оно есть сила, причастная даже самой движущей силе, исходящей от Бога: “Укрепляясь всей силой по могуществу славы Его, вы достигнете совершенной стойкости и долготерпения” (Кол. 1,11). В этой фразе всё сказано: слава Божья – это Его дела, и одно из самых ярких Его дел заключается в том, что по Его воле в нас переходит Его могущественная сила. Но это приобретение не может произойти без нашего участия: эту силу необходимо приобрести, и это с неизбежностью предполагает борьбу. На ум приходят великие слова, сказанные Иисусу Навину самим Яхве, когда Он приглашает его вступить на Землю Обетованную: “Будь твёрд и мужествен; ибо ты народу сему передашь во владение землю, которую Я клялся отцам их дать им. Только будь твёрд и мужествен” (Иис. Нав. 1,6).

Только Бог дарует победу, но нам надлежит выстоять в этой борьбе. И стоять до конца... Так, для святого Павла долготерпение и стойкость – это одно из качеств старцев: “Чтобы старцы были трезвы, степенны, здравомыслящи, здравы в вере, в любви, в терпении и стойкости” (Тит. 2,2). Великие комментаторы проникательно отметили, что если первые три качества естественны для пожилых людей, то вера, любовь и долготерпение (стойкость) даются им более трудно: разочарования делают веру менее живой, угашают её пылкость, уныние и печаль затрудняют общение с другими людьми, из-за немощей возраста трудно быть терпеливыми. Так пусть же Тит знает, как наставлять пожилых христиан, чтобы они с честью дошли до конца своего жизненного пути.

Искушение для апостола – желание перестать бороться (и это искушение придёт гораздо раньше, чем он достигнет возраста старцев). Он изнурён, измотан, пережив слишком много неожиданных испытаний. Он готовился к бою, как “хороший воин Христов”, но он воображал себе, что это будет борьба с неверием лицом к лицу и что каждая из сторон выскажется и объяснится. А его никто не хочет слушать, ему говорят: “Мы послушаем тебя в другой раз”, – и тут же “отворачивают слух от истины и обращаются к мифам и басням” (2 Тим. 4,4). Порой его смущает несоответствие между тем, как мало ему уделяют внимания, и величиим той вести, которую он несёт, порой, после того, как его с радостью выслушивают, он замечает, что слово жизни превращается в формальное поведение или в рутинные религиозные обряды. Наконец, он видит, как, увы! христиане и апостолы ссорятся, “кусают, терзают и поносят друг друга” (Гал. 5,15).

Сколько времени тратится на ненужные осложнения, помехи, раздоры на почве соблюдения религиозных обрядов и обычаев, не говоря уже о лжебратьях, которые со своей точки зрения имеют добрые намерения и поступают по совести, но на самом деле нарушают единство и общение и следуют своими путями! Попадая в новые ситуации, апостол опутан отжившими правилами и не знает, как влить новое вино в новые мехи. Необходимо даже сказать следующее: самое опасное для него искушение исходит уже не столько от тех, к кому он обращается, не от их безразличия или их нравов, но – иногда – от тех людей, которые его посылают. Они до такой степени осмотрительны и осторожны и настолько смущены от неуверенности в нём и в его миссии (и в глубине души он думает, что, может быть, они и правы...).

Тогда апостол испытывает искушение ослабить или прекратить борьбу¹²³: зачем всё время бороться? Он может сложить оружие и сделать это незаметно, так, что это не будет выглядеть, как предательство. Он может даже оставаться на своём месте и продолжать своё апостольство, но притупить его “остриё”, ослабить натиск и защищать самого себя, создав вокруг себя *ничейную* зону безопасности, отгородившись звуконепроницаемым экраном и бронёй мещанского обуржуазивания.

В этот час выбора и непроглядного мрака ночи, окружающей апостола, миссионер лишён всего внешнего и полностью обнажён: из-за недостатков, бездеятельности, упущений, которые он видит вокруг себя, он яснее чувствует свою собственную ничтожность, свою собственную нищету. Как “с терпением бежать в лежащем перед нами состязании”, если нас “одолевают грех” (Евр. 12,1)? В мире существует только одно исцеляющее средство,¹⁵⁵ вечно неизменное с тех пор, как медный змий, вознесённый на древке, излечивал смотрящих на него, и это средство – взгляд на Христа, вознесённого на кресте. Таков же и ответ апостола Павла: “Взирать на начинателя и завершителя нашей веры, Иисуса, который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест...” (Евр. 12, 2).

В конечном счёте, только решимость апостола быть до конца “у креста Иисуса” и “рядом с Его Матерью”, которая стоит там, только это безрассудное желание “восполнить со своей стороны в своей плоти то, чего недостаёт скорбям Христовым ради Его Тела, которое есть Церковь” (Кол. 1,24), может дать упорную терпеливость¹²⁴: “Чтобы вам не изнемотать и не ослабеть в ваших душах, подумайте о Том, Кто вытерпел такое сопротивление Себе от грешников” (Евр. 12,3). Итак, долготерпение и стойкость завершают наше описание¹²⁵ апостола и его подражания Христу: “И пусть Господь направит ваши сердца к любви Божьей и к долготерпению и стойкости Христа” (2 Фес. 3,5).

Отныне стойкость и терпеливость апостола – это стойкость и терпеливость Христа, которые продолжают в апостоле. На этом уровне внутренняя борьба, совершающаяся в самой глубине апостола, приобретает измерение,¹³⁸ превосходящее наши человеческие масштабы: и поэтому апостол может решительно продолжать начатое дело, теряя сон, страдая от некоторых утративших смысл правил и предписаний, от излишней щепетильности, придирок, пустого мудрствования, в то время как толпы людей во тьме кромешной ждут того, что единственно им необходимо, чем он¹²⁶ обладает и что только и может осветить их. Но одновременно с этой общностью нетерпения, которое он переживает вместе со всеми, кто пребывает в нетерпении, он живёт в полном, безусловном внутреннем послушании и безоговорочно следует ему, и его душа пребывает в покое, потому что Христос спас мир именно так и никак иначе: “между несколькими сантиметрами яслей и двумя метрами креста”, – как сказал один мой бразильский друг. Ученик не больше Учителя. И надо уметь молчать, чтобы позволить Богу действовать.

Было бы нелепо и глупо с нашей стороны произносить слова Господа, говоря, что они исходят от Бога, и, тут же забыв их, позволить повседневным трудностям (внутри нас и вне нас) захватить и поглотить нас, и говорить о них, перечисляя их одну за другой, словно они и есть последнее, решающее слово.

“В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир”, – говорит Господь (Ин. 16,33). Каждый апостол избирается, чтобы быть свидетелем победы Господа, и эта победа несомненна, так как она есть победа Бога. Позиция закомплексованного и побеждённого апостола была бы резким противоречием всемогущему Слову. И в первую очередь от него требуется именно постоянство веры в эту окончательную победу, на котором должно основываться всё остальное. Более того, он не ждёт от веры, чтобы она *когда-нибудь* принесла ему победу: она *уже есть* победа.

СВЯЗЬ, СОЕДИНЯЮЩАЯ СОЗЕРЦАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ: НАСТОЯЩЕЕ МГНОВЕНИЕ

“Будучи взят из людей, поставляемый, чтобы ходатайствовать ради людей в том, что касается их отношений с Богом” (Евр. 5,1), апостол оказывается находящимся между созерцанием Бога и тысячью превратностей, с которыми он сталкивается в своей жизни среди людей. Он верит неизменной¹²⁷ христианской верой в главенство духовного начала и в то, что закваска должна смешиваться с тестом. Он знает, что Бог есть Бог и что только Он абсолютен, и он смело, “не

оглядываясь назад”, выходит в поле, которое нужно возделывать. Он знает, что “довольно для каждого дня своей заботы”. Он выучил наизусть удивительную фразу Пия XII, который отвергает любую раздвоенность между апостольством и внутренним духом жизни, целиком посвящённой Богу: “Ваше апостольство выявит внутренний дух, который есть его душа, и также будет непрерывно питать и обновлять этот дух”.^a

Апостол убеждён в этих истинах веры, которые основаны на Св. Писании, подкреплены мудростью святых, удостоверены Церковью, – но ему нужно найти способ каждый день жить ими, ежедневно воплощать их в своей жизни, и это не получается легко и автоматически, даже если по сути это очень просто. Так где же то соединительное звено, которое гармонично объединит две наши жизненные линии: *человека, принадлежащего Богу*, связанного с Богом более тесно, чем самый любящий супруг связан с той, которую он любит, и *человека, принадлежащего людям*, более внимательного к людям, чем самая заботливая мать?

Этот элемент – настоящий миг, то мгновение, когда Бог и моё действие соединяются и переплетаются, та скоротечная и всегда реальная минута, которая дана мне, чтобы в ней моя жизнь получила свою значительность и весомость и обрела плотность и прочность вечности. Паскаль, который был прекрасным примером жизни для Бога и для людей своего времени, понял и ощутил это: своим несравненным языком он описывает изменчивость и непостоянство человека, всегда озабоченного будущим или прошлым:

“Мы никогда не остаёмся в настоящем времени. Мы предвосхищаем будущее, которое наступает слишком медленно, как будто пытаюсь ускорить его приход, или вспоминаем прошлое, чтобы его задержать и остановить, словно оно ушло слишком быстро. Мы столь неразумны, что блуждаем не в своём времени, пренебрегая тем единственным, что нам принадлежит, и так суетны, что мечтаем о том, что уже стало ничем, и бездумно избегаем того единственного, что продолжает существовать. А дело в том, что настоящее обыкновенно раздражает нас. Мы скрываем его от нашего взора, когда оно удручает нас; а если оно приятно нам, то мы сожалеем, что оно ускользает...”

Если каждый исследует свои мысли, то найдёт в них только прошлое и будущее.

Мы почти не думаем о настоящем, а если и думаем, то в надежде, что оно подскажет нам, как разумнее устроить будущее. Мы никогда не стремимся жить в настоящем мгновении...

Вот и получается, что мы никогда не живём, а лишь надеемся жить; и, намереваясь быть счастливыми, мы, с неизбежностью, никогда не достигаем счастья”.¹²⁸

^a Пий XII “Primo felicitas”.

Эти слова великого Паскаля, жестокие своей истинностью, приводят нас в растерянность: удастся ли нам когда-нибудь освободиться от этого сильного двойного притяжения прошлого и будущего? Иисус, божественным образом, приведёт нас к этому, и для этого Ему понадобится ещё меньше слов, чем Паскалю, и Его слова поражают несравненно сильнее: “Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов” (Лк. 9,60), – это для прошлого, “Не заботься о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы”, – это для будущего (Мф. 6,34).

Но Иисус не ограничивается одними только словами; Он раскрывает секрет, который позволяет избавиться от этого двойного притяжения, которое гипнотизирует и зачаровывает нас, и этот секрет, более притягательный, чем испытываемые нами силы тяготения, – присутствие Бога в настоящем мгновении.¹²⁹ Многие слова Иисуса несут покой и мир:

“Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его” (Ин. 4,34);

“Ибо Я сошёл с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшего Меня...” (Ин. 6,38).

И через это согласие с волей Отца проявляется само присутствие Отца, и так продолжается до Крестного часа: “Когда вознесёте Сына Человеческого, тогда узнаете, что Я Есмь и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю. И Пославший Меня со Мною; Он не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно” (Ин. 8,28-29).

Так Иисус делает нас внимательными к тому, что придаст нашей жизни полноту в каждое мгновение – полноту, всеобъемлющую, всегда новую, без монотонной рутины. Время не приходит ко мне пустым; обычно время достигает меня каждое мгновение в виде определённого занятия: восемь или десять часов на заводе, где каждую минуту я исполняю то, что мне поручено, и совершаю конкретные осмысленные, целенаправленные действия, а также есть время, посвящённое молитве, жизни миссионерской малой общины¹³⁰. И эти действия, эту молитву, эту общую трапезу я могу переживать или принимать такими, какие они есть, то есть видеть их только такими, какими они выглядят по непосредственному впечатлению; или же я могу, помимо внешнего, видеть в них волю Бога, облакающуюся в форму этих действий, – тогда событие приходит ко мне буквально как присутствие Бога и как Его подарок.¹³¹ Этот настоящий миг приходит ко мне, неся в себе Бога, чтобы дарить мне жизнь, но он приходит ко мне также облачённым в действие, которое предлагается мне и требуется от меня. Уборка постели или совершение мессы, чистка овощей или причащение, ожидание автобуса или молитва – в это

мгновение предлагаемое мне действие становится присутствием Бога, Его участием в моей жизни.

В минуту, предшествовавшую высшему мгновению мировой истории, Ангел объясняет Деве из Назарета: “Сила Всевышнего осенит Тебя” (Лк. 1,35). Ангел прекрасно знает, что Марии его слова напоминают о светящемся мраке Облака Исхода, которое есть знак присутствия Яхве и в то же время мрак. Это также напоминание о Славе Божьей над Ковчегом¹³². Таким образом, к Деве Марии – но также и к нам, когда мы совершаем что-то самое возвышенное или же совершаем самые обыкновенные повседневные действия, – действительное присутствие Бога приходит “завуалированным”, да, скрытым под видом¹³³ привычного действия, которое от нас требуется в этот конкретный час, и именно это мы должны научиться прежде всего распознавать, а затем искренно и сильно полюбить, и заботливо и бережно поддерживать, и возвращать, и лелеять. Это настоящее мгновение приходит ко мне, неся в себе Бога, и это столь же верно – с учётом соответствующих различий^a – как в отношении Девы Марии в момент Благовещения, так и в отношении даже того момента, когда Бог побуждает меня почистить моё пальто.

Такая “установка”, внутренняя позиция и образ действия не есть вид духовности, которую мы выбираем или не выбираем в зависимости от нашей принадлежности к той или иной духовной традиции или школе, но мы просто-напросто распознаём встречу Бога с Его творением и поэтому живём столь высокой философской⁵⁴ истиной: в Боге Бог и Его воля – одно. *С любовью следовать воле Божьей, прилепляясь к ней, – значит прилепляться к Богу, сливаться с Ним.* Нет Бога, который пребывает в Самом себе, а Его действия и Его план по отношению к нам – отдельно от Него, так чтобы можно было на какое-то мгновение любить Бога и Его сущность¹³⁶ и не принимать Его намерений и целей. Такое случается с нами в отношениях с людьми, которых мы порой очень любим. Но такое разъединение невозможно для Божественных Личностей, потому что в Них слиты в одно Их сущность¹³⁷ и то, чего Они хотят. Бог есть чистая, безусловная любовь, и этот Бог-Любовь, когда Он устремляется навстречу кому-то другому, отличному от Него, творит этого другого либо творит нечто в этом другом. Отказываться от того, что Бог делает или создаёт, значит отказываться от самого Бога.

Потому что любовь Бога к нам – это любовь созидающая. То, что наши отец и мать сделали для нас в ту долю секунды, когда они дали нам жизнь, Бог делает для каждого Своего создания на

^a Ср. Ш. Журне “Церковь воплощённого Слова”, т. 2, гл. 2, excursus II “Внутренняя жизнь Святой Троицы и Её присутствие в мире”; Ch. Journet “L’Eglise du Verbe incarné”, т. II, ch. II, excursus II “Présence de la Trinité à elle-même et au monde”.

протяжении всего его существования. Я существую в настоящий момент только потому, что по воле Божьей я участвую в Его существовании,¹³⁸ и Его любовь проявляется в том, что Он мне предлагает: каждое мгновение – это продолжающееся Божье творение.

Когда мы знаем секрет настоящего мгновения, уже больше ничто не способно заставить нас скучать, даже сама скука, больше ничто не беспокоит и не тревожит нас, даже наша нищета, беспомощное состояние, ничтожество.¹³⁹ Я соглашаюсь с последствиями моих ошибок, какими бы болезненными они ни были, потому что Бог, конечно же, не желал моего греха, но путаница, которую он вызвал, неразбериха, в которую я сам себя загнал и за которую теперь расплачиваюсь и от которой теперь страдаю, – это Бог допускает,¹⁴⁰ как Он также желает, чтобы я приложил все силы для исправления ошибки. Паскаль понял это, и его Тайна Иисуса звучит по-иному – иначе, чем его философские размышления: “Если бы Бог Своей рукой дал нам наставников, о! тогда нам следовало бы слушаться их всем сердцем! Роль таких наставников для нас неизбежно и безошибочно играют необходимость, нужда и события нашей жизни”.

Отец де Коссад, как замечательный наставник, поясняет эту полную преданность Богу: “Помните наши главные моральные принципы: 1) Нет ничего ни столь малого, ни столь незначительного – по внешнему впечатлению, – что не было бы устроено, предписано или позволено Богом – вплоть до листика, падающего с дерева! 2) Бог достаточно мудр, достаточно благ, достаточно могущественен, достаточно милосерден и милостив, чтобы повернуть самые мрачные и зловещие, казалось бы, события на благо и на пользу тех, кто умеет поклоняться и смиренно принимать все Его восхитительные божественные поущения”.^a

Вовсе не случайно то, что отец де Коссад – иезуит, так же как и его старший¹⁴¹ собрат, отец Луи Лаллеман. Они ни в чём не приуменьшили апостольский идеал своего Ордена, состоящий в активном служении,¹⁴² воле к послушанию, стремлении развивать таланты каждого. Но под влиянием святого Иоанна Креста, святого Франциска Сальского и Фенелона они научились сохранять мирное состояние духа при той борьбе, которая связана с апостольством, и показали, каким образом достигается равновесие между деятельным участием во всех человеческих проблемах и “глубокой любовью к сверхъестественному”⁹. Отец Ольф-Гайар очень хорошо описывает это в своём введении к книге отца де Коссада.

Делать более тонким и чутким наше внимание к присутствию Бога в событиях нашей жизни, значит одновременно вступать в самое близкое общение со Священным Писанием; нам лучше

^a Ж.-П. де Коссад “Духовные письма”; (J.-P. de Caussade “Lettres spirituelles”, présentées par le P. Olphe-Gaillard, Ed. Desclée de Brouwer).

открывается смысл и значение того, о чём говорят псалмы, открывается Бог, присутствующий везде: “Ты испытал меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали...” (Пс. 139/138), – но также открывается и мир, где всё имеет смысл. “Мир псалмопевца полон смысла: всё упорядочено, полно значительности, повсюду, во всём он видит знаки, взаимосвязи, причины и следствия”.^а

И тайна зла, даже если она и остаётся болезненной и непонятной занозой, перестаёт быть препятствием на нашем пути к Богу: “Все пути Господа благодать и истина для стражей Его завета, для Его свидетелей”. И псалмопевец учит нас отныне жить согласно основному принципу: “В сердце моём сокрыл я слово Твоё, чтобы не грешить пред Тобою” (Пс. 119/118,11).

Но святой Павел и не знает иного способа жить: “Итак, едите ли, пьёте ли, или иное что делаете, всё делайте во славу Божию” (1 Кор. 10,31). На первый взгляд, эти слова приводят нас в растерянность: нам кажется, что нужно обладать огромным запасом энтузиазма и растрчивать его, чтобы слава Божья проявлялась в наших самых обыкновенных действиях. Но мы должны понять, что прежде всего Бог хочет от нас не исполнения какой-либо задачи и не какого-либо апостольского служения – будь то скромного, незначительного или же славного, – а “желания исполнять Его волю”, потому что она есть сам Бог.

В нашу эпоху больше не запасаются – как было прежде – черепом, для того чтобы, глядя на него, размышлять о недолговечности и непостоянстве времени. Сегодня, если мы ищем символ для этого, мне кажется, что это будет, скорее, *хрусталь*, чистый и хрупкий, который каждое мгновение разбивается, чтобы тут же возродиться и быть готовым при каждом возрождении наполниться вечностью. Потому что время – это реальность одновременно самая непрочная, недолговечная и самая текучая, но также и та, которая может быть наполнена самыми насыщенными проявлениями жизни и бытия. Оно есть свойство человека, который постепенно образуется, возрастает, развивается, формируется и выковывается.

“Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими”, – говорил Иисус в Своей проповеди о Блаженствах (Мф. 5,9). Чтобы принести людям этот мир, превосходящий всякое понимание,¹⁴³ нам самим следует иметь в сердце этот мир, быть умиротворёнными, чтобы стать миротворцами. Единение с волей Божьей даст нам это “спокойствие и безмятежность порядка”,¹⁴⁴ которое, как известно, и есть само определение того, что такое мир.

^а См. “Псалмы” в переводе Андре Шураки. Не только его перевод, но также и написанное им введение, служат поразительным ключом для понимания этого. (“Les Psaumes”, traduits et présentés par A. Chouraqui, Presses Universitaires de France.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЮДИ И ВРЕМЕНА

ТРИ ПРИЗЫВА ГОСПОДА

“В доме Отца много обителей”, – апостол Пётр, который слышал эти слова и видел – “на горе” – преображённого Господа, “радовался радостью несказанной и полной славы” (1 Петр. 1,8), когда он напоминал о “живой надежде вечности”.

Но уже на земле, здесь и сейчас благодать Христа неизменно действует изобильно и разнообразно. Щедрость Бога проявляется во множестве призваний и их многообразии, а из-за нашего индивидуализма это многообразие порой ещё больше возрастает.

Через различные положения, состояния, благодатные дары, служения, обязанности и виды деятельности, составляющие богатство мистического тела, проявляются три различных призыва Господа к Своим,¹⁴⁵ которые следует различать (с помощью богословия): призыв крещения, призыв, выраженный в евангельских наставлениях, и призыв к священству.

Различать эти три призыва важно потому, что они позволяют лучше понять разнообразие даров в единстве Духа и помогают каждому увидеть и найти своё место, свою роль и тот способ, которым он будет свидетельствовать своим братьям и открывать им истинное предназначение человека.

I - Призыв Крещения

Каждый крещённый и – потенциально – каждый пришедший в этот мир человек призван к совершенству, то есть к подражанию самому Отцу: уже цитированные слова Иисуса из Евангелия от Матфея нужно повторить здесь ещё раз: “Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мф. 5,48).

Святой Иаков (Иак. 1,4) и святой Пётр (1 Петр. 1,15) неустанно повторяют эти слова, призывающие людей к совершенству любви. То же самое говорит и святой Павел: “Воля Божия есть освящение ваше” (1 Фес. 4,3), но эта заповедь восходит к гораздо более древней заповеди: “Будьте святы, ибо свят Я Господь, Бог ваш” (Лев. 19,2). Это повеление, данное с первых же дней общине детей Израиля, постоянно сопровождает человечество на его пути.

В этом заключается основной закон для христианина, от самого безвестного и безликого до поднявшегося на вершину понтификата. И именно это стремление к совершенству, требуемое от всех и возможное для всех, будет судить человека в вечности. Оно побуждает каждого жить согласно принципам отделения от мира сего, чистоты сердца и подчинения, как того требуют заповеди Блаженств^{194b} от каждого ученика Господа, и это заходит весьма далеко и имеет весьма серьёзные последствия.

Те, кто внимательно прислушивается к этому призыву, различают в нём “неисследимые богатства Господа”, они переполняются радостью, зная, что они – “род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, чтобы возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет...” (1 Петр. 2,9).

Каждое слово Апостола Петра открывает широчайшие богословские горизонты. Христиане – народ Божий – осознают себя “причастниками божественной природы, удалившись от господствующего в мире растления похотью” (2 Петр. 1,4). Их “жительство на небесах, откуда они горячо ожидают Спасителя, Господа Иисуса Христа, который уничижённое тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе всё” (Фил. 3,20-21).

Это убеждение есть у христианина, начиная с первых вопросов, которые ему задают при крещении: “Что даёт тебе вера? – Жизнь вечную”. Отныне оно освещает его жизнь, пронизывая весь окружающий его мрак, и он – вслед за святым Павлом – свидетельствует: “И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех людей” (1 Кор. 15,19).

Согражданин святым и домочадец Богу (Еф. 2,19), он получил власть молиться, приносить жертву Господа, причащаться ей. С Ним и через Него он посредник между людьми и Богом. На него возложена задача возвещать Царство Божие своим братьям, будучи “всегда готовым дать отчёт в своём уповании” (1 Петр. 3,15).

“Католическое действие” напомнило (и это великое благо, которое не перестаёт приносить новые плоды) о величии христианского народа: оно определило и ясно выразило те задачи, выполнять которые в повседневной жизни каждый христианин призван в силу самого факта своего крещения

и миропомазания. Христианину жизненно необходимо быть одним целым со Христом, и в силу этого единства христианин – вместе с Ним – служит посредником, чтобы приносить жертвы, молиться и быть провозвестником Благой Вести. И он призван осуществлять это всей своей жизнью, через всё, что он делает “во имя Господа”.

Своим членам, которые участвуют именно в самих движениях “Католического действия”, оно помогло открыть для себя ту роль, которую им доверила Церковь, по поручению иерархов призвав лаиков-мирян⁴⁹ занять своё место в этом широком движении апостольского посредничества, созидающего и собирающего Церковь.

Тем не менее, христианин вовсе не освобождается от строительства земного града с его собственной конечной целью: реально применять в жизни основную заповедь, данную человеку Богом на заре Бытия: “Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею” (Быт. 1,28).

В этом заключается временное служение в миру, его необходимость и величие¹⁸, и “Католическое действие” также показало все те побуждения, которые должны вдохновлять гуманную миссию каждого христианина в этой сфере созидания мира⁵.

Крещённый обязан всеми силами должен претворять в жизнь милосердную любовь к ближнему,¹⁹ которая проявляется “не только в словах и речах”, но которая хочет быть действенной ради постоянного стремления к тому порядку, который Бог хочет установить в мире⁵, чтобы к каждому человеку относились как к личности, а не как к вещи, и чтобы богатства вселенной были справедливо поделены между всеми, а не присвоены небольшим числом людей. Ибо есть такое устройство общественной жизни, которое помогает жить по Евангелию, а есть и другие, которые делают это “практически невозможным”, как об этом замечательно сказал Пий XII, и по отношению к которому Церковь, то есть собрание всех крещённых, “не может молчать, делая вид, что она их не замечает и не понимает” (Послание на Пятидесятницу 1941 года).

Тот же Пий XII говорил, на этот раз в 1957 году в своём последнем рождественском послании, “о необходимости призывать к постоянным и жёстким действиям, предпринимаемым по всем направлениям и обращённым на все стороны жизни... Вмешательство в жизнь мира с целью поддержания божественного порядка – это право и обязанность, по существу, составляющие неотъемлемую часть ответственности христианина и позволяющие ему законно предпринимать любые личные, общественные или организованные действия, способные достичь этой цели” (Радиообращение к миру – 22 декабря 1957 года).

Таким образом крещение требует от христианина быть провозвестником Христа, делая Его видимым всей своей жизнью, и в то же время активно участвовать во всех сферах жизни этого мира, трудясь вместе со всеми людьми доброй воли.

Такая масштабность призыва Иисуса, который не перестаёт удивлять нас и порой застаёт нас врасплох, происходит от реального участия в погребении и Воскресении Господа, которое составляет суть крещения: мы “привиты” (как черенок к дереву), присоединены ко Христу – и в этом источник нашей жизни, мы – члены Его Тела, мы с Ним спаяны в одно целое.

Поэтому каждый человек, принявший святое крещение, должен – в душе и даже в действиях своих – молитвенно размышлять над словами Иисуса: “Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною” (Мф. 16,24) и созерцать¹⁴⁷ Крест, чтобы на самом деле решительно прилепиться ко Христу и приносить плоды.

Иисус прямо и ясно сообщает нам, что нас ждёт и как можно стать Его учеником. Невозможно предложить ничего более великого и более плодотворного и желаемого, потому что Крест ведёт к Воскресению. Но мы должны заранее не только принять этот крест, но также признать его в качестве “рабочего инструмента”¹⁰⁹, как нельзя лучше подходящего для созидания Царства Иисуса на земле и на небе.

В заключение скажем: этим первым и основным призывом каждый христианин призывается разделять подобие Богу в любви¹⁴⁸: “Всё – ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий” (1 Кор. 3,23), нет никакого другого ограничивающего предела, кроме нашей способности любить.

II - Призыв, содержащийся в евангельских советах Иисуса Христа¹⁵⁰

В самой глубине этого всеобщего и главного призыва некоторые слышат второй призыв. Его назначение не в том, чтобы упразднить основной закон или добавить к нему требование достичь более высокой степени совершенства любви к ближнему (как если бы у кого-то требовали миллион вместо ста тысяч), но в том, чтобы определить и точно указать путь: предлагаются более реальная, “осязаемая” бедность и беззащитность¹², более глубоко переживаемое¹⁵¹ целомудрие, более организованное подчинение¹⁵² – но всё это ради достижения той же самой цели.

Чтобы побудить людей и помочь всем людям полнее жить Блаженствами,¹⁵³ Господь призывает некоторых людей целиком посвятить себя исключительно тому, чтобы более настойчиво и упорно

стремиться осуществлять в своей жизни определённые “способы”, “средства” (очень действенные и очень важные), которые более непосредственно, “напрямую” ведут к исполнению основного закона. В этом заключается суть призыва к применению в жизни, на практике, евангельских советов (принципов поведения, рекомендуемых Иисусом в Евангелии). Главнейший закон – закон милосердной любви к ближнему – представляется как безусловный, абсолютный: он есть повеление, заповедь; а советы представляют собой приглашение: “Если хочешь...”, – говорит Иисус богатому юноше.

Можно назвать три качества такого образа жизни согласно советам Иисуса Христа, которые всё так же тесно связаны с прохождением через смерть и воскресением и которые станут основными для того, кто услышал этот второй призыв:

- безусловное, полное целомудрие тела, ума и духа, тесно связанное с отказом от всего, что отвлекало бы нашу жизнь от всецелой устремлённости только к Воскресению и от безраздельного созерцания Господа;

- бедность и убогость¹², тесно связанные с добровольным отказом не только от самых здравых и полезных видов богатства и изобилия, но также и от жизненных удобств и удовольствий;

- послушание, тесно связанное с убеждением, что оно есть кратчайший путь, ведущий к Богу; идя по этому пути, человек позволяет Богу взять в Свои руки жизнь, которая хочет быть неустанно подчинена Ему в своих конкретных проявлениях, подобно Господу, который был послушен до смерти на Кресте.

Через этот тройной отказ, тройное самолишение человек посвящает Богу всё своё существо, и если в течение своей жизни он не отступает от этого пути и не возвращается к обычной жизни, значит, он действительно отдал всё. Другие люди могут испытывать более тяжёлую нужду и нищету, более мучительные невзгоды и лишения, более горькое разделение или разлуку, более героически подчиняться обстоятельствам – но тот, кто услышал этот призыв, тот с самого начала сознательно и добровольно выбрал одного только Бога.

Где в Евангелии мы находим этот второй призыв? Это слова Иисуса: “Иди, следуй за мной”, – и ответ Апостолов: “И они тотчас, оставив свою лодку и своего отца, последовали за Ним”. “Не все вмещают слово это, но кому дано” (Мф. 19,11), – говорит Иисус, приглашая некоторых к этому совершенному целомудрию, которое,^{194d} казалось бы, противоречит повелению из Книги Бытия – плодиться и обладать землёй: здесь нет никакого противоречия, это лишь более высокий призыв безраздельно отдать себя Господу “ради Царства Небесного, кто может понять, поймёт”, – вновь добавляет Он.

Таким образом, человек, к которому был обращён этот второй призыв, откажется от некоторых значительных и важных задач¹⁵⁴, которые предлагало ему его крещение: он сделает это, чтобы полнее принадлежать своему Господу, и тем самым он становится свидетелем Невидимого в этом мире.

Если он отрешается от времени и отстраняется от временного, то он делает это отнюдь не из-за пренебрежения или презрения, а, напротив, для того чтобы придать им их истинный смысл, открыв в них связь с другим измерением, “выход” в него. Если своей жизнью он напоминает всем, что “облик мира сего проходит” (1 Кор. 7,31), то он делает это для того, чтобы более достойным образом¹⁵⁶ ожидать возвращения Супруга¹⁵⁷ и чтобы побудить людей быть более усердными¹⁵⁸ в ожидании этого возвращения: “Итак, бодрствуйте, ибо вы не знаете, в какой день ваш Господин должен вернуться” (Мф. 24,42).

Наконец, то, что знаменует собой любовь мужчины и женщины в супружестве, а именно: сердечная близость с Богом и святость как человеческой души, так и Церкви, соединённых со Христом, то, что осуществится для всех людей в воскресении, – именно этого стремится достичь – и уже достигает – посвящение себя Богу через совершенное целомудрие.¹⁵⁵

Отвечая “да” на этот второй призыв Господа, христианин обретает особую радость – радость “безраздельной” принадлежности Господу, когда он не ищет больше ничьих интересов, кроме интересов своего Господа. Плод этого состояния – близость с Господом, от которой ничто не отвлекает, и – сверх того – эти три образа жизни сияют в глазах людей как Божье знамение: этому человеку достаточно одного Бога.

Понятно, что такая жизнь может быть избрана апостолом: поскольку он стремился принять Бога во все мгновения своей жизни и посвятил себя исключительно этой безусловной открытости для Царства Божьего, он сможет помочь другим людям войти в него.

III - Призвание к священству

В самой глубине призыва – не второго, а по-прежнему первого, – Иисус призывает некоторых к особому служению: “Сие творите в Моё воспоминание”. Это вполне ясный и определённый призыв: это приглашение освящать Евхаристическое Тело Господа и собирать для этого Его Мистическое Тело, достойным образом подготавливая его к этому через Таинства и через служение возвещения Слова¹⁵⁹ “Пусть каждый рассматривает нас, как служителей Христовых и

домоправителей тайн Божиих”, – говорит святой Павел коринфянам (1 Кор. 4,1): в понимании Церкви этот текст относится к священникам.

Необходимо было бы также суметь увидеть глубину смысла¹⁶⁰ – как её видит сам Бог – наших человеческих слов, когда мы говорим вместе с Церковью, что священник есть “служитель Иисуса Христа, то есть инструмент в руках Искупителя для продолжения Его дела”.

Величие священства, необычайная власть священника, через которого Христос присутствует на алтаре и который, от имени²³ самого Христа, приносит Его как жертву, не должны заставлять нас забывать, что назначение этого призыва – прежде всего, обеспечить исполнение служения, – самого высокого из тех, которые могут быть предложены человеку, – которое определяется по отношению к христианской общине, уже существующей или ещё только создаваемой.

Тот факт, что этот призыв относится лишь к половине человечества, так как он обращён исключительно к мужчинам, а не к женщинам, уже сам по себе свидетельствует о том, что священство есть, по существу, определённого рода служение. Даже если оно требует более высокой степени святости, по причине реальностей, наполненных присутствием Бога, с которыми священство обращается определённым образом (“*Imitami quod tractatis*”¹⁶¹, – говорится во время рукоположения), оно не представляет собой какую-то особую форму освящающей благодати.

Поскольку священство облакает властью с целью созидания Мистического Тела, никто не может требовать священства, словно имеет на него право. Право призывать к священству принадлежит церковной иерархии. Священство – огромная “честь, которую никто не берёт на себя для самого себя”, потому что человек, призванный к священству, посылается на служение общине, к которому никто не призывает себя сам, но каждый призванный к священству “призывается Богом, как и Аарон” (Евр. 5,4).

Этот призыв также предполагает, кроме желания служить Богу, отдание себя в дар и самоотверженность ради служения общине. В римско-католической Церкви к этому добавляется также целибат, обет безбрачия, принимаемый всеми священниками, и шаг вперёд, который делает по призыву епископа будущий иподиакон, означает постоянную готовность служить одновременно Богу и Церкви. Целибат также создаёт определённое “состояние жизни”, которое в этом смысле сближает жизнь священника с жизнью согласно евангельским советам Иисуса Христа, но тем не менее эти два призыва Господа остаются отличными друг от друга.

Для исполнения служения священства необходимы особые качества: уравновешенность, умение владеть собой, точность в преподавании вероучения Церкви, короче говоря, качества наставника,

педагога и лидера общины (“oportet praeesse!”¹⁶²), и это объясняет осмотрительность и осторожность святого Павла, дающего Тимофею совет: “Рук ни на кого не возлагай поспешно” (1 Тим. 5,22).

Но каким бы ни было величие этого служения, святость священника – как и любого христианина – приходит от его каждодневной верности первому и главному призыву: уподобляться Богу. “Самый великий день жизни папы, – говорил Пий XI, – это день его крещения...”

Самим своим саном священник “уполномочен и подготовлен” быть миссионером: начиная со служения возвещения Слова, которое пробуждает к созерцанию и постижению тайны¹³ присутствия и действия Божьего, и заканчивая Евхаристией, которая создаёт основу, фундамент общины и созидает её, он получил возможности исполнять эту миссионерскую задачу во всей полноте.

IV - Три различных, но взаимодополняющих призыва

Призыв крещения, призыв жить по евангельским советам Иисуса Христа и призыв к священству – может оказаться, что эти три реальности по-разному осуществляются в жизни. Можно жить согласно призыву, содержащемуся в евангельских советах, будучи или не будучи священником, а священство не обязательно включает в себя жизнь согласно евангельским советам Иисуса Христа. Жизнь согласно евангельским советам Иисуса Христа, которую так долго вели “вне мира”, возможна также и в самой гуще мира, и она может “как бы исходить из того, что в нём есть”. В этом заключается великое нововведение, сделанное в 1947 году Пием XII, а начиная с 1927 года каноник Карджин, приводя в пример жизнь первых членов организации “Молодые рабочие-христиане”,¹⁶³ доказывал и подчёркивал незаменимую роль христианина – апостола в той среде, в которой он живёт.

Миссионерство¹⁶⁴ не есть чья-то монополия, оно всегда присутствует в самой глубине каждого из трёх призваний: оно есть дело каждого крещённого, каждого посвящённого, каждого священника. Все вместе, они раскрывают свои многообразие и взаимодополняемость, которые проявляются в том, как следование каждому из этих призваний по-своему свидетельствует об “одном Господе, одной вере, одном крещении, одном Боге и Отце всех, Который над всеми, и чрез всех, и во всех нас” (Еф. 4,5-6).

Всех, кто отвечает на эти призывы, опыт приводит к глубокому убеждению, что один из самых действенных способов побудить людей обратиться к Богу, сохраняя уважение к их свободе, –

являть миру образ жизни христианских общин. Подобные общины состоят из ведущих активную деятельность семей и групп христиан, живущих в одном доме и образующих своего рода христианский центр,¹⁶⁵ а также посвящённых миссионеров и священников. Все они молятся и трудятся в полном единстве, они связаны тесной дружбой, каждый из них действует по данной ему благодати, соответствующей его состоянию и положению, и все, дополняя друг друга, образуют Церковь.

Именно об этой взаимодополняемости в теле Христа говорит святой Павел, перечисляя различные служения в их многообразии и в единстве Духа.

Перед лицом роста населения в мире, усиливающего диспропорцию между числом христиан и нехристиан, появляются новые формы жизни, посвящённой благовествованию.

Но время поисков не кончилось: через миссионерские группы, сильно различающиеся как по своему происхождению, так и по географическому положению, а также через многочисленные дискуссии о диаконии в Церкви, по-видимому, подготавливаются новые типы людей, посвящающих себя апостольству. Эти люди слышат в своём сердце призыв, первое требование которого – не в том, чтобы быть священником или же быть не священником, а в том, чтобы быть “миссионером”, готовым нести Имя Господа во все концы земли.

Подобно святому апостолу Павлу, они чувствуют, что призваны “служить Богу духом в благовестии Сына Его” (Рим. 1,9), и, сталкиваясь с отчаянным, гибельным, вызывающим скорбь состоянием огромного числа неверующих, они распознают в своём сердце слова апостола: “Христос послал меня не крестить, а благовествовать” (1 Кор. 1,17).

Ещё слишком рано для того, чтобы определить, кем они станут, и только лишь в качестве рабочей гипотезы можно предположить, каким будет их место в созидании Царства.

Они не будут ни активными участниками “Католического действия”, даже если и будут работать бок о бок с подобными движениями, ни священниками, даже если они и будут составлять одно целое с общиной священников.

Будучи очень близки к активистам, – поскольку живут той же заводской жизнью, разделяют все тяготы работы и укореняются в тех же цехах, – они будут сильно отличаться от них тем, что в целомудрии посвятили свою жизнь Богу.

Они также очень близки к священникам – но для того, чтобы быть ещё ближе к множеству¹⁶⁶ самых разных людей как “служители Евангелия”, не совершая ежедневно традиционного богослужения.¹⁶⁷

Они могут ходатайствовать о принятии сана священника, если Церковь будет нуждаться в этом, так как они получили такое же философское и богословское образование, что и священники, но они также могут остаться людьми Слова среди людей.

Находясь в самой гуще заводской жизни, работая вместе со своими товарищами, разделяя с ними как общие радости, так и общие тяготы и треволения, они могли бы быть знаком нежной заботы Христа, пришедшего разделить с людьми их жизнь. Всем своим существованием они могли бы являть лик Господа: “Если бы ты знал(а) дар Божий”. И когда кто-то из их товарищей спросит у них, что это за дар, они смогут объяснить ему это самыми обыденными словами, которые воистину приобретут новую насыщенность и значимость.

И если такие люди должны существовать, то иерархии следует признать и подтвердить их апостольскую роль, как она сделала это для членов “Католического действия”, для тех, кто посвящает себя жизни согласно евангельским советам Иисуса Христа, или для тех, кого она призывает к священству.

Именно ей¹⁶⁸ поручено и ей дана власть и сила благовествовать, она получила её от самого Иисуса, сказавшего одиннадцати апостолам: “Дана Мне вся власть на небе и на земле. Итак, идите и сделайте учениками все народы” (Мф. 28,18).

Благовествование исходит от Бога, оно есть первое и основное проявление и свидетельство нашей веры, и таким же свидетельством служит то, что мы действуем в единстве и общении с Церковью. Как только мы забываем эту истину или пренебрегаем ею, – какими бы ни были обстоятельства или отговорки, которыми мы могли бы оправдаться, – мы в ту же самую минуту, образно говоря, печатаем фальшивые деньги и “пускаем в обращение” благовестие, подобное ничем не обеспеченному банковскому чеку.

МИССИОНЕРСКАЯ МАЛАЯ ОБЩИНА,¹⁰³ ИНСТРУМЕНТ АПОСТОЛЬСТВА¹⁶⁹

Пусть читатель вспомнит о том, что было сказано в предисловии к этой книге: миссионерская малая община, о которой здесь идёт речь, описывается не в качестве модели для подражания, но как один из примеров той реальности, которая остаётся важнейшей для апостольства: “Когда двое или трое собраны во имя Господа”, – и ещё: “Мы знаем, что мы *перешли* из смерти в жизнь,

потому что любим братьев” (1 Ин. 3,14). Этот переход, эта Пасха, должен совершиться аналогичным образом на всех уровнях человеческой жизни: семья,¹⁷⁰ первичная группа “Католического действия”, группа миссионеров, работающих вместе на одном предприятии, группа, образованная из активистов, живущих по соседству, и т. д. Господь направляет апостола на все эти уровни; ему поручено помогать тому, чтобы этот “переход” совершался. Точное описание *одной* из возможных форм устройства “команды”, образованной христианами с определённой целью, может помочь христианам, образующим “команды” других видов, устроенных по-другому, различить и распознать: что самое важное, существенное и необходимое, а что второстепенное и несущественное.

I - РОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ¹⁷¹

В понедельник утром – был праздник Пятидесятницы – я размышлял, находясь в своей комнате в большом здании семинарии Олинды, находящейся недалеко от Ресифы.¹⁷² Это было по окончании всей серии сильнейших потрясений, подобных электрошоку, пережитых за одиннадцать недель захватывающей поездки через Южную Америку, которая одновременно была и тяжёлым испытанием. И вот, мне постоянно – словно повторяющийся рефрен – приходила на ум одна фраза: “Миссионерская малая община, инструмент апостольства...” Сказать по правде, я произносил и повторял эти несколько слов, может быть, восемьдесят или сто раз на собраниях, конференциях, в беседах, во время всевозможных объяснений. Но в тот день они пришли мне на ум как будто извне, заставляя признать себя с очевидностью и несомненностью, которые вытекали из всего того, что я увидел, услышал и констатировал во время этой поездки.

Первую мысль – втихомолку – сопровождала другая: несмотря на наши утверждения, мы ещё не осуществили внутренне¹⁷³ того, что образует миссионерскую малую общину, и мы сохранили очень индивидуальную манеру работы. Недостаточно одних только слов “миссионерская малая община – инструмент апостольства”, ещё менее достаточно того, чтобы просто жить втроём или вчетвером под одной крышей. Наше апостольство станет истинным, когда мы вместе осуществим то глубокое внутреннее единство, о котором свидетельствует совместный пересмотр и изменение¹⁰⁷ нашей жизни – знак единства малой общины.

А) Первые определения:

общая задача и общее благо¹⁷⁴

Как и в отношении всего того, что действительно жизненно важно, мы никогда не перестаём всё больше и полнее открывать для себя, что же такое миссионерская малая община! Уже восемнадцать или двадцать лет этим термином характеризуют вновь создаваемые группы как среди епархиального духовенства, так и в монашеских конгрегациях, и образование подобных групп (малых общин) наблюдается также и в движениях “Католического действия”. Каждая группа по-своему воплощает в жизни то, что составляет сущность миссионерской малой общины, но было бы полезным на примере одной из этих групп (малых общин) рассмотреть её составляющие и мысленно проследить за полётом этой своего рода кометы, которая на протяжении всего нашего пути сияла нам, подобно звезде волхвов.

Мне кажется, в самом начале мы были все – при этом у нас даже не было заранее согласованного общего мнения – поражены словами, которые так часто читаются по требнику во время молитвы исповедующего священника:¹⁷⁵ *“Misit binos discipulos”* – “Он посылал Своих учеников по двое”. И в комментарии святого Григория действительно говорилось, что милосердная любовь к ближнему¹⁹ может быть только там, где есть, по меньшей мере, двое. Мы также вновь открывали для себя все тексты, в которых говорится о Двенадцати. “Двенадцать”: этот замысел¹⁷⁶ об апостольской общине и общине посланных Христом был, подобно призыву Господа, нацелен на созидание Его Царства. Твёрдо зная из опыта, что в одиночку мы ничего не сможем, мы думали о том, что нам следует поэтому взяться за дело сообща.

Кроме того, как раз в это же самое время мы нашли – в брошюре аббата Пиана под названием “Как обучать ваших лидеров “команды””, которой пользуются члены движения “Храброе сердце”,¹⁷⁷ – замечательное и остающееся по-прежнему превосходным определение “команды”.

В общих чертах, “команда” – это:

- небольшое по численности
- сообщество равных,
- объединённых для совместной работы
- под руководством лидера.

Другими словами: “команда” – это *люди* (субъективная и материальная составляющие), которых *объединяет совместная задача* (объективная и формальная составляющие).

Из этого определения вытекают два закона:

- а) именно задача конкретизирует и определяет характер “команды”;

б) чем более “объединяющим” будет характер задачи, тем сплочённее будет “команда” – будь то бригада строителей, футбольная команда, команда, участвующая в автопробеге, группа учёных или исследователей; то же самое в первую очередь относится и к миссионерской “команде” – малой общине, созданной ради Царства Божьего, для продолжения дела Двенадцати.

Это определение со временем нашло для нас подтверждение в самой этимологии слова “команда”,¹⁷⁸ которое происходит от старофранцузского “esquif”.¹⁷⁹ Следовательно, “команда” – это не огромный трансатлантический лайнер; это также и не флотилия для увеселительных прогулок, в которой каждый на своей собственной лодке выбирает местечко, куда он отправится по своему желанию удить рыбу. “Команда” (миссионерская малая община) – это на самом деле челнок, скажем, рыбацкая лодка, принадлежащая семье апостола Петра, экипаж которой немногочисленен и един.

На первоначальном этапе, во время обсуждений, споров и принятия общих решений раскрывался смысл *общего блага*,¹⁷⁴ и как раз в это же время отец Лебре подчёркивал, что оно общее благо вновь приобрело свою значимость и актуальность. Найдя это понятие “на старом чердаке” философии томизма, отец Лебре, подобно усердному книжнику из притчи, со всем тщанием извлёк его из сокровищницы и представил как новшество, которое позволило бы произвести перемены в первичных общинах и – постепенно – во всей стране. В отличие от интереса, даже общего, который разделяет (“общие интересы – они так ужасно воюют между собой”, – любил говорить Моррас), “общее благо” объединяет. Благо есть благо, только если оно учитывает другие блага и подчиняет себя им, составляя часть стройной пирамиды.

С другой стороны, между “общим благом” и “командой” существовала взаимосвязь: благо, если оно общее, не может иметь источником усилия или желания только одного человека. Разумеется, лидер ответственен за общее благо (в этом заключается само определение лидера с этой точки зрения), но само существование такого лидера предполагает наличие такой “команды”, которая созидаёт вместе с ним. Так же и член “команды” определяет себя не по отношению к руководителю, а по отношению к самой “команде”. Руководитель¹⁸¹ прежде всего – не начальник, не тот, кто командует, (он может и должен им быть в определённые моменты, когда принимается решение или во время бури) а тот, кто воплощает общее благо, выбранное всеми, и делает видимым то единство, которое есть результат этого выбора. “Ведущий” отвечает за цель, то есть за общее благо “команды”, которое включает в себя подлинное благо каждого её члена.

В то же время утверждалось, что это общее благо не есть простая сумма блага отдельных людей, что оно есть более высокое благо, которое есть результат самоотверженности, самоотдачи всех и

каждого и которое затем – но только затем – возвращается к каждому. Поэтому “команда” (миссионерская малая община) достигнет своей цели только при условии, если каждый её член подчинится этой цели и фактически, на самом деле, откажется от стремления к своим личным целям, какими бы благородными и бескорыстными они ему ни казались: речь идёт об осознании фундаментальной, глубокой солидарности между людьми, при которой каждый человек полностью реализует себя только в меру своего единения с другими людьми.

Видя, сколь много людей желают жить в общине, чтобы, по их словам, “раскрыть свои возможности и развиваться” (“я чувствую, что смогу раскрыть свои возможности, свободно развиваться только в общине”), отец Лебре в своём учении открывал совсем иную перспективу: общее благо достигается через согласованные усилия группы, и его осуществление требует постоянного самозабвения, отвержения себя, единства взглядов и образования, чувства солидарности, принятия одинаковых целей и координации усилий, верности взятым обязательствам и соблюдения дисциплины. “Я пришёл не для того, чтобы Мне служили, но чтобы служить”, – эти слова Господа противоположны стремлению к “раскрытию своих способностей”.

Второе “предостережение”¹⁸² пришло – что любопытно – со стороны именно тех, кто желал глубины жизни в миссионерской малой общине, и наложило ограничение на глубину жизни миссионерской малой общины команды. Оно исходило от священников: они в самом деле констатировали (и, наверное, обоснованно), что самые первые группы, в которые объединялись священники для того, чтобы осуществлять ту святость, которая подобает их сану, через совместную повседневную жизнь в общине, казалось, были больше обращены внутрь, на самих себя, чем на своё служение и на своё апостольство.

Поэтому, из-за ответной (негативной) реакции на это получилось так, что эти пылкие священники 1942-1945 годов, столь сильно желавшие жить в миссионерской малой общине (“команде”) для осуществления своего служения, испытывали недоверие по отношению ко всему тому, что “припахивало” жизнью “как в монастыре”. Они объединялись и действовали сообща не для того, чтобы становиться святыми (этого успешно достиг в полном одиночестве Арсский пастырь¹⁸³ и тысячи других святых священников), но чтобы осуществлять в жизни и распространять Царство Господа.

В этой ответной реакции священников было что-то истинное, что вынудило нас отойти от проторённой дороги (от привычных представлений), даже если на какое-то время была опасность, что подлинные евангельские ценности останутся скрытыми в тени (под спудом).

Б) “Жить любовью Господа”

Вслед за отцом Лебре наши дорогие друзья, Мадлен Дельбрель и монсиньор Барон¹⁸⁴, значительно обогатили наше представление о миссионерской малой общине.

Ко времени нашего знакомства у Мадлен Дельбрель уже был опыт участия в группе из Иври в течение десяти или двенадцати лет. Мадлен и её подруги объединились так же, как и мы. Как и мы, но гораздо раньше, они испытали на себе преимущества и положительные стороны жизни в малой общине: жизнь более благоприятная для поддержания внутреннего равновесия, взаимный контроль, большой динамизм. Но в силу того, что они преодолевали трудности первых лет, они, образно говоря, истощили поверхностный слой рудной жилы, и даже просто для того, чтобы их малая община могла сохраниться, они были вынуждены копать глубже. Очень простой и проникнутый братским духом доклад Мадлен Дельбрель (сделанный где-то в 1946-1947 гг.) начинался словами: “Что делает малую общину прочной и сильной, и что делает её непрочной и недолговечной?”

“Почему мы объединяемся в миссионерскую малую общину?” – Мадлен Дельбрель произнесла это так, как другие говорят: “Мы создаём семью”. Что такое малая община – некое сообщество, в котором люди просто собраны для того, чтобы отдавать себя другим через Христа? Может быть, в малой общине создаются такие условия, такая среда, в которых всем вместе будет легче сохранять веру и верность? Может быть, в малой общине создаются такие условия, такая среда, которая более благоприятна для поддержания внутреннего равновесия? Все эти доводы и причины важны, но они второстепенны; если бы существовали только они, то миссионерские малые общины всегда оставались бы непрочными и недолговечными.

“Если христиане живут малой общиной, то это прежде всего для того, чтобы всем вместе быть ответом на пожелание любви, которое Христос выразил по отношению к христианам. Мы объединяемся, чтобы жить истинной любовью Христовой – настолько, насколько далеко мы можем в этом продвинуться, – истинной любовью к другим людям”. “Где двое или трое собраны во Имя Моё...” (Мф. 18,20), – так создаётся настоящее, истинное единство. Мы соединяемся, чтобы образовывать одно целое со Христом, и быть едиными, и привлекать других в эту любовь”.

“Христианство всегда шло к людям именно через семью, через миссионерскую малую общину, через братство; именно то, что мы вместе и мы едины со Христом, – именно это может изменить мир. Малая община была бы непрочной и недолговечной, если мы довольствуемся только дружбой, товариществом, чувством привязанности; нужно, чтобы нас спланивала, прочно соединяла друг с другом именно любовь Христа. Благоприятная возможность для миссионерской малой общины – встретить людей, которые полны решимости любить друг друга до конца, но без той снисходительности друг ко другу, которая приносит только вред, то есть не делая поблажек друг другу (в отрицательном смысле слова). Чтобы состоялось Царство Божие, необходимо единство: живая и жизнеспособная миссионерская малая община – это маленькая частица Царства Божьего, поэтому не может быть какого-то существенного противоречия между миссией и малой общиной”.

Итак, в миссионерской малой общине мы соглашаемся любить всё время, пребывать в том состоянии, когда “никто ничего из того, что ему принадлежит, не называет своим, но всё у всех общее”, как сказано в “Деяниях” при описании первой христианской общины. В миссионерской малой общине всё принадлежит всем, она постоянно побуждает нас забывать о самих себе, чтобы мы вошли в положение другого.

“Присутствие Господа в миссионерской малой общине должно было бы вселять в нас чувство глубокого уважения к ней: она приводит вместе с собой Христа. Когда оскорбляют взаимную любовь, причиняют ей вред, тогда Христа выставляют за дверь, – и это относится не только к малой общине, но и к другим людям, потому что Христа больше нет с нами”.

Миссионерская малая община рискует погрязнуть в рутине, ослабеть и одряхлеть, если в ней останутся только доброжелательность, внешняя любезная приветливость. Правило малой общины – игра “проигравший выиграл”; ни у кого нет прав на общину, но община должна брать на себя ответственность за права каждого. Любовь не требует своего”.

“Конечно, в то же время нужно отдавать себе отчёт в том, что единство не означает единообразия и одинаковости: всегда в той или иной мере есть искушение такого удобного единства, при котором у всех было бы желание всё делать одинаковым образом и в одно и то же время. Напротив, надо пытаться видеть индивидуальность личности каждого человека, которая заключена и раскрывается в Господе¹⁸⁵ и избавиться от сложившихся представлений, которые мы себе составили о других. Мы должны также помнить о том, что сам Господь оставил за Собой право сделать так, чтобы мы разделяли Его страдания, но мы не должны помогать Ему делать это

по отношению к нашим товарищам по малой общине. Всегда есть возможность причинять людям меньше страданий и зла, даже когда мы вынуждены причинить им боль”.

Таким образом, для Мадлен Дельбрель единственное, что может крепко и на долгое время связать воедино миссионерскую малую общину, – это встреча и сохраняющаяся связь с Господом, присутствующим среди неё. В заключение она сказала: “Мир имеет право на то, чтобы наши миссионерские малые общины были здоровыми и святыми: когда малая община перестаёт быть такой, это означает, что присутствия Господа больше в ней нет... Не существует готовых рецептов, содержащих способы средства для того, чтобы быть человеком, исполненным любви; нужно дойти до сердца Христа, чтобы в нём найти этот способ средство. Всё остальное не поднимается выше уровня уловок”.

В) “Лаборатория единства”

Монсиньор Барон также поделился пережитым опытом: до того, как его призвали в Рим, он был ведущим и руководителем семинара в своей епархии. Этот семинар был посвящён теме: как найти своё призвание, будучи уже взрослым человеком. Он был организован на базе миссионерских малых общин, продвинувшихся очень далеко. Монсиньор Барон исходил из конкретного опыта семинара, который он должен был вести: семинар, будучи реальностью⁴⁰ сверхъестественной,⁹ должен сообщать каждому, кто участвовал в нём, чувство, что он любим даже больше, чем в своей “естественной” семье. Миссионерская малая община становилась средством достижения этого сверхъестественного единства в любви – столь полного и совершенного, насколько это возможно.

Монсиньор Барон настаивал прежде всего на той мысли, что такое представление о миссионерской малой общине исходит от самой Церкви и от Священного Писания: “Церковь представляется современным людям не как объединённое Духом множество людей, а как множество разрозненных индивидов. Поэтому необходимо жить – реально, в повседневной практике – милосердной любовью к ближнему, постоянно совершая усилия и духовный труд,¹⁸⁶ чтобы являть единство, сплывающее Церковь, людям вне Церкви”.

Тексты св. Писания ясны и понятны, и они помогают нам обнаружить, что план Бога – это коллективный план, осуществляемый только в группе людей и через неё. Например: по мере возможности не ссорьтесь ни с кем и ни с кем не разрывайте отношений.¹⁸⁷ И другие тексты, столь ясные и понятные: “Быть одним целым, как Отец и Сын суть одно целое, чтобы мир верил,

что Ты послал Меня” (ср. Ин. 17,21). Также и для святого Павла наше призвание заключается в том, чтобы быть едиными ради созидания всего Тела Христова. Таким образом выявляется некий духовный устав, вершина которого – молитва “Отче наш”.

Миссионерская малая община, сформировавшаяся полноценная община – это прежде всего не организации в юридическом смысле, но “лаборатория”, в которой через любовь к ближнему¹⁹ создается единство. Так же и месса, и предшествующее ей молитвенное размышление, и следующее за ней благодарение Богу¹⁸⁸, а также все усилия по достижению единства, которые в дальнейшем, в течение дня, будут осуществляться, – всё это образует одно единое и неразделимое целое:

“Мы хотим, чтобы единство, создающееся во время мессы, было законом нашего единства со всеми людьми. Поэтому мы должны предварительно отдать Богу нашу собственную волю, чтобы умереть со Христом ради созидания единства. Наше благодарение Богу должно быть таким: Ты¹⁸⁹ только что отдал Себя мне, дабы быть съеденным, чтобы, отдавая себя другим людям, я осуществлял единство”.

Миссионерская малая община – это необычайно трудное общее и одновременное рождение: мы все становимся оживотворяемыми, одушевляемыми и движимыми одним и тем же Духом Святым. Это направленность на другого человека, чтобы быть с ним одним целым. Это означает такую взаимную заботу, при которой вся община ответственна за всё то, чего недостаёт каждому из её членов. Нужно принимать друг друга – такими, какие мы есть: “Если кто-нибудь печален, разве я не печалюсь вместе с ним?” Этому учишься в небольшой общине: при созидании единства мы должны подражать Христу. Именно этого хочет от нас Господь, и это невозможно для человека без Него”.

“Посредством миссионерской малой общины мы создаём инструмент для проповеди Евангелия миру; вера передаётся другим людям через любовь, которой мы живём в лоне миссионерской малой общины. Быть свидетелями – даже вплоть до пролития своей крови¹⁹⁰ – того, что Христос любит их. Нет другого правила, кроме как помочь другому человеку познать, что любовь Бога существует. И эта любовь Божья – это не только Бог, но всё то, что Он любит, и то, каким образом Он проявляет эту любовь”.¹⁹¹

Малая община – это любовь Бога, проходящая через нас, объединяющая нас и изливающаяся на¹⁹² наших братьев”.

Итак, монсиньор Барон постоянно подчёркивал преемственность, непрерывность Евхаристического Тела, находящего своё завершение в Мистическом Телe. Литургия – один из тех

моментов, когда осуществляется единство и когда оно себя проявляет, но между литургией и жизнью нет никакого разрыва.

Затрагивая проблему целомудрия, монсеньор Барон также связывал её с сущностью⁴⁰ миссионерской малой общины. В этом отношении роль малой общины трудно переоценить. Он напоминал о словах самого Господа по поводу тех людей, которые сделали себя евнухами ради Царствия Божьего, но Царствие Божие, отмечал он, это как раз и есть единство с другими: целомудрие делает человека открытым навстречу реальному, осязаемому вселенскому братству. Вам необходимо принять то, что священство есть принесение себя в жертву, и если вы ищете чего-то другого, то вас ждёт разочарование.

“Миссионерская малая община должна создать определённого рода окружение, среду – питающую и сверхъестественную⁹. Поскольку Царство Божие постоянно созидается, в нём никогда невозможно устроиться, обосноваться раз и навсегда. Что касается вступления в брак, то он даёт устройство жизни священника, поэтому Восточная Церковь сохраняет “неустроенного” епископа, хотя она и разрешает жениться будущему священнику”.

“Если посмотреть, что представляет собой влечение к женщине, то мы увидим, что это сосредоточение инстинкта и чувств любви, нежности и привязанности на одном человеке. Миссионерская малая община помогает “рассредоточить” эту эмоциональную жизнь и распространить её на отношения со всеми членами общины. Освящение миссионерской малой общины становится правилом жизни: целиком принадлежать и служить другим членам общины, чтобы малая община принадлежала и служила Христу”.

Из всего вышесказанного монсеньор Барон, подчёркивая всё ту же мысль, выводил заключение: “Быть твёрдо убеждённым в том, что именно Христос, только один Христос создаёт миссионерскую малую общину и только Он может её создать, Христос в Своём Евангелии и Христос в Своей Евхаристии,¹⁹³ назначение которой – помочь нам жить общиной. Христос – единственная связь между христианами. А милосердная любовь к ближнему¹⁹ есть послушание “мыслям и чувствам Христа” (Фил. 2,5). Если моя молитва отделяет меня, то это не истинная молитва. “Да объединит нас Бог всех вместе в Своём Сыне!” – вот завершение истинной молитвы. Молитва должна приводить к состоянию открытости навстречу Богу, чтобы Он сам совершал во мне ту работу, которую может совершить только Он, чтобы я становился одним целым с другими людьми”.

Таким образом братолюбие¹⁹ заняло своё место внутри малой общины и стала играть присущую ей роль связующего начала: “Превыше всего братолюбие, в котором завязывается совершенство” (Кол. 3,14).

В это же самое время наши усилия продолжались, развиваясь с ходом жизни. Мы всё больше и больше открывали для себя апостольскую необходимость миссионерской малой общины: нашей неотложной миссией было созидание Церкви посредством христианских общин, укоренённых в жилом квартале, на заводе – образно говоря, на уровне самой земли. Но это объединение во Христе не было стихийным, самопроизвольным образованием; нужно было ядро, закваска: и этим была миссионерская малая община. Кроме свидетельства, которым было доброе согласие между членами малой общины, она должна была иметь в себе то, что связывало бы её настолько сильно, чтобы она смогла затем, не раздробляясь, помочь образованию других малых общин вокруг себя. Чтобы собрать и объединить в общину тех, кого достигло и затронуло наше слово, миссионерская малая община необходима, как ядро в живой клетке. Первое знакомство, общение с разными людьми, сменяющимися друг друга, словно поток¹⁹⁴, – их так много, что очень скоро устаёшь от всего этого: приятели, женихи и невесты, люди, для которых Поль, Жак, Жан, эти вновь назначенные священники¹⁹⁵, ... – просто отличные парни, – мы встречали множество таких. И встречали также отдельных священников-рабочих. Но вновь объединиться, собраться в общину – это трудно. Не следует этому удивляться: мы знаем, что ради этого умер Христос. Значит, это должно было быть трудным.

Миссионерская малая община – это “кристаллизатор”; поэтому милосердная любовь к ближнему, объединяющая малую общину, оказывается необходимой:

- как цель: обращение людей к любви Христа¹⁰² и их собрание и объединение в христианскую общину;
- как средство: порождаемое миссионерской малой общиной подобно ей самой; необходимо, чтобы в ней было это братолюбие для объединения других;
- как первопричина, источник и первостепенное условие: сама “команда” христиан может быть миссионерской малой общиной, только если её ядром и связующим началом будет любовь Христа; поэтому она должна ревностно поддерживать, развивать, возвращать в себе это состояние братолюбия, милосердной любви к ближнему.

С этой точки зрения живая, реальная, осязаемая милосердная любовь к ближнему позволила бы преодолеть препятствие, которое остановило некоторых в самом начале: речь уже больше не шла

о стремлении к жизни в общине, которая замыкала бы тех, кто стремился к такой жизни, на самих себя и из-за которой они пренебрегали бы динамичностью, энергичностью своего апостольства, а речь шла как раз о том, чтобы придать этой динамичности, рождающейся в лоне миссионерской малой общины, всю проникающую силу, направленную вовне. Единство малой общины становится закваской ферментом единства между людьми.

II – ВЕЛИКОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И ТЯЖЕСТЬ¹⁹⁶

А) Маховик¹⁹⁷ или спасательный круг?

Когда мы говорим: “миссионерская малая община, инструмент апостольства”, нужно хорошо понимать это выражение. Если бы нужно было дать иллюстрацию смысла этого выражения, то следовало бы выбрать маховик – не руль автомобиля, а тяжёлое колесо, которое служит для того, чтобы поддерживать равномерность движения автомашины: чугунный маховик в механизме. В переносном смысле, это запас массы, обеспечивающий хороший ход процесса, запас сил, основательность, то есть это вес, тяжёлый груз, однако его предназначение – обеспечить более ровную непрерывность действия. Маховик не есть что-то необязательное, без чего можно было бы обойтись.

Это сравнение устраняет двусмысленность и предохраняет от ошибки: миссионерская малая община – не спасательный круг, за который хватаются, чтобы удержаться на плаву. Когда какой-то человек или семинарист приходит и заявляет (он сам или со слов своего духовного наставника), “что ему нужно жить в миссионерской малой общине, чтобы обрести внутреннее равновесие”, то это глубокое заблуждение. Миссионерская малая община – не средство восполнить недостаток здравого смысла или способности суждения, отсутствие твёрдости в молитвенной борьбе или неспособность к общению... Она может поддерживать только тех, кто сам твёрдо стоит на ногах: только таким людям она может дать возможность возрасть. Миссионерская малая община, подобная спасательному кругу, будет очень быстро перегружена и пойдёт ко дну со всеми, кто находится в ней.

Б) Время, необходимое для нового рождения

Первостепенный фактор, определяющий жизнь миссионерской малой общины, – время. Как изучение философии и богословия требует времени, длительного созревания, как внедрение, вращение в рабочую среду требует времени, долгого общения и, образно говоря, “вкапывания и укладывания”, словно в почву, так же и жизнь в малой общине: по-настоящему научиться создавать миссионерскую малую общину, научиться затем находить своё место в такой малой общине – это дело, которое совершается вовсе не благодаря удаче и хорошему характеру или мгновенной симпатии.

Нужно пройти через обучение, через школу жизни в миссионерской малой общине и сформировавшейся, относительно большой общине, и это обучение продолжается всю нашу жизнь. Именно поэтому священникам, уже имеющим за плечами некоторый опыт, или монахам, получившим подготовку образование где-то в другом месте, так трудно войти в новую уже вполне сформировавшуюся малую общину – и это вполне понятно. Это также объясняет трудность, возникающую при замене одного из членов в сложившейся малой общине: образно говоря, всегда бывает нелегко вскочить в поезд на ходу, чтобы присоединиться к тем, кто уже едет в нём с самого начала.

Вхождение в миссионерскую малую общину можно уподобить новому рождению человека, вернувшегося в чрево своей матери: “Как может человек родиться, будучи старым? Неужели он может во второй раз войти в чрево своей матери и родиться?” (Ин. 3,4). Это настоящее превращение, подобное, например, “линьке”, трудное для каждого из нас, независимо от возраста и от той среды, из которой мы вышли.

В) Первый этап образования Мистического Тела

Но в данном контексте речь идёт о рождении, которое находит своё завершение в образовании Мистического Тела и сообщает малой общине её сверхъестественное⁹ качество, возводящее её на сверхъестественную высоту великого назначения.

Это наше желание пережить вместе новое рождение уже было драгоценным знаком подлинности нашей отдачи себя Богу и людям, постепенно вытесняющей эгоистические поиски своего “я”: “Как ты можешь говорить, что любишь Бога, которого не видишь, если ты не любишь этого брата, которого Бог поместил здесь рядом с тобой, чтобы ты видел его?” Но миссионерская малая община – это нечто гораздо большее: она есть *первый этап созидания Мистического Тела*.²⁰⁰

Каждый из нас – клеточка этого Тела, но миссионерская малая община – образующийся первым член этого Тела, выполняющий важнейшую жизненную функцию орган.²⁰¹

Для святого Фомы Аквинского пострижение в монахи было новым рождением, и торжественные обеты были равнозначны второму крещению: поэтому монахам давали новое имя. Важно отметить не столько изменение имени, сколько это представление о новом рождении,²⁰² которое мы совершаем через наше добровольное вхождение в Мистическое Тело, которое реально, видимо воплощается в трёх или четырёх спутниках и братьях: “Ибо все вы одно во Христе Иисусе” (Гал. 3,28).

Тайна¹³ пребывающего в нас Христа, “который есть всё во всём”, – это чудо единства: Бог возвысил до уровня сверхъестественного совершенства то единство, которое есть между людьми по самой их природе. Святой апостол Павел глубоко осознал, что Христос приходит к нам не как к множеству изолированных индивидов, подобному куче пылинок: новый человек – это не только индивид, ставший христианином и обновлённый благодатью, но тот, кто соединился с единственным в своём роде и единым народом, включённым в дом Божий (ср. Еф. 2,14-22).

Вот что должно стать реальностью нашей жизни: присутствие Христа во мне, прилепляющее меня к такому же присутствию Христа в моих братьях. Для “апостольской жизни” необходимо молитвенное созерцание как источник действия, проистекающего из этого созерцания, так же и созидание Церкви нуждается в своём собственном источнике – реальном единстве миссионерской малой общины.

Этот непрерывный процесс рождения малой общины подобен непрерывным родам.²⁰⁴ Следовательно, в силу самой её сущности, миссионерская малая община никогда не создаётся сразу – для этого нужны месяцы, – но будучи по своей природе живым существом, она никогда не может принять окончательную форму. Миссионерская малая община – первая стадия созидания мистического Тела, она подобна, сообразна ему. Малая община – это организм, который напряжённо борется с грехом, постоянно отвоёвывая сам себя; и в этой внутренней борьбе с грехом её грехи и вину искупил Иисус, и она сама исправляет и возмещает грехи и вину.²⁰⁵

Замечательный текст из посланий святого апостола Павла, который читается во время литургии бракосочетания (Еф. 5,21), имеет прямое отношение и к нашей жизни в миссионерской малой общине. Святой Павел сопоставляет супружество, брак мужчины и женщины, и соединение Христа и Церкви: “Христос может быть назван Супругом²⁰⁶ Церкви, поскольку Он – её глава и Он любит её как Своё собственное тело, так же, как это происходит между мужем и женой. Если принять это

сравнение, то взамен – с обратной точки зрения – оно предоставляет идеальный образец супружества мужа и жены^а”.

Однако мы применяем этот текст по отношению к миссионерской малой общине вовсе не потому, что любящая семья, любящая супружеская пара были бы прекрасным образцом для такой малой общины. В этом сравнении на первом месте – Господь, Он – образец, Тот, с кем сравнивают: как Господь любит Церковь как Своё собственное тело, так же и член малой общины будет любить и созидать мистическое Тело, любя и созидая свою малую общину. Это не благочестивая или сентиментальная формулировка, это реализм, основанный на логике, – ведь миссионерская малая община есть первая клетка Мистического Тела. Следовательно, член малой общины не тратит попусту своё время, любя свою общину так, как Христос возлюбил Церковь, отдавая себя ей ради её освящения, желая, чтобы она сияла и была без единого пятна или изъяна, чтобы она была святой и непорочной.

Г) Уединение и общение

Уединение и общение не противоречат друг другу, когда каждому из них определено должное место. Именно углубление нашего знания и чувствования Бога²⁰⁷ и необходимость в нашем соединении с Ним составляют тот фермент, ту закваску, которая нужна для совместной жизни. И справедливость этого утверждения будет всё больше и больше возрастать в мире, который всё более и более становится коллективистским. Уединение и общение нуждаются друг в друге, дополняют друг друга: надо, чтобы мы согласились жить для другого и ради блага²⁰⁸ другого – и чтобы этим “другим” был то Бог, то ближний.

В любом случае, нам нужно отказаться от полной независимости, которая так присуща нашей природе (я охотно написал бы: нашей повреждённой, падшей природе): каждый раз, когда мы должны “впустить” другого человека в нашу жизнь, нам необходимо соглашаться на это – а именно это и есть милосердная Любовь к ближнему. Как прекрасно сказал отец де Любак: “Мы не разрозненные кусочки, мы – составные члены”.²⁰⁹ Кажущееся противоречие между уединением и общением разрешается через единство – как мы это видели – в мистическом Телe Господа. Но надо идти дальше: наша жизнь, в центре которой находится Бог, не может быть нацелена на что-то менее высокое, чем Бог – в самой глубине внутренней жизни Его Троичности.²¹⁰

^а Примечание к Иерусалимской Библии.

“Между людьми, стремящимися к одной и той же общей цели, должен быть союз дружбы, – пишет святой Фома^a и продолжает далее. – В городе людей объединяет определённое взаимопонимание, согласие, единокордие; цель этого единства и согласия – благополучие города. Солдаты в армии также должны быть едины и действовать согласованно, чтобы достичь общей цели – победить. А конечная цель, к которой ведёт человека благодать Божья, – сообщить человеку способность видеть как бы “глазами Бога”²¹¹, видеть так, как видит сам Бог”.^b

Итак, наше общее конечное предназначение – Бог, поскольку Он сообщает Себя нам и преобразует нас в общество, живущее в любви вместе с Ним. Святая Троица есть высший, предельный образец для миссионерской малой общины: трое, пребывающие во всеобъемлющей, полной сплочённости, спаянности, сообщении и общении, не имеющем границ, – однако при этом не исчезают ни различия между ними, ни их собственные взаимоотношения в глубине Святой Троицы. Каждый из нас внутри малой общины сохраняет свою личность и характеризуется тем, что присуще ему одному по сравнению с другими членами общины. Но так же, как творящее действие Бога, дела Святой Троицы *ad extra*²¹² – общие для трёх Божественных Личностей, так и всякое действие, совершаемое вне малой общины, должно быть поистине – и явным образом – общим делом. И это ни в коей мере не замыкает миссионерскую малую общину саму на себя.

Д) Если зерно не умрёт

Если миссионерская малая община стремится к подобному величию, она не может обойти закон креста, который есть закон возрастания и воскресения. К миссионерской малой общине применимо то, о чём говорит святой Августин: “Никогда не будьте удовлетворены тем, какими вы стали, если вы хотите достичь чего-то большего. Как только вы начинаете находить удовольствие в самих себе, вы останавливаетесь. Если вы говорите: “Мне этого достаточно”, – вы мертвы. Необходимо всегда возрастать, всегда развиваться, всегда продвигаться вперёд”.

Правда, это не самое распространённое искушение – воображать, что мы достигли полноты жизни миссионерской малой общины – потому что чаще всего мы, напротив, слишком остро чувствуем все трудности такой жизни. Но тогда мы впадаем в другую крайность и говорим о миссионерской малой общине, видя в её жизни только трудности, трения и оплошности.

^a Фома Аквинский “Против язычников”; “Contra Gentes”, III, 117.

^b Фома Аквинский “Против язычников”; “Contra Gentes”, III, 151.

Представлять миссионерскую малую общину таким образом – всё равно что рассказывать о супружеской жизни жениху и невесте, говоря исключительно о повседневных трудностях, вместо того чтобы показать красоту и величие того общего дела, которое им предстоит совершить вместе. Сущность миссионерской малой общины заключается не в этих трениях, пусть даже и неизбежных, а в Царстве Божием, которое она созидает.

Не следует также удивляться тому, что дьявол, ведя борьбу против нас и нашего апостольства, нападает на миссионерскую малую общину. Дьявольское заблуждение – ожидать, чтобы миссионерская малая община стала тем, чем она должна быть, и тогда мы – только после этого – станем теми, кем мы должны быть. Дьявольское и фарисейское заблуждение – ожидать, чтобы миссионерская малая община стала совершенной и окончательно сформировавшейся, и тогда мы – только после этого – сможем отдать себя ей до конца; она может дать только то, что сама получает от каждого из своих членов.

Мы все подвергаемся опасности стать чрезвычайно независимыми и в действительности организовать нашу жизнь в соответствии с нашими вкусами, даже если внешне будет казаться, что мы очень отдаём себя другим людям. Нам нужно признать, что гораздо легче отдавать себя другим людям, когда эти другие не входят в миссионерскую малую общину: с такими людьми мы чувствуем, что нас понимают, мы представляем себе (и ещё больше мним себе), что мы приносим пользу, что мы помогаем – и даже самые пылкие разоблачители патернализма поддаются этому искушению.

Безусловно, миссионерская малая община не есть конечная цель нашей самоотдачи, но для апостола она – образно говоря, саморегулирующийся “барометр”: прислушиваясь к своей щедрости, к своему великодушию внутри малой общины, он узнаёт своё истинное апостольское “давление”.²¹³ В этом смысле – вновь обращаясь к притчам о Царстве – необходимо, чтобы мы были готовы и способны всё продать, чтобы миссионерская малая община стала драгоценной жемчужиной и полем, со спрятанным на нём сокровищем (Мф. 13,44).

Подчинение малой общине, которое предполагает умирание нашего “я”, самоотвержение – это практическая и постоянная форма послушания. Живя в малой общине, мы встречаем Бога и познаём Его волю деятельным, действенным образом. Именно внутри малой общины мы также осознаём, что дух зла – это как раз тот, кто сеет и раздувает взаимное непонимание, разделение, за которым следуют все те многочисленные беды, которые не перестаёт перечислять святой Павел: “раздоры, зависть, вспышки гнева, ссоры, клевета, смуты...” (2 Кор. 12,20).

Сама миссионерская малая община – это только средство, а не цель: то, что сказано о каждом из членов в его отношении ко всей малой общине, нужно сказать и по отношению к другим миссионерским малым общинам и особенно по отношению к Царству Божьему, которое надлежит созидать. Не следует упускать из виду, что сама малая община должна быть готовой служить и отказываться от себя ради созидания Царства. В противном случае, вместо того чтобы быть закваской, она превратится в “гетто”, станет “комком” в тесте, а не дрожжами.²¹⁴ Некоторые миссионерские малые общины, когда они “стареют”, подвергаются такой опасности: они стали столь крепко спаянными, а связь между членами общины – ставшая столь прочной – носит “слишком человеческий” характер,²¹⁵ что они больше уже не могут расселяться, чтобы множиться и распространяться, чтобы, разделяясь на части, возродиться и вновь возникнуть в другом месте, давая ростки для распространения Царства Божьего.

Е) Устав миссионерской малой общины

“Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я стал медью звенящей или кимвалом звучащим...” (1 Кор. 13,1). Этот гимн святого Павла, посвящённый милосердной любви к ближнему, можно прочитать – без искажения смысла, – заменив слово “я” на слова “миссионерская малая община”, потому что в ней “завязывается”, зарождается любовь. Пламенные слова этого отрывка вместе с тем содержат очень ценный практический опыт, и при замене слов этот текст становится незаменимым руководством для тех, кто выбрал такую форму апостольской жизни: “Если миссионерская малая община говорит языками человеческими и ангельскими” (и мы хорошо знаем всё то, что эти слова могли бы обозначать в отношении литургии, образа мыслей и разговоров), “а любви не имеет, то она стала медью звенящей или кимвалом звучащим” (она стала ничем не лучше колоколов, звонящих напрасно, потому что на их звон больше никто не собирается).

Мы должны таким образом перефразировать весь этот текст святого Павла; для этого подходит всё: наставление новообращённых, пламенные проповеди, полная отдача себя другим, самопожертвование, жизнь в бедности, – всё это нисколько не будет служить апостольству, если малая община не укоренена в любви. “Если община имеет дар пророчества, и знает все тайны, и имеет всякое познание, и если община имеет полноту веры, так что может и горы переставлять, а любви не имеет, – то она ничто. И если община раздаст всё, что имеет, на милостыню другим, и если община отдаст себя на сожжение, а любви не имеет, то нет ей в том никакой пользы”.

И так же, как эта столь высокая любовь, “путь превосходнейший” (1 Кор. 12,31), будет раз за разом проявляться в нашей очень смиренной внутренней позиции и отношении к другим, в очень смиренном образе действия, когда мы будем любить ближнего больше, чем самих себя, так и миссионерская малая община внутри и вне себя поймёт, что действительно подтверждает её истинное “достоинство”:²¹⁶ Община не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не ведёт счёт злу, не радуется несправедливости, а сорадуется истине. Она всё покрывает, всему верит, на всё надеется, всё терпит и всё переносит”.

Да даст нам Бог благодать познать богатства миссионерской малой общины и – когда мы поймём её апостольскую необходимость – даст нам стойкость и долготерпение, чтобы её создать.

РОПОТ И РОПЧУЩИЕ

Святой Павел пишет общине, рождающейся в Коринфе: дыхание, вдохновение Пятидесятницы, энтузиазм совсем ещё недавней встречи с Господом, память о которой ещё свежа, сталкиваются и борются здесь с языческим образом мышления, утвердившимся за много веков и прочно вошедшим в нравы, обычаи и поведение. Читая это послание, остро ощущаешь, как поток христианизации пробивает себе дорогу и продвигается вперёд, но также ощущаешь и то, как временами возвращается пламя язычества. Абсолютная новизна Тайны¹³ спасения во Христе, возвещённой святым апостолом Павлом, ускользает от многих людей, которые, между тем, с энтузиазмом приняли Евангелие; они не видят в нём ничего, кроме ещё одного, очень красивого, учения – среди прочих учений. С первых же часов возникает угроза для нравов и для веры.

Как же предостеречь этих коринфян, столь склонных неправильно использовать свою свободу, и, причём, делая это даже во имя их веры? Для этого святой Павел обращается к истории еврейского народа; он подчёркивает четыре главных, смертельно опасных искушения, которые постоянны и столь глубоко укоренены в сердце грешного человека, что и в другой исторической реальности они продолжают угрожать христианам: идолопоклонство, неистовство и буйство чувств, искушение Бога, ропот против руководителей.^a

Что касается идолопоклонства, достаточно вспомнить текст, написанный Полем Клоделем после его обращения:

“Будь благословен, мой Господь,⁴² освободивший меня от идолов.

По воле и по милости Твоей я славлю Тебя одного, а не Изиду, не Озириса,

не Справедливость, не Прогресс, не Истину, не Божество,

не Человечество, не законы Природы, не Искусство, не Красоту,...

не пустоту, оставшуюся из-за Твоего отсутствия”.^b

Что касается сладострастия и сластолюбия, – мы видим их достаточно, незачем и говорить об этом. Остаются психологически очень близкие грехи: подвергнуть Бога испытанию – шантаж – и ропот против руководителей. В группе – идёт ли речь о миссионерской “группе” или о христианской общине – эти два вида зла всегда будут представлять угрозу. Пусть этот ропот

^a Ср. книгу Алло о первом Послании к Коринфянам (Allo sur la Première épître aux Corinthiens, Ed. Gabalda).

^b Поль Клодель “Пять больших од”.

сегодня называется “критикой”, пусть находящиеся в курсе последних веяний руководители больше не осмеливаются называть его “злым духом”, – опасаясь, наверное, что они сами будут источником того же духа ропота,²¹⁸ и это делает им честь, – но это не уменьшает его вредоносности.

Может быть, некоторые думают, что было бы лучше подчеркнуть что-то более позитивное? Но уметь распознавать ядовитых змей – это уже нечто чрезвычайно позитивное: и от святого Павла до святого Бенедикта, от святого Бенедикта до отца Шеврие – ограничимся упоминанием только этих имён – из тысячелетия в тысячелетие вновь и вновь звучит одно и то же предостережение против всего того, что так или иначе вызывает разделение внутри общины.

Когда святой Павел составляет перечень пороков и дел плоти, он без комментариев просто упоминает разврат, блуд, прегрешения против природы, попойки и другие буйные и разнузданные пиршества и тут же переходит к перечислению раздоров в различных проявлениях: вспыльчивость, пререкания и препирательства, злословие и сплетни, пересуды, а также язвительность, распри, разногласия, подозрения, вызванные недоброжелательством, словесные перепалки... Для святого Павла эти “дела плоти” всегда связаны с удовлетворением чего-то: удовлетворением чувственности или удовлетворением обострённого самолюбия, необузданного возвеличивания своего “я”, которые подталкивают и приводят к разделению; это всегда плоды эгоизма нашего плотского “я”.

Каждому из нас стоит раз в жизни прочесть подряд дюжину текстов, упоминаемых Иерусалимской Библией в примечании к Рим. 1,29. Прочитав их, образно говоря, смиренно опускаешь голову, осознавая свою слабость, и мы видим, что каждую общину, которой пишет святой Павел, – кроме дорогих ему филиппийцев и фессалоникийцев, исключительное милосердие которых он восхваляет, – он прямо предостерегает на этот счёт. И когда он пишет своим ученикам, как Титу, так и Тимофею, святой Павел настоятельно рекомендует им быть всегда бдительными по отношению к этой опасности.

По сути, эта внутренняя позиция, проявляющаяся в ропоте, упрёках, критике есть следствие инфантильности, отсутствия христианской зрелости, и таким способом дьявол по-своему, то есть делая всё наоборот, осуществляет слова Господа о детскости: “Если не будете как дети...” (Мф. 18,3). Источник, первопричина нашей критики, наших упрёков и осуждения – в том, что мы не согласились принять то место, на котором мы находимся, предел, дальше которого мы не можем пойти, и поэтому, – чтобы не признаваться самим себе в этом, – мы ругаем другого человека или

всю группу. А инфантильность как раз и есть этот отказ от объективности перед лицом необходимости “отнять ребёнка от груди”.

Святой Павел ясно и недвусмысленно намекает на это в своём послании к Коринфянам. Он не мог “говорить с ними, как с духовными людьми, а говорил как с плотскими людьми”; он не может давать им твёрдую пищу, так как они, – говорит он, – ещё “грудные младенцы...”, “если между вами зависть, раздоры, разногласия, то не плотские ли вы, и не по человеческому ли обычаю поступаете? Ибо, когда кто-то из вас говорит: “Я Павлов”, – а другой: “Я Аполлосов”, – то не плотские ли вы?” (1 Кор. 3,1-4). Итак, для святого Павла тесно связаны друг с другом три беды: духовная инфантильность, господство плоти и распри и разногласия.

Средство против этого хорошо известно: Иисус предлагает его в притче об истинной духовной детскости, которую Он выражает не словами, а действием. В самом деле, отметим поразительное обстоятельство: Иисус ставит ребёнка среди апостолов и показывает на него как на пример для подражания, образец, и это становится ответом тем апостолам, которые только что перед этим рассуждали и спорили по пути, чтобы узнать, кто из них больше (Мк. 9,33-35). Ответ нам известен: “Кто хочет быть первым, пусть станет последним из всех и всем слугою” (Лк. 22,26).

Из всего этого Пётр делает вывод: в своём послании он тоже противопоставляет расколы и разделения Благой Вести Господа. При этом он использует образы того сравнения, которые приводил святой Павел: истинные новорождённые²¹⁹ во Христе не питаются прокисшим и свернувшимся молоком: “Поэтому отложив всякую злобу, и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорождённые младенцы, жаждайте чистого, неподдельного духовного²²⁰ молока, чтобы благодаря ему вы возросли к спасению, если всё же вы вкусили, что благ Господь” (1 Петр. 2,1-3).

После Господа и апостолов полезно обратиться также к другим нашим основным первоисточникам. Среди них первый по времени написания после Св. Писания – Устав святого Бенедикта.²²¹ Можно сказать, что этот Устав – основание и общий ствол дерева евангельского совершенства и что ветвь секулярных Институтов⁹⁷ также питается его соками. Потому что святой Бенедикт, “основывая школу, в которой учатся служить Господу”, обучает в ней одновременно и жизни, посвящённой Богу, и братской жизни:

Но вот Господь, ища в толпе людей того, кто будет исполнять Его волю, обращается ко всем с призывом: “Кто любит жизнь и хочет жить припеваючи?” И если тебя затронул этот голос, ты отвечаешь: “Думаю, что это я!” Бог тотчас продолжает: “Если ты хочешь наслаждаться истинной и

вечной жизнью, *береги свой язык от злословия, и пусть твои уста не произносят лживых слов. Отвернись от зла и твори добро; ищи мира, стремись к нему всеми силами*”...^a

На протяжении всего текста Устава звучит одно и то же предостережение. В “инструментарии добрых дел”^b святой Бенедикт перечисляет:

- не держать в своём сердце фальши,
- не дарить поцелуя мира притворно,
- не изменять милосердной любви к ближнему, не отступаться от братолюбия;

а также не быть:

- ни ропчущим;
- ни склонным к поношению и хуле...

И эти 70 сентенций оканчиваются тем же призывом:

- ни к кому не питать ненависти,
- не поддаваться зависти и ревности,
- подавлять и пресекать зависть, вызывающую мучение,
- испытывать отвращение к препирательствам, пререканиям, ссорам.

То, что всё это очевидно, что это азы Евангелия, – достаточно прочитать эти правила, даже бегло, не вчитываясь очень внимательно, чтобы в этом убедиться. Но сколько раз нужно будет перечитывать их и проникаться ими, чтобы выполнять их на самом деле, а не притворно!

И вот мы подходим к главе XXIII Устава: “Проступки, влекущие за собой отлучение от Церкви”. О чём идёт речь? О беглецах?²²² Об ударах и ранах? О тех, чьи нравы и поведение скандально неприличны постыдны? Нет – о тех, кто своими словами или поступками нарушает общность.⁴⁴ В пяти строках святой Бенедикт с поразительной точностью описывает это зло: “Если один из братьев оказывается упрямым, если он упорствует в своём бунте, высокомерии, ропоте, если он восстаёт против какого-либо предписания Святого Устава или “старейшин”...”

Здесь мы находимся на перепутье, откуда начинается либо путь Бога и самой подлинной святости, либо путь в тупик бескрылой умеренности и неспособности к возрастанию.²²³ Так как бывают дни, когда “брату предписывают исполнять нечто трудное и тяжёлое или даже невозможное” (по крайней мере, на его взгляд).^c В нескольких строках св. Бенедикт даёт дополнительные советы,

^a Пролог Устава св. Бенедикта.

^b Устав св. Бенедикта, 4 глава.

^c Святой Бенедикт посвящает этому целую главу (глава 18).

рекомендации для брата: “принять отданное тебе распоряжение со всем благодушием, снисходительностью и покорностью”; и если это действительно превышает его силы, признаться в этом настоятелю, но, опять же, “не стоять на позиции противодействия, гордости, протеста и пререканий...”

Зная, что Устав святого Бенедикта написан вовсе не для того, чтобы облегчить управление и поддержание порядка в монастыре – самих по себе, рассматриваемых как самоцель, – но чтобы он “служил отправной точкой для освящения”,^а ещё лучше понимаешь настойчивость Отца монашества Запада в том, чтобы предостеречь ропчущих от них же самих: они сами себе портят жизнь. Потому что отсутствие ропота, упрёков, критики и осуждения, принятие даже того, что кажется невозможным, – это самое надёжное средство для того, чтобы наша душа на самом деле прилеплялась к Богу во всех обстоятельствах жизни: в этом, и только в этом заключается святость. Когда мы уступаем нашей слабости и впадаем в критику и осуждение, когда мы внутренне возмущаемся и раздражаемся, мы должны знать, что тем самым мы, образно говоря, сами вонзаем остриё иглы в свою душу, и её – подобно воздуху, выходящему через прокол, – покидает дыхание и творческая сила Святого Духа.

Отец Шеврие писал: “Один разрушитель за одно утро делает больше, чем сто каменщиков-строителей за целый день”. Можно предположить, что эта фраза была написана им вследствие какого-то печального опыта, но он тут же указывает, как можно исправить зло: “Весьма трудно добиться того, чтобы в миссионерской малой общине не было мелких разногласий, мелких противоречий, расхождений во мнениях и точках зрения, в том, как каждый действует и поступает. У каждого есть свой ум, свой характер и свои взгляды, как у каждого есть своё лицо; но необходимо соединять, “сплавлять” свой ум, свои собственные взгляды, мнения и намерения с общим мнением и общей целью малой общины, уметь жертвовать своими мнениями, и намерениями и своим благом и никогда не противопоставлять себя тем, вместе с кем мы образуем целое и с кем должны быть вместе, – если только мы не решили совсем покинуть их и отдельно заняться чем-то другим, в другом месте. В том случае, если мы решительно не можем соединиться, – лучше расстаться. Таким образом мы избежим многих страданий как с одной, так и с другой стороны”.

Пример такой ситуации – отношения Павла и Варнавы.

^а Последняя глава Устава св. Бенедикта.

Когда мы предаёмся недомолвкам, критике и осуждению, мы усугубляем беду, добавляя яд разделения к действительной беде, которую мы констатируем, – если, впрочем, она действительно существует, а не преувеличена и не раздута нами по незнанию фактов, – и из-за этого “яда” “рана” гноится и не заживает. Мы не должны быть соглашателями, подпевалами, однако ничуть не лучше быть теми, кто всегда противоречит, говорит всегда “нет”, а тем более за спиной, скрытно. Средство против этого зла критики и осуждения в следующем: мы должны как взрослые люди сказать “в лицо” друг другу и даже нашим руководителям – как Павел сказал Петру (Гал. 2,11) – то, что мы считаем своим долгом им сказать.

До какой степени должны мы стараться быть доброжелательными по отношению к руководителям²³³ и начальствующим, как внутри малой общины, так и во всей Церкви – вне малой общины, и по отношению к тем светским, мирским начальникам, – нужно до конца следовать Евангелию! – которые командуют в этом преходящем мире, включая невыносимых, грубых и невежественных, о которых говорит святой апостол Пётр (1 Петр. 2,13-25)!

У каждой эпохи свои беды: пассивность христиан в XIX веке, вседозволенность и попустительство либерализма были большим упущением, это тяжкая ошибка и вина. Но не будем впадать в культивирование недовольства, возведённого в ранг добродетели: иначе мы будем подобны слепцам, которые ведут других слепцов и увлекают их за собой в пропасть.

Наиболее радикально нас противопоставляет марксизму – во всех сферах, даже там, где наши практические подходы и методы²²⁴ совпадают, – отличие изначального взгляда. С точки зрения марксизма (я не говорю об отдельных марксистах, многие из которых в этом отношении согласны с христианами, вопреки своей доктрине), по закону диалектики – фундаментальному закону вселенной, – в основе всякого материального или духовного бытия²²⁵ лежит *противоположность*, и прогресс может быть только результатом борьбы.

Христианин же на первой странице книги Бытия читает: “И увидел Бог, что это хорошо”. Поскольку Бог есть сущий, существует основополагающая, изначальная гармония, благо, связывающее все существа Творения; и если первородный грех нарушил эту присущую миру гармонию и внёс разлад,²²⁶ то необходимо эту гармонию восстановить и попытаться уменьшить ущерб, вызванный её нарушением.

Что касается нас, нам следует настойчиво вырабатывать в себе способность развиваться и приносить плоды, источник которой – радость быть призванными Господом к самому прекрасному и самому высокому делу: нести Бога людям, – не отдавая им самих себя (сами мы – бедны и убоги!), но являя им Его – а это совсем другое.

Вступить в борьбу с разделением и раздорами, критикой и осуждением внутри нас самих и вокруг нас – это трудно, не будем питать иллюзий на этот счёт. Но если мы начнём эту борьбу, то в результате мы не только избежим чего-то низкого, но она также необычайным образом упрочит благо. Каждый раз отказываясь от того, что разрушает, от “дел плоти”, – уже в силу самого этого отказа – мы приобщаемся к “плодам духа, против которых нет закона: любви, радости, миру, долготерпению, доброте, благодати, щедрости, верности, доверию к людям, кротости, умению владеть собой, воздержанию” (Гал. 5,22-23).

Противоположность ропоту и разрушению как раз и есть радость, – которая рождается из восхваления Божьей славы, – и созидание Царства, величие которого описывается в Откровении св. Иоанна. Эти плоды позитивной направленности нашего духа будут только расти и умножаться, если мы не “стерилизуем” его.

Это слово радости, этот призыв: “Повторяю вам, *всегда* радуйтесь!” – беспрестанно исходит от святого Павла, он повторяет его более чем пятьдесят раз! И в этом нет ничего удивительного после Евангелия, начинающегося со слов Ангела, обращённых к Марии: “Радуйся...”, которое должно вести нас к совершенной радости, к радости самого Иисуса, переданной нам во всей полноте (Ин. 15,11 и 17,13). Святой Павел понял и не устаёт повторять вновь и вновь то, во что так долго не могли поверить Двенадцать при жизни Иисуса: радость сердца есть плод послушания Духу. Это действие таинственной “алхимии”, в результате которой “слово было принято при многих скорбях с радостью Духа Святого” (1 Фес. 1,6), когда святой Павел “преизобилует радостью, при всей своей скорби” (2 Кор. 7,4).

Не будем обманывать себя: христианская радость рождается не от креста – так говорят, но слишком уж легко, потому что крест всегда остаётся страданием, – а от принятия этого креста с доверием Богу. В конечном счёте, радость есть плод веры, прошедшей через реальный опыт испытаний и страданий. Испытание не должно казаться нам чем-то “странным” – так говорит святой Пётр и продолжает далее: “Напротив, поскольку вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, чтобы и при откровении Его славы возрадоваться вам с ликованием” (1 Петр. 4,12-13).

Таким образом, из испытания рождается радость или ропот – в зависимости от того, прилепились мы к кресту или нет. На Голгофе вместе с Иисусом были распяты ещё два человека – и мы видим, что это было “не зря”: произошло что-то очень важное. Когда один из подвергнутых казни испытывает Иисуса: “Спаси Себя и нас...”, – второй принимает её, и с каким доверчивым смирением! И именно этот второй “ныне же” войдёт в радость, это обещание Христа.

“Всякое Царство, разделившееся против самого себя, стремительно идёт к гибели, и его дома рушатся один на другой”, – истинность слов Господа очевидна. Их мог бы произнести любой человек. Но когда речь идёт о делах Бога, раздоры, разделения бесконечно более опасны и пагубны, потому что они покушаются на то, что образует Царство: единство в братской любви¹⁹ и благодаря этой любви, которая, образно говоря, одновременно служит и границей, и самой внутренней “территорией” Царства Иисуса.

Та особая группа, в которой мы живём, сама по себе не есть что-то ценное или значительное, и её действительные недостатки и слабости намного превосходят любую возможную критику. Но самое подлинное зло ропота – в том, что он отвлекает от самого важного и необходимого для нас: от “основного неизменного содержания” веры, “которое необходимо сохранять”, – от Господа, которого мы не должны предавать там, куда Он нас поместил, – в мир сей, пребывающий во мраке и тени смерти, чтобы мы освещали его. Мы не имеем права недооценивать этой нашей миссии, и ещё того меньше – причинять ей вред.

Итак, все усилия, которые мы – как дети Божии – будем совершать для того, чтобы в каждом из нас одинаково изобразился Господь, “кроткий и смиренный сердцем”, будут мало-помалу созидать Царство Божие. Единая малая община, приходская община, в которой на первом месте пребывает братская любовь¹⁹, – это уже собрание двух или трёх во имя Господа Иисуса: и таким образом цель, которой мы целиком посвятили свою жизнь, достигнута уже в силу самого этого факта.²²⁷

И в дни искушения или в дни, когда наши испытания приходят от общины или от члена общины, которые “подталкивают” нас к тому, чтобы мы роптали, подумаем о бедном Моисее, которому не было даровано счастье после жизни, наполненной борьбой, самому войти в Землю Обетованную, и который должен был удовольствоваться лишь созерцанием её издали, потому что однажды, в Мериве, “в день искушения в пустыне, сердца ожесточились и наши отцы искушали Господа, испытывали Его, хотя они видели дело Его”. И этот же самый “призывательный” псалом, который поют во время утрени, говорит нам, каковы последствия ропота – Бог подумал, поклявшись: “Они не войдут в покой Мой” (Пс. 95/94).

Моисей и Аарон раскрывают нам суть всего этого: народу, который ропщет против них в пустыне, они говорят: “А мы что? Не на нас ропот ваш, но на Яхве” (Исх. 16,8).

ВРЕМЯ И СТАДИИ МИССИИ

Для того, чтобы войти в Царство Божие, недостаточно говорить и говорить без конца: “Господи, Господи”; точно так же, чтобы быть миссионером, недостаточно повторять “Миссия, Миссия”. Уехать, жить в “стране миссии” – это только первый шаг. Поступить в миссию, подобно тому, как другие – по известному выражению – “уходят в монастырь”, означает радикальным образом изменить свой “угол зрения”, который почти неизбежно свойственен человеку, рождённому в стране, где распространено христианство, и определяет его поведение.

Это, опять же, очевидная истина, но признать её – ещё не значит добиться успеха: почти роковая склонность побуждает нас продолжать вести себя в стране миссии так, как будто мы находимся в стране, где распространено христианство.

Так, например, было много насмешек над монахинями XIX века, которые, поехав в Африку, научили маленьких негритянок изготавливать изящные и бесполезные кружева, традиционные для тех провинций, откуда они родом. А соборы, построенные в странах миссии в стиле псевдоготики, привнесённом извне, вскоре после их постройки стали вызывать чувство сожаления. Какими же фарисеями мы будем, еслиотреагируем на подобные факты возмущённой, негодующей гримасой! Не рискуем ли мы заслужить упрёк в том, что “бревно” – в нашем собственном глазу? Ведь будучи бдительны и стараясь избежать ошибок в материальном отношении, уделяем ли мы достаточно времени тому, чтобы выслушать, понять, проникнуться, а не привезти с собой в чемодане заранее приготовленные “инструменты” апостольства?

Миссия требует длительного времени медленной ассимиляции, которая, в конечно счёте, всегда длится дольше самых крайних сроков, предполагаемых заранее. Прежде чем *отдавать* – и отдавать благо, самое драгоценное во всей вселенной, которое ни земля, ни небеса не могут вместить, – необходимо сначала принять, получить, и не только от Бога, что очевидно, но и от самого бедного человека “получить”, воспринять саму его бедность: если раздаянию слова не предшествует смиренное слушание, то возникает большая опасность проповедовать, скорее, свои собственные идеи и воззрения, а не Иисуса Христа. “Евангелие будет проповедано бедным”, – это знак миссии, но при условии, что вестники Евангелия будут слушать тех, кому они несут Благою Весть. И тогда, после этого они смогут нести людям эту весть.

Полезно обратиться к опыту миссионеров в далёких странах. Один из них, отец Темпел, апостол в Чёрной Африке⁴⁸, сам с юмором вспоминает склад ума миссионера или западного человека, приезжающего в африканскую страну. И то, что он говорит, мы можем перенести на то, что делаем мы сами, к чему прилагаем наши собственные усилия:

“Вновь прибывший из Европы ступает на африканскую землю, неся в себе дух, настрой организации – он умеет и желает организовывать. Он начинает с того, что спрашивает себя: “Сколько собраний мы будем проводить в неделю? Сколько человек мы будем принимать в расчёте на одну группу?” А надо было бы, наоборот, стремиться узнавать, собирать сведения, спрашивать людей и исходя из этого пытаться их постичь, разгадать и узнать их сокровенные мысли”.

“Многие европейцы стремились служить Африке. Но свою задачу они представляли себе следующим образом: у этих чёрных ничего нет, чтобы им помочь, мы будем строить. Приступая к этой задаче, они, образно говоря, спускались вниз с высот. Напичканные философией и богословием, они говорили на языке книг. А должны были бы начать с самого обычного и простого, “снизу”: “Как тебя зовут? Чем ты занимаешься? У тебя есть работа? Что ты думаешь о жизни? Чего ты желаешь?” Тогда они открыли бы для себя вселенную, в которой присутствует Бог”.^a

Наблюдения отца Темпеля основаны на его собственном опыте, поэтому он может позволить себе так говорить.

Таким образом, бедный – которому не хватает человеческих благ, но которому также не хватает и Бога, – в первую очередь сам свидетельствует о Евангелии тому, кто приходит к нему с Евангельской вестью. Мы приносим Евангелие, но мы также должны его принимать из рук малых и бедных. Они совсем не знают названия этого Евангелия, но они – его свидетели, и даже если им недостаёт добродетели, – если они грешники, – или надежды, – если они бунтуют, негодуют, ожесточаются и озлобляются, нужно долго прислушиваться к их бедам и нуждам, они должны проникнуть в нас и глубоко нас затронуть, для того чтобы ответ, который мы дадим им, был действительно ответом Господа.

Итак, нам следует принимать во внимание, что для всего требуется своё время, свой срок. “Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего, Который родился от жены” (Гал. 4,4), –

^a Цит. по книге Элизабет дез Алю “Тумлилин. В поисках Бога, на службе Африке”; Elisabeth des Allues “Toumliline. A la recherche de Dieu, au service de l’Afrique”. Ed. du Cerf, p. 241.

эта божественная тайна¹³, выраженная святым Павлом, должна стать нашей собственной тайной. Желая породить, произвести на свет что-либо до завершения необходимого срока, мы рискуем – с одной стороны – отнестись без должного внимания и уважения к реальностям, присущим жизни людей, к которым мы идём, и – с другой стороны – с воодушевлением направить свои усилия на то, что выглядит впечатляюще, но вместе с тем не имеет ни глубины, ни долговечности.

Во всех притчах о Царстве Божием использован образ медленного прорастания семян из земли. Неспроста говорится о горчичном зерне, которое с течением времени “становится даже деревом” (Мф. 13,32), о семени, которое прорастает, пускает ростки и растёт, “а человек не знает, как” это всё происходит, в то время как он “и спит, и встаёт ночью и днём” (Мк. 4,27), неспроста Иисус перечисляет одну за другой последовательные стадии роста: “земля сама собою производит сначала зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе”. А что касается сеятеля, он снова будет действовать, но в конце: “когда же созреет плод, он тотчас же посылает серп” (Мк. 4,28-29). Таким образом, Бог совершает посредством человека два действия, довольно непродолжительные, – сеет и жнёт, но, что касается роста, – только сам Бог даёт расти. Об этом напоминает святой Павел: “Так что и тот, кто сажает, – ничто, и тот, кто поливает, – ничто, а всё – Бог, дающий рост” (1 Кор. 3,7). А Его ритм – медленный, неторопливый.

В действительности, сев и жатва также происходят во времени. Прежде чем дойти до доброй земли, сеятель должен будет пройти через участки бесплодной земли, где зерно падает напрасно, потому что слой почвы неглубокий, или его заглушают тернии: поэтому он должен уметь выбирать и ждать, пока не найдёт плодородной нивы. Так же и по отношению к жатве: несмотря на вполне оправданное нетерпение, закон Господа состоит в том, чтобы длительное время, до скончания веков, мириться с ростом плевел в поле и не искоренять зло раньше времени.

Некоторые думают, что сегодня городской житель уже не понимает эти притчи, относящихся исключительно к сельскому земледелию: действительно, дети городских кварталов никогда не видели, как медленно прорастают из земли семена. Мы должны привлечь их внимание к этому и помочь им открыть этот закон природы, так как бесполезно было бы желать, используя язык, заимствованный из области техники, заменить образы и понятия, относящиеся к той жизни, в которой течение времени сопровождается ритмы и стадии роста, одинаково присущие как явлениям и процессам, протекающим в природе, так и действию благодати.

Итак, Иисус в сфере апостольства не только являет Себя как Единственный, истинный, в полном смысле слова Посланник Отца, но самой Своей жизнью Он также привлекает наше внимание к

трём стадиям миссии. Это не замкнутые сами на себя этапы, между ними нет жёсткого разграничения, это гармоничные составляющие: каждая из этих стадий присутствует в другой, одновременно и будучи подготовленной ею, и завершая её. Тем не менее, они различаются, и их можно было бы назвать: “время дружбы”, “время Слова” и “время Таинства”.²²⁸

“Время дружбы” – это Назарет: детство, участие в жизни семьи,³⁸ совместная жизнь, общая работа, тысячи связей через знакомство и родство, из-за которых люди говорят: “Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?” (Мк. 6,3).

Это “время дружбы” началось ещё до рождения Иисуса: это счастливое путешествие Марии, пошедшей помочь своей престарелой кузине Елизавете, но также и бывшее некстати путешествие, вызванное переписью Цезаря Августа. При этом всегда всё совершалось в подчинении семейным или политическим событиям, обычаям и предписаниям закона. Позднее это будут две горлицы, принесённые в жертву при рождении, паломничество в возрасте двенадцати лет, семейная жизнь.

Отец де Фуко, “вселенский Брат”, и Малые братья Иисуса – наши замечательные проводники по этому “времени дружбы”, которое есть время скрытой жизни, спрятанной закваски, время ничего не ждущего молчания, время без явной “пользы”, время божественной тайны¹³, разделяемой с Отцом, “и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе” (Мф. 6,6).

У апостола также должно быть “время дружбы”; он не бизнесмен, для которого “время – деньги”; или, точнее, для апостола время бесконечно более драгоценно, но в совершенно другом смысле: оно драгоценно, чтобы его “отдавать” и “терять” в евангельском смысле: “кто потеряет свою жизнь...” Апостол не может ни торопиться, ни постоянно переезжать с место на место; если он хочет завязать эту драгоценную дружбу, он должен укорениться, вжиться в окружающую жизнь, стать всем для всех, любить в данный момент и в данном повседневном служении: “И кто заставит тебя идти с ним одну милю – иди с ним две” (Мф. 5,41).

Но Иисус покидает Свою деревню: “Исполнилось время, и приблизилось Царствие Божие” (Мк. 1,15). Это общественная жизнь: начинается “время слова”. Деятельность становится напряжённой: Иисус призывает учеников, учит в синагоге, а у дверей собираются больные и грешники. Всё совершается уже в другом темпе, всё принимает другой оборот, но Иисус, даже если Он и незнаком самарянке, никогда не будет чужим на том пространстве в сто пятьдесят километров, по которому Он ходит, проходя его во всех направлениях, возвещая Благою Весть, посылая впереди Себя учеников и говоря с каждым на доступном ему языке. С толпой Он говорит притчами, с

книжниками и фарисеями – ведёт учёный спор о Мессии и законе; с грешницей – говорит на языке прощения.

Но слово подготавливает в самом себе другой этап: “время Таинства”. Начиная с великих слов, сказанных Иисусом в Его продолжительной беседе после умножения хлебов,²²⁹ плоть-пища и кровь-питьё, – дающие вечную жизнь, – возвещают, свидетельствуя о наступлении последнего времени: “Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришёл час Его перейти от мира сего к Отцу, возлюбив Своих, которые в мире, до конца возлюбил их” (Ин. 13,1). Это время Тайной Вечери и Креста, смерти и воскресения, явленных и сообщённых нам и разделённых с нами.²³⁰

“Время дружбы”, связанное с Назаретом, длилось тридцать лет, “время Слова” и общественной жизни – три года, но “время Таинства” занимает всего один день.

Тридцать лет, три года, двадцать часов – это таинственное распределение по времени жизни Слова, ставшего плотью, требует не столько объяснений, сколько нашего молитвенного созерцания: оно должно стать душой наших усилий.

Путь от нулевого километра – отсутствия Бога – до вхождения в жизнь, приобщённую к церковным таинствам, очень долог. Его нельзя пройти за один день. Только медленное продвижение, начиная от первого призыва, позволяет достигнуть цели, не испортив всего; необходимо также проявить должное внимание к первым двум этапам – “времени дружбы” и “времени Слова”, – если мы хотим, чтобы таинство действительно было зерном, брошенным в добрую почву и приносящим плоды в изобилии.

Если таинства у столь большого числа крещённых не приносят своего плода, то это потому, что они, образно говоря “брошены на обочину дороги” их жизни, где нет глубокого слоя почвы, и не могут укорениться. В этом смысле нам всем необходимо и сейчас, и всегда в будущем переживать внутренний переворот, совершая перемену образа мыслей, перемену ума. Я даже не говорю об официальной статистике и о заполняемых листах анкеты, но внутри, в глубине самих себя – я имею в виду миссионера – следовало бы отказаться от того, чтобы *в первую очередь* задавать себе вопрос: “Сколько человек пришло на мессу?”

Наша подлинно миссионерская направленность ума выразится в иной цепочке мыслей: “Достаточно ли я понял мысль того, кого я люблю любовью самого Господа, достаточно ли долго

делил с ним совместную работу и хлеб – и свой, и его, – чтобы я мог сейчас, не по долгу службы и не ради пустого разглагольствования, поделиться с ним Словом? И затем – достаточно ли я прожил с ним, достаточно ли делился с ним Словом, чтобы сейчас, вместе, мы больше не ели манну пустыни, а ели Хлеб вечной жизни, саму плоть Господа?”

Торопясь, мчась без остановок, пропуская этапы, мы не подражаем Господу, и бесконечные богатства Бога не проявляются и не расцветают в нашей душе. Смогли ли мы это заметить? Во всех цитированных нами отрывках, где сказано об Иисусе, есть такие слова: “Исполнилось время, пришёл час...” В Кане Иисус прямо и ясно говорит: “Не пришёл час Мой” (Ин. 2,4), и этот эпизод соединяет “время дружбы”, совместную брачную трапезу, и время общественной жизни, чудо. Ведь эти три времени не отделены, и каждое из них переживается в своей полноте: дружба – не “уловка”, чтобы “всучить” Слово, и Слово – не “приправа”, чтобы заставить “проглотить” Таинство. Достаточно выразить это в такой немного резкой, грубоватой форме, чтобы почувствовать, сколь отвратительно и кощунственно подобное отношение.⁶⁶ Когда дружат, дружба ценна сама по себе, ей отдаются целиком и полностью: у неё есть своя божественная ценность и своя собственная цель; она достигает своей цели – взаимной любви двух людей, даже если одному из них так никогда и не удастся осознать себя сыном Божиим. Но по самой своей устремлённости дружба позволяет предчувствовать следующий этап: по влечению дружбы апостол делится самым ценным, словами Бога, выражением Его нежности, которая превосходит любую человеческую радость и наполняет сердце миром.

И слово должно пропитать душу и дух, чтобы сообщить таинству всю его полноту. Какую реальную силу будет иметь таинство брака, если тайна¹³ союза мужчины и женщины, как её объясняет святой Павел в послании к Ефесянам, не стала самым глубоким побуждением²³¹ обоих супругов? Крещение, – не оплодотворённое живым потоком воды Слова и молитвенным размышлением над тем, как действовал Христос, и всё более глубоким постижением Его поступков, – в свою очередь, тоже “засыхает”, подобно цветку, лишённому живительных соков.

Даже если речь идёт о христианине, необходимо заботиться о том, чтобы у него всегда было “время дружбы” и “время Слова”. Дружбу он найдёт в местной христианской общине, малой общине “Католического Движения” или в группе, объединяющей христианские семьи. И нужно, чтобы там он нашёл истинный хлеб Слова Божьего, даваемый не как закуска или приправа, а как основная пища его веры.

Суровые упрёки пророка Осии проникают нам в самое сердце:

“С тобой, священник, Я сужусь... Падёт народ Мой за невежество; так как ты отверг ведение, то и Я отвергну тебя, чтобы ты не был священником Моим; ты забыл закон Бога твоего, и Я забуду детей твоих” (Ос. 4,4-6).

Эти три этапа Миссии апостол должен пережить в своей собственной жизни: он тоже нуждается в дружбе своей миссионерской малой общины, любви и привязанности христиан, живущих поблизости от него, в том же квартале; он тоже нуждается в Слове, непрестанно вновь открываемое и живое; он тоже питается святыми дарами в таинстве Евхаристии и возрождается и обновляется через Покаяние.

Но если бы из этих этапов нужно было выбрать самый важный для апостола, и, может быть, определить этот приоритет для христианства на годы вперёд – для христианства зарождающегося и упрочивающегося, – то, по-моему, на первое место следовало бы поставить “время Слова”. Потому что именно благодаря Слову, – читаемому, слышимому, обдумываемому, образно говоря, “разжёвываемому” на протяжении дня, – дружба и жизнь, приобщённая к церковным таинствам, обретут свою значимость и наполненность. Да будет мне позволено, одновременно в знак признательности Жаку Маритену и в качестве подлинно пророческого Слова, процитировать этот текст о Евангелии:

“Каждый раз, когда мы перечитываем Евангелие, перед нами открывается новая грань его требований и его свободы, – необыкновенных, грозных и сладостных, как сам Бог. Блажен навеки заблудившийся в этом густом сплетении света, пойманный в сети Абсолюта, сияющего в человеческом естестве. Чем больше становится наш опыт, тем отчётливее, острее мы ощущаем, что мы далеки от того, чтобы на практике, в жизни следовать евангельским нравственным нормам, но – в то же время – тем отчётливее запечатлеваются в нас знание их таинственной истинности и желание обрести эту истину. И это я называю нисхождением Евангелия в нас. Когда мы размышляем о богословских истинах, это мы сами размышляем о них, но когда мы молитвенно размышляем над Евангелием, само Евангелие говорит с нами; достаточно только слушать. И, наверное, Тот, кто рассказывает Евангелие, пребывает недалеко от нас, – Он немного приоткрывает наш ум²³², когда мы вот так идём по нашему пути вместе с Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. *Mane nobiscum, Domine, quoniam advesperascit* – останься с нами, Господи, потому что наступает вечер”.

“Если должно родиться новое христианство, то – как мне кажется – это будет эпоха, когда люди будут читать Евангелие и молитвенно размышлять над ним больше, чем когда-либо раньше”.^a

ОСНОВАТЬ МИССИЮ НА ДОЛЖНОЙ ВЫСОТЕ

Необычайное, колоссальное развитие человечества, которое мы наблюдаем на протяжении последних двадцати лет, не скоро остановится, и резкое изменение обычаев, нравов и даже численности людей не перестает порождать всё новые и новые проблемы. Лучшие специалисты в области перспективного прогнозирования считают, что через двадцать лет мы во многих сферах жизни достигнем состояния мира, близкого к “лучшему из миров”, хотя, впрочем, наряду с самым лучшим, в нём будет и самое худшее. В любом случае, условия труда, уровень жизни, здоровье, досуг будут совсем не такими, как сегодня. Лучшие эксперты нынешнего II-го Ватиканского собора³¹ также полагают, что самым главным на соборе будет не решения, принимаемые непосредственно сейчас, а новый импульс и подъём в жизни Церкви в предстоящие годы.

Таким образом, и в том, что касается состояния человечества в целом, и в том, что относится к Церкви, мы будем переживать период, который, как никогда, будет временем Миссии в её важнейшей реальности⁴⁰: свидетельствовать о бесконечном предназначении людей и собирать этих людей в Церковь.

Сталкиваясь с такой задачей, самым большим несчастьем было бы уменьшить и ослабить, – сообразуясь с нашими немощными силами, – борьбу за Царство Божие – или по причине недостатка Веры, или ограничивая наши цели в силу обстоятельств, или становясь на один уровень с теми, кто отрицает Царство, на земной уровень, занимая исключительно оборонительную позицию.

Поэтому крайне важно осознать, что такое сверхъестественная⁹ Миссия, на каком уровне она совершается, какие реальности⁴⁰ имеют к ней отношение и участвуют в ней, и определить, в чём, по существу, заключается задача Миссии, рассматриваемой с точки зрения её особенного, сверхъестественного качества. И для этого может быть только один критерий: Слово Божие.

Таким образом, мы обнаруживаем перед собой цель: основать Миссию на том уровне, на который нам указывает Слово Божие, теми средствами, которыми оно от нас требует, то есть быть

^a Жак Маритен “Философ в старом Городе”; Jacques Maritain “Le philosophe dans la Cité, Ed. Alastia, p. 196-197.

такими миссионерами, каких описывают и желают два столпа Церкви, Пётр и Павел: пребывать в Вере, осмысливая испытания и не боясь их, быть свидетелями Невидимого.

Причина, залог вечной молодости Церкви заключается в постоянном возвращении к её источникам.

В посланиях святого апостола Павла есть сравнительно большое отступление от основной темы, которому в Иерусалимской Библии дан подзаголовок “Об апостольском служении” (2 Кор. с 2,14 до 7,4). В нём мы находим пример (из жизни) реального достижения той высоты, на которой мы должны осуществлять нашу задачу, того уровня, на котором осуществляет своё апостольство святой Павел. Мы также находим там образец того человека, которым – как того ожидает от нас апостол Павел – нам следует стремиться стать, и пример той вести, которую нам надлежит передать людям.

Этот десяток страниц смущает экзегетов, которые тщетно пытаются найти в нём план и путеводную нить, – но самим-то коринфянам известна связь событий, а мы, апостолы, найдём в этом послании, наряду с воспоминанием о благодатных дарах Божьих, которым захвачен апостол Павел, образно говоря, ту же “длину волны”, которая присуща и нашей собственной жизни. Даже некоторая несогласованность мысли святого Павла, или точнее, несогласованность в последовательности его мыслей, становится нам тем более дорогой, что мы чувствуем действие “любви Христа, которая движет” апостолом.^а

“Благодарение Богу, который – во Христе – уводит нас как пленников, чтобы мы участвовали в Его триумфе...”²³⁴ Святой Павел обращает свой взор к Богу, он – пленник Христа. Он действительно был пленён Господом, стал Его узником – он был побеждён на пути в Дамаск. Но, в то же время, этот пленник присоединяется к триумфальному шествию того, кто взял его в плен, и впредь участвует в триумфе своего командира²³⁵. Через апостола “знание” Христа должно распространяться повсюду.

Апостол Павел не строит себе иллюзий. Он ясно видит, что распространение “знания” Христа – это борьба, с её уделом побед и поражений. Некоторые люди слушают Христа во спасение, а другие, напротив, – на свою погибель. Поэтому неудача не должна парализовать нас. Есть души,

^а Пусть читатель соблаговолит положить перед собой текст второго послания к коринфянам святого Павла (2 Кор. 2,14); мы будем шаг за шагом продвигаться по нему без дальнейших ссылок, специально комментируя: с 2,14 по 3,6; 3,12; с 3,18 по 4,18 и 5,1 - 5,6, 5,8 (уверенность); с 5,11 по 6,13; с 7,2 по 7,4.

предрасположенные к познанию Бога, но, таинственным образом, также есть и такие души, которые, кажется, не хотят познать Бога таким, какой Он есть. Дитя, о котором уже говорил старец Симеон, будет знамением противоречия⁹⁸ посреди людей. Апостол знает об этом, и он не должен никогда этому удивляться.

Но мы тут же сталкиваемся со жгучим вопросом, который задавал себе святой Павел: “Так кто же соответствует столь высокой задаче, кто справится с ней?” Именно в этом заключена сила апостола – в уверенности, что сам по себе он не может ничего, но может всё “в Том, кто его укрепляет”.

То, что от него требуется, – быть искренним и представлять себя как посланника Божьего. В конечном счёте, единственная рекомендация, подтверждающая истинность апостола – само его апостольство, так как это апостольство исходит – и святой Павел намекает на это – от Святой Троицы: Христа, Святого Духа, живого Бога-Отца.

На протяжении всего этого отрывка, – словно убеждая в этом себя самого, – святой Павел возвращается к следующей мысли: “Такую уверенность мы имеем через Христа по отношению к Богу. Не потому, что мы сами по себе на что-то годимся, чтобы считать что-либо как бы от себя; напротив, наша достаточность, пригодность – от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета...”²³⁶ Это настоящая профессиональная подготовка, квалификация, которую апостол получил от самого Бога. Мы должны вновь открыть для себя смысл выражения “высококвалифицированный рабочий” и научиться применять его во всей полноте по отношению к апостолу. Бог делает из нас не разнорабочих и не специализированных рабочих средней квалификации, а высококвалифицированных рабочих. Для чего? Для того, чтобы мы были служителями Нового Завета. Мы видим, что через несколько фраз святой Павел возвращается к той же мысли: “Имея такую надежду, мы действуем с большой уверенностью”. В чем причина этого изменения апостола? В созерцании славы Христа, потому что апостол – это тот, кто “с открытым лицом, не закрывая его покрывалом, подобно зеркалу, видит и отражает славу Господню, кто преображается в тот же образ от славы к славе, как от Господня Духа”.²³⁷

Эти слова выдают внутреннее волнение и трепет святого Павла, но они выражают также величие апостола, который есть отражение самого Христа. И он это хорошо знает, несмотря на все свои слабости и ничтожество. Вот почему “мы, которым Бог по Своему милосердию доверил такое служение, не слабеем и не унываем”. Всё это исходит от Бога.

И если высота апостольской задачи не смущает апостола, – зная свою слабость и ничтожество, он опирается только на силу Бога – в то же время ему знакомо настоящее искушение, то, что можно

было бы назвать “фальшивыми деньгами” апостольства. Есть три вида таких “фальшивых денег”. О первом из них святой Павел говорит с силой: “Мы отвергли постыдное молчание”²³⁸. Если бы я осмелился что-то добавить к словам святого Павла, я бы подчеркнул потрясающее впечатление, которое производят эти слова: постыдное молчание (это могло бы быть названием кинофильма!). Апостол, который не осмеливается говорить! Второе искушение – это отсутствие прямоты и честности. Святой Павел говорит о нём так: “Мы не прибегаем к хитрости, не жульничаем”. Третье искушение – фальсификация слова Божьего, настоящая фабрикация “фальшивых денег”. Мы поддаёмся ему когда больше не осмеливаемся сказать всего, полагая, что некоторые вещи не будут восприняты.

Есть только одно средство преодолеть это тройное искушение: мы не хозяева Благой вести, “напротив, Бог испытал нас и доверил нам Благою весть, так мы и проповедуем, стремясь понравиться не людям, а одному только Богу, испытующему сердца наши” (1 Фес. 2,4). И святой Павел добавляет, что у него никогда не было “ни слов лести, ни задней мысли о корысти, ни поисков славы человеческой” (1 Фес. 2,5-6).

Евангелие может оставаться скрытым, завуалированным для людей, но апостол знает, что его единственное дело – проповедовать только Христа Иисуса, Господа; он возвещает Евангелие, указывает на Евангелие, а не на самого себя. И, опять же, апостольскую силу, “это сокровище апостольства, мы носим в глиняных сосудах, чтобы было очевидно, что эта безмерная, преизбыточная сила принадлежит Богу, а не исходит от нас”.²³⁹ Подготовка апостола должна включать воспитание этого чувства и осознания собственной слабости и недостаточности, чтобы это осознание превращалось в силу – силу, проистекающую из смирения, и, в конечном счёте, становилось подражанием молитве Пресвятой Девы “Величит душа моя Господа!”

Помимо уверенности в том, что Бог проявляет Себя и действует лишь в той мере, в какой апостол ощущает себя самого бессильным, есть ещё одна уверенность: зерно, которое умирает, приносит плод. Смерть апостола порождает жизнь верующих. Вера в действии есть именно эта уверенность в том, что смерть приводит к воскресению, в том, что кратковременные испытания производят большую славу, в том, что видимое и кратковременное приводит к невидимому и вечному, в том, что земное тленное жилище превратится в вечное божественное жилище.

С этой точки зрения можно увидеть ту высоту, на которой совершается апостольство – это высота обожения человека, Бог вселился в сердце Своего посланца и действует в нём¹⁴⁹: “Так что смерть действует в нас, а жизнь – в вас” (2 Кор. 4,12). И поэтому, продолжает Павел, “мы не ослабеваем и не унываем; напротив, хотя наш внешний человек разрушается”, – а апостол остро чувствует, как

его тело со временем быстро изнашивается и разрушается, – “внутренний обновляется день за днём”.²⁴⁰

Содержание всего этого отрывка заключено между двумя словами: слабость и уверенность.¹³⁴ И это слово “уверенность” мы вновь встречаем дважды в двух стихах: “Поэтому мы всегда преисполнены уверенности... Итак мы преисполнены уверенности...”¹³⁵

В этом отрывке также святой Павел открывает нам нечто очень важное (5, 11): “Зная, что такое страх Господень, мы пытаемся убедить других”.

Есть ложная безучастность, и есть ложное уважение к свободе другого человека. Святой Павел говорит нам, почему он стремится убеждать: причина – драма Христа, умершего и воскресшего ради всех. Христос не находится за пределами жизни людей, не верящих в Него, Он в большей степени член их семьи, чем их собственные отец и мать: “Он умер ради всех, чтобы живущие уже не для себя жили, но для Того, кто умер за них и был воскрешён” (2 Кор. 5,15).

Итак, апостол видит людей и события не “по плоти”, но глазами веры, и он не может молчать, видя невежество людей. В то же время, по причине такого взгляда святой Павел видит в каждом человеке “новую тварь”, “древнее прошло, теперь всё новое”. Он знает, что Христос примирил с Собой и с Богом всё человечество и, что удивительно, этот же Христос доверил служение примирения Своему апостолу. Поэтому апостол получает великолепные звания: он – “служитель примирения”, он – “полномочный представитель Христа”: “так как Бог увещевает чрез нас”. Он даже назван “соратником” Бога. С этого момента святой Павел не колеблясь умоляет, увещевает во имя самой своей миссии. Если апостол слишком спокоен, слишком безучастен – в каком-то смысле равнодушен, – то как смогут люди поверить в необычайные, исключительные и уникальные качества той вести, которую он должен им нести?

И заканчивает святой Павел описанием служителя Христа. Если описывать его через отрицание, то можно сказать, что такой служитель не даст никому повода для соблазна или греха, чтобы его служение не было обесценено или опорочено. Но главным образом его следует описывать через утверждение: при таком описании служитель будет характеризоваться целым рядом признаков. Прежде чем попытаться подчеркнуть те черты, которые святой Павел приписывает апостолу, будет полезно привести здесь и прочитать целиком весь отрывок.

“Во всём мы проявляем себя истинными служителями Бога, с большим терпением и стойкостью перенося скорби, нужду, мучения, побои, тюремное заключение, смуты, тяготы, изнурительный труд, бдение, посты. Мы доказываем это чистотой, знанием, долготерпением, добротой, Святым

Духом, нелицемерной любовью, словом истины, силой Божьей. Наше оружие – праведность, мы им и нападаем, и защищаемся. Мы готовы и к славе, и к бесчестью, к злой молве и к доброй молве. Нас принимают за лжецов и обманщиков, однако мы истинны и искренни. Мы как безвестные, а нас знают все; как умирающие, однако вот – мы живы. Нас казнят, а мы не убиты. Нас печалют, а мы всегда радуемся. Нас принимают за бедных, а мы многих обогащаем. У нас нет ничего, однако владеем всем”.²⁴

Полезно снова обратиться к этим текстам и посмотреть, как они дополняют друг друга. Три ряда признаков, характеризуют служителей Бога и отличают их от окружающих:

- долготерпение и большая стойкость в страданиях,
- знамения,
- чудеса и явления силы.

Это дорогая для святого Павла тема, и мы вновь находим такое же тройное перечисление немного дальше в том же послании: “Вы видели, как посреди вас Бог совершил через меня то, что служит отличительными признаками апостола: совершенная стойкость и долготерпение, знамения, чудеса и явления силы” (2 Кор. 12,12).

И мы находим детальное описание девяти испытаний стойкости, девяти знамений и девяти чудес. Видя подобное повторение, можно было бы подумать, что Павел тщательно выстраивал свой текст. Но это не так, и все комментаторы хорошо понимают, что во время этой импровизированной диктовки Павел в порыве сильного волнения достигает вершин красноречия. Но ему нет дела до красноречия, он просто коротко передаёт нам главное о своей собственной жизни – и это поражает и захватывает.

Прежде всего, это долготерпение и стойкость в девяти испытаниях, и можно различить три вида самой этой стойкости и этих испытаний. Одни коренятся в самом апостоле, в глубине его души: это печали и скорби, тоска, тревога. Другие приходят извне, они ему навязаны, и он подвергается им: это удары побоев, заключение в тюрьму, смуты и мятежи. И, наконец, третий вид испытаний – их добавляет сам Апостол, как будто ему мало уже имеющихся, – они подготавливают его к тому, чтобы противостоять как внутренним печалям, так и внешним мучениям: это тяготы, бдения, посты.

Эти девять испытаний стойкости подобны *выжженной земле* апостольской жизни: выжженной земле, ибо через них подавляется и уничтожается всё то “человеческое”, что могло бы разрастись внутри, как сорняк и, будучи привлекательным, связать апостола. Чтобы никто не вздумал быть

апостолом, если не согласится заранее – и затем соглашался каждый день – на подобные лишения и отверженность.

Но на этой опустошённой земле появятся девять “знамений”, расцветут девять драгоценных цветов, образованных из кротости, терпеливости, смиренного послушания, тем более знаменательных и показательных (свидетельствующих о даре Бога и полной отдаче апостола себя Богу), что они будут цвести среди суровых испытаний и невзгод, нужды и скорбей. Шесть “цветов” украшают самого апостола, показывая глубинные качества его личности, три – характеризуют его апостольское служение.

В самом существе апостола это:

- внутренняя прямота и честность и безупречность действий, совершаемых в чистоте;
- знание Бога, то непосредственное познание Бога, которое преобразует взгляд человека;
- великое терпение души, умеющей ждать;
- мягкость, сладостная кротость Самого Спасителя – самое высокое из того, что явлено в яслях, – о которых Церковь поёт в Рождество;
- святой дух;
- искренняя, непритворная милосердная любовь к ближнему.

В самом апостольском служении проявляются три знамения:

- слово истины, о котором святой Павел в другом месте говорит, что оно более “живо и действенно, чем меч, и проникает до сочленений души:²⁵ Евангелие – человеческое слово о Глаголе, ставшем плотью;²⁰³
- могущество Бога – Бога вечно живого, который ждёт лишь горчичного зерна нашей веры, чтобы совершить Свои чудеса;
- оружие справедливости, то есть святости “Справедливого” и “Праведного”¹⁹⁸ Бога и апостола, во всём следующего¹⁹⁹ за Богом и слушающего Бога. Это оружие и для наступления, и для обороны, говорит святой Павел: меч духа и копьё, щит веры.

Эта “выжженная земля”¹⁰⁹ апостольской жизни, эти постоянные усилия произвести из неё знамения сладостной кротости и в то же самое время распространять Царство Господа Иисуса порождают девять “дивных чудес и явлений силы”, которые апостол Павел перечисляет в заключение. Лучше, чем все монашеские обеты, они лишают посланника Господа всего, что замыкало бы его на самом себе: потому что только в Боге смысл его существования, только Бог проявляется через него. Это одновременно и знамения противоречия⁹⁸, и Блаженства апостола.

Прежде всего, он дважды полностью освобождается от влияния людских суждений: чтят его и уважают или унижают и оскорбляют, плохо к нему относятся или хорошо – для апостола это больше не имеет значения: забота о репутации, какой бы она ни была, больше не связывает его. Бог, знающий глубину сердец, – его единственный ориентир.

И тогда начинаются семь апостольских блаженств, которые выражают саму тайну¹³ апостола – зерно, которое умирает и приносит плод, видимый крест и воскресение, которое, несомненно, будет, кажущееся поражение и уже достигнутая победа:

- их считают обманщиками, однако они правдивы;
- их считают людьми безвестными, и всё-таки они столь известны;
- их считают людьми, стоящими на пороге смерти, однако они столь полны жизни;
- их считают людьми, подвергнутыми наказанию, и, тем не менее, их не убьют;
- их считают людьми огорчёнными и скорбящими, а они всегда радуются;
- их считают бедными, однако они делают людей богатыми;
- их считают людьми, которые ничего не имеют, однако они всем обладают.

Апостол Павел открыл свой секрет: “Уста наши открыты к вам, коринфяне, сердце наше расширено...”²³³ И словно тут же применяя на практике только что сделанное им – и какими словами! – описание апостола, святой Павел преисполнен радостью и гордостью за тех же самых коринфян, которые часто не оправдывали его надежд: “Вы не стеснены в нас, но вы стеснены в сердцах ваших...”

У ученика в мире⁵ есть только одна радость: быть похожим на учителя.

Апостол ликует в скорбях: крест несёт спасение.

Ничто не может отделить его от любви Христовой.

В мире нет ничего более живого, реального, насущно важного, чем Слово Божие:

“Верны слова:

Если мы с Ним умерли, то будем и жить с Ним;

Если терпим, то будем и царствовать с Ним;

Если мы отречёмся от Него, то и Он отречётся от нас;

Если мы неверны, Он остаётся верным,

ибо от Себя самого отречься не может”

(2 Тим. 2,11-13).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“РАДИ НЕГО Я СОГЛАСИЛСЯ ПОТЕРЯТЬ ВСЁ”

Наше апостольское призвание сегодня – молиться с большим стеснением и тревогой в сердце о том, чтобы совершалось обращение людей к Богу, стать на колени перед Словом Божиим, чтобы это Слово изменило нас самих и настолько проникло в наши сердца и в наши умы, чтобы мы не могли не говорить его, – и чтобы мы говорили его в соответствии с тем, что оно есть: “Истина, которая должна просвещать, озарять всякого человека, приходящего в этот мир” (Ин. 1,9).

Наше призвание – быть такими, как другие люди, в том, что касается работы, хлеба, пищи, одежды, но быть совсем другими по сравнению с тем, кто не знает Бога. Мы должны заботиться о том, чтобы в социальном плане мы не устанавливали никакого разрыва с кем бы то ни было, но в то же время уметь признавать, принимать, с гордостью, что мы “отличаемся” от мира – по теологическим добродетелям – сильнее, чем возможно выразить словами. Это отличие превосходит различие дня и ночи, – потому что мы озарены светом, невидимым миру.

Пребывающие в самой гуще мира⁵, но отделённые от мира сего – поскольку посвятили себя целомудрию – и уже живые свидетели вечности, в которой не будет больше ни мужчин, ни женщин, в которой больше не будут ни есть, ни пить; и мы не сможем избежать того, чтобы нас осмеивали и даже ненавидели, если будем оставаться верными величию и власти Иисуса Христа, чьё Царство не от мира сего.

Конечно же, мы родились и пришли, “чтобы они имели жизнь, и имели с избытком” (Ин. 10,10), но воображать себе, что мы достигнем этого, уподобившись тем, до кого мы хотим донести евангельскую весть, – это иллюзия, обман, первой жертвой которого будем мы сами. Евангелие противоположно влечениям мира⁵ сего, влекущим вниз путям. и та часть нашего существа, которая участвует в великих стремлениях и чаяниях людей, живущих без Бога, не должна скрывать того, что, образно говоря, наш “центр тяжести” находится в другом месте.

Любить человечество⁵, да, и его светлые умы, которые украшают его и – через увеличение благосостояния и истинной свободы – позволяют дать каждому человеку хлеб, мир⁶ и возможность брать на себя различного рода ответственность – да, всего этого мы хотим. Но в то же время, следует говорить, кричать, всем нашим существом свидетельствовать о том, что истинное предназначение человека обретёт своё завершение только за пределами этого

преходящего мира, земная стадия которого – только начало, временное, предварительное и недолговечное, хотя оно и имеет, в определённом смысле, решающее значение.

И чем теснее мы – как апостолы – связаны с этим миром, чем сильнее мы захвачены землёй, чем больше восторгаемся её красотой, чем сильнее нас увлекает задача её совершенного устройства, которую надлежит исполнить, короче говоря, чем больше нас увлекает восхождение, возрастание человека, тем сильнее должно выявляться – как “знамение пререкания”⁹⁸, – что все это мы отныне считаем “неблагоприятным и невыгодным ради высочайшего выигрыша, приобретения – познания Христа Иисуса” (Фил. 3,8). Позволить, чтобы одно проявлялось без другого, – значит исказить суть апостольского призвания, совершить предательство.

Миссионер, для которого Парусия, Второе Пришествие Христа, не есть – реально, ощутимо – великое ожидание, не имеет права носить это имя. Конечно, это не мешает с лёгким сердцем, бодро созидать мир⁵, но этот мир останется для нас относительным, как этап исхода. Именно этого нам не прощает неверующий мир: он не только хочет, чтобы мы служили Кесарю, но для него всякий, кто ставит Бога выше Кесаря, становится врагом Кесарю. Мученики первых веков умирали за это: они были такими же хорошими гражданами, как и все остальные, но Кесарь оставался для них только человеком, и только Бог был их единственным абсолютom.

В мире сем⁵, который в ослеплении восхищается сам собой, мы свидетельствуем о другом мире⁵. Мы не считаем, что мы обязаны нарочито следовать устаревшим, отжившим формам поведения, для того чтобы быть такими свидетелями. Находясь среди людей, мы – глас, вопиющий в пустыне, о которой никто не подозревает и которую наш вопль изобличает, и наши инакомыслие, несоблюдение установленных правил, наш нонконформизм по отношению к законам мира сего, проявляются, как только мы начинаем возвещать, что Царство Небесное близко.

Всякая любовь, которую перестают взращивать и развивать, умирает. Наша жизнь умирает, как только Христос, Троица Отца, Сына и Святого Духа перестают быть для нас личностями, с которыми мы связали свою жизнь. Наше существование, наше целомудрие, наше послушание и наша бедность будут недолговечными без любви Христа к нам, которую мы снова и снова вспоминаем, созерцаем, без этой любви, которая сильнее смерти и которая вызывает в нас ответное желание любить до самой смерти. Как только мы перестаём распознавать и осознавать эту любовь Христа, мы теряем правильное направление и все пути без различия начинают казаться нам одинаково хорошими.

Вывод из этого – настоящая, абсолютная необходимость Веры, безграничной веры, ибо вера вправе называться верой, только если она *безусловна и безоговорочна*. Ставить её в зависимость

от условий, от *“если..”* – *“если бы Церковь была более динамичной, более активной, более вовлечённой в миссию, в служение или более современной”*, или что-либо другое, чего бы нам хотелось, – означает заранее отрицать веру, потому что при такой зависимости, мы усматриваем её причину, основание не в Боге, который говорит с нами, у которого есть Свой замысел и который есть Бог, а в чём-то другом.

У миссионера, в конечном счёте, есть только одна сила: его вера, соединённая с верой всей Церкви: *“Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут”* (Мф. 24,35). И эта твёрдая и радостная уверенность – не только скала посреди песков, щит нашего сердца, нашего ума и духа; самое главное, она есть трамплин для подлинной миссионерской позиции, миссионерской установки и образа действия⁶⁶ в самой гуще современного мира и в столкновении с неверием, победно утверждающим себя.

Спасает только Бог; спасает Он, а не мы. И эта уверенность ставит всё на свои места. Спасаем – или не спасаем – не мы, спасение зависит не от нас. Ни движение, ни группа, ни конгрегации, ни Папы, ни соборы не могут спасти. Есть только один Спаситель, Иисус Христос; при этом, конечно, Папа, епископы, соборы и движения должны что-то реально делать, – мы вовсе не марионетки, – но мы должны действовать прежде всего и единственно *“через Него, вместе с Ним и в Нём”*, как мы повторяем во время мессы. А мы каждую минуту действуем так, как если бы спасителями были мы сами. И поэтому мы приходим в уныние или же раздуваемся от гордости, но, в конечном счёте, наши усилия ни к чему не приводят.

Наша жизнь, ответ Богу, который любит нас, – это также свидетельство о единственном Боге, которое мы должны нести людям. Прежде чем быть священником – совершающим революцию или выступающим против неё, священником-журналистом, учёным, рабочим или кем хотите, мы должны дать проявиться самому главному и уникальному в нашем существовании: мы – существа, которые воспринимают, слушают Бога. Образно говоря, подобно радиоприёмнику, мы настроены на *“длину волны”* Бога и, подобно радиопередатчику, мы передаём, излучаем в диапазоне *“теологическом”*, а не земном, при этом оставаясь открытыми навстречу этому миру. Мы – не голоса в пустыне, но в самых шумных городах мира мы – пророки Бога и ничто иное, то есть мы говорим от имени Бога.

Пророки – не те, которые знают направление хода истории в ближайшем и отдалённом будущем, но те, которые говорят людям о Боге – говорят сегодня и будут говорить в будущем, ближайшем и отдалённом, когда оно наступит. Пророки – те, которые умеют говорить о яслях, о кресте, о Христе и о Его бедности, которые способны сказать это богачу, который не знает об этом сходстве Христа

и бедняка, а также и бедняку, который должен уважать это сходство со Христом в самом себе. Уметь от имени²³ Христа говорить истину так, чтобы это не создавало препятствий, а вело к Нему, уметь утешить, поддержать слабых, пробудить спящих, ободрить малодушных и робких.

Но чтобы быть свидетелями Бога в глазах людей, нам нужно быть свидетелями Бога в глазах самого Бога. И это может совершиться только по всемогущей благодати Бога и совершается только при постоянной внутренней работе всего нашего существа, работе, которая должна стать *страстью* в двойном смысле этого слова: неотступной мыслью и заботой и страданием.

Апостол – не просто ещё один рабочий на заводе, ведь у ворот ждёт достаточно много безработных. Он – не ещё один активист, эту роль замечательно выполняют профсоюзные деятели. Апостол, где бы он ни находился, на заводе или в другом месте, – это свидетель Бога, пророк, посланник Иисуса Христа: он не входит ни в какую другую категорию, у него нет других ориентиров, других эталонов, кроме Иисуса Христа и Церкви, которые его посылают на служение.

И видя успех своей апостольской работы, когда “Сатана падает с неба, как молния”, он повторяет про себя слова Иисуса: “Не радуйтесь тому, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах” (Лк. 10,20).

А потерпев поражение, – что бывает чаще, – он вспоминает ответ Иисуса ученикам, которые не смогли изгнать нечистого духа: “Из-за вашего маловерия... Сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста” (Мф. 17,20 и Мк. 9,29).

Он не ждёт эффектного успеха, симпатий, слишком по-человечески непосредственных: он делает всё, чтобы не создать препятствий Иисусу Христу своим собственным грехом, но он знает, что только крест, боль, противоречия, которые долгое время переносит его собственная плоть, затронут души людей в самой их глубине и откроют их навстречу единственному Спасителю, Иисусу Христу, Назарянину, Тому, кого люди распяли и кто воскрес из мёртвых.

“Ради Него, Христа Иисуса, моего Господа, я согласился потерять всё и всё считаю сором, чтобы приобрести Христа” (Фил. 3,8).

Приложение

О малой миссионерской общине

1. Миссионерская малая община – частица Царства Божьего

Миссионерская малая община не замкнута сама на себя. Она предназначена для другой цели: для созидания общины Народа Божьего. Как мы уже сказали, она подобна песчинке, которую помещают в раковину и вокруг которой затем нарастает жемчужина.

Как помочь людям ощутить присутствие Христа, обнаружить его? Ни чудеса, ни доводы о долговечности Церкви, ни современные познания о человеке, которые мы можем сообщить людям, не могут быть свидетельством, являющим им присутствие Христа. Но посредством миссионерской малой общины можно замечательно осуществлять приход Христа посреди людей: “Когда двое или трое собраны во имя Моё, Я там посреди них...” Чтобы жить по новой заповеди, нужно несколько человек, нужно иметь братьев, чтобы любить их.

Христос пришёл разрушить стену ненависти, уничтожить разделения, разъединяющие людей. Общность судьбы осуществляется через миссионерскую малую общину (за исключением очень редких призваний).

Безусловно, истинная миссионерская малая община образуется не без боли. Не существует готового способа для её создания, она не купается в постоянной радости и веселии. Жизнь в миссионерской малой общине также не должна быть бегством от больших христианских общин. Но всё-таки миссионерская малая община остаётся особым средством, *инструментом апостольства*. Она разделяет это особое положение с первой и основной частицей Мистического Тела – семьёй: муж, супруга, дети.

Вспомните первое призвание Двенадцати апостолов. Святой Марк говорит, что Иисус призывает первых учеников, чтобы они “всегда были с Ним”, были “Его спутниками” (теми, с кем делят хлеб). Это первая миссионерская малая община. Святой Иоанн не забывает уточнить даты, используя выражения, напоминающие Книгу Бытия: “на другой день”, ... “на третий день”. Намёк очевиден, святой Иоанн думает о шести днях Творения. С призванием апостолов открывается новая эра, новое творение.

Какое определение можно дать малой общине¹⁰³? Это слово происходит от древнескандинавского слова “*skipa*” и от немецкого “*Schiff*”, от которых появилось французское слово “*esquif*”, – ялик, маленький кораблик. И эта этимология уже раскрывает нам богатство смысла. Она одновременно указывает на ограниченное число членов малой общины и их глубокую солидарность: разве все они не “в одной лодке”? Я предлагаю вам следующее

определение малой общины “команды”¹⁰³: “Немногочисленное сообщество равных, объединившихся ради одной цели, с одним ответственным за непрерывность общего блага”.

То есть жизнь малой общины “команды” предполагает устойчивость и постоянство. Она снова и снова объединяет людей, собранных вместе ради одной задачи, которая может быть различной.

Из этого определения вытекают два закона:

- именно задача, которую нужно осуществить, определяет характер и смысл малой общины “команды”;

- чем задача выше, величественнее, неизменнее и чем сильнее она объединяет, тем больше у малой общины “команды” шансов сформироваться правильным образом.

Когда задача, которую необходимо выполнить, – это установление Царства Божьего, то именно она служит связующим цементом и объединяет членов миссионерской малой общины. Вспомните, как Иисус в первый раз посылал апостолов “по двое” возвещать Благою Весть. Если мы сегодня собираемся вместе в миссионерскую малую общину, то делаем это для того, чтобы помочь нашим братьям встретить Иисуса Христа в Церкви.

Как говорит Брюс Кенрик, “чтобы вернуть единство сломленным²⁴¹ людям, нужно прежде всего свидетельствовать о единстве в своей собственной жизни”.²⁴² Уже Сам Иисус говорил Своим апостолам: “Будьте одним целым, чтобы мир видел, что Я был послан... Будьте одним целым, как Мой Отец и Я, Мы – одно целое”. В этом – весь смысл миссионерской малой общины.

Миссионерская малая община распространяет вокруг себя то основополагающее единство апостолов, которое она несёт в себе. Она сможет изменить окружающих людей, поможет Церкви зародиться и пускать ростки, принесёт присутствие Господа. Миссионерскую малую общину можно назвать таинством апостольства... Но что есть Церковь? Община верных, организованная наподобие семьи, это дом, семья Бога живого. Павел пишет Тимофею, давая ему указания по организации христианских общин и руководству ими: “Ты будешь знать, как поступать в доме Божьем, который есть Церковь Бога живого” (1 Тим. 3,15).

В этой Церкви, в этой семье Бог есть Отец и Глава. У каждого члена есть своё определённое место и свои обязанности. У него есть отношения непосредственно с Главой семьи, а также с другими членами. Христиане породнились друг с другом и с Богом: “Вы больше не чужие..., вы – сограждане святым, вы – семья Бога” (Еф. 2,19).

Что такое Церковь? Это “люди дома Веры”, или, говоря иначе, “люди дома Божьего”.

Кто-то писал²⁷: “Нужно определить постоянное место божественного присутствия как дом. Это получается само собой, как только верные собираются для священных служб в каком-то

помещении. Оно может быть временным, как те различные места, в которых когда-то находился Ковчег завета, или неизменным – в каменном храме, как в Иерусалиме”.

Но святой Павел, очевидно, имеет в виду не только святилище, созданное человеческими руками. Он хочет описать сообщество верующих: “Это мы – Храм Бога живого” (2 Кор. 6,16).

Именно понимая Церковь, как семью Бога, следует смотреть на миссионерскую малую общину. Миссионерская малая община – это небольшая семья, очаг¹⁷⁰ дружбы, в ней братья живут любовью Божьей, это сплочённая группа людей, составляющих, образно говоря, “ядро” милосердной любви¹⁹, цель которой – помогать созиданию Церкви вокруг неё.

Мадлен Дельбрель говорила о миссионерской малой общине: “Это мужчины и женщины, которые приняли решение взять на себя ответственность за совместное выполнение задачи, поддерживая друг друга, и которые полны решимости идти по этому пути столько, сколько хочет Иисус”. Миссионерская малая община может быть инструментом апостольства только, если она станет школой милосердной любви. Она заставляет нас сбросить все наши маски: перечитаем, например, знаменитый текст святого апостола Павла о любви (1 Кор. 13), заменяя слово “любовь” на “ миссионерская малая община”. Результат получится удивительный.

Смысл существования миссионерской малой общины – в том, чтобы в ней жил Господь. В миссионерской малой общине мы стремимся к Богу вместе, чтобы Он присутствовал посреди нас и чтобы мы затем, – возвещая Его присутствие и живя милосердной любовью, – помогли другим людям встретить Его. Именно любовь Божья порождает в нас общение с Лицами Пресвятой Троицы и общение с нашими братьями.

Наконец, миссионерская малая община позволяет нам достичь единства и сохранять стойкость и долготерпение, необходимые для этого, когда мы учимся смиренно встречаться с противодействием и принимать ограниченность наших собственных возможностей.

Чему учит Писание

Если мы перечитаем Писание, то с очевидностью убедимся в том, что замысел Божий – это всегда замысел коллективного спасения, но он осуществляется через призвание ограниченной группы людей. Именно так Бог избирает сначала Авраама и его род, затем Израиль, затем колена Иудино, затем дом Давида. Подобным же образом, во время изгнания Бог избирает “малый

остаток”, затем пророков. Наступает заря Нового Завета, и Мария вместе со Своим супругом Иосифом получает призыв; затем совершается призвание Двенадцати.

Это же относится и к нам. Если в нас нет этой глубокой убеждённости в нашем призвании, мы не сможем преодолеть изнурение, постепенное истощение сил, которое вызывает жизнь в миссионерской малой общине.

Основополагающий образ христианства не индивидуалистичный (одиноким человек перед Богом), а коллективный: всё человечество призвано разделить с Богом Его жизнь. “И Слово стало плотью и поставило Свою скинию среди нас”. Благодать Воплощения предназначена человечеству, всему творению целиком. Когда Слово стало плотью, образуется прочная всеобщность и целостность. “Спасаться нужно вместе”, – писал Шарль Пегги.

Иисус даёт нам Своего Духа, одного и того же для всех; даёт нам Свою Матерь – одну для всех; один и тот же Хлеб, Своё Тело, отданное за всех. Из всех народов Он делает одно тело: Своё собственное. Он создаёт одну Церковь, в которой каждый человек есть живой камень, но это единое здание с единой структурой. У всех овец стада есть один-единственный Пастор, и они ожидают, что будет одна овчарня. И, в конечном счёте, Иисус умирает ради того, чтобы “собрать в единстве рассеянных детей Божьих”. Благодаря Христу путь единства вновь обретён, даже если необходимо идти по нему каждый день, постоянно. Святая Тереза Младенца Иисуса пишет:

“Истинная милосердная любовь заключается в том, чтобы терпеть все недостатки ближнего, не удивляться его слабостям и учиться у его наименьших добродетелей... Я никогда не смогу полюбить моих сестёр, как любите их Вы, если Вы Сами не наделите меня Своей любовью к ним”.

А монсеньор Барон^а сказал:

“Жизнь миссионерской малой общины – это школа любви, подобной любви Бога, совершенно безвозмездной, совершенно щедрой, исходящей только от Него”.

Ибо, если миссионерская малая община есть школа милосердной любви, она есть также и школа терпения в двух смыслах: уметь ждать и уметь терпеливо переносить страдания. Призыв Бога разделить вместе одну судьбу сближает жизни и соединяет сердца, но он не изменяет характеров, которые остаются такими, как есть. Мы так хорошо чувствуем то, что должны нам, и так мало чувствуем то, что мы должны другим людям. У нас так много снисходительности к самим себе и так мало её по отношению к другим людям. Морис Блондель пронизательно заметил:

^а Те, кто прочитал мою книгу “Словно видя Невидимого”, знают всё, чем я обязан этому моему другу. Он был крестником Леона Блуа, ректором Семинарии запоздалых призваний в Фонгомбо, затем стал ректором Центра св. Людовика французского, находящегося в Риме.

“Суровость наших суждений о других людях обычно объясняется тем, что мы считаем, что мы сами поступаем в жизни, на практике, безупречно, а то, как поступают другие люди, считаем их идеалом, который они не могут превзойти”. Никогда нельзя забывать предостережение святого Иоанна: “Если кто-то говорит: “Я люблю Бога”, а брата своего не любит, то он лжец”.²⁴³

Короче говоря, если мы действительно рассматриваем миссионерскую малую общину, как особенно благоприятный инструмент апостольства и как частицу Царства Божьего, нам необходимо выработать в себе два качества. Нам нужно ясно видеть и очень высоко ценить то, что осуществляет миссионерская малая община (весьма несовершенным образом) по замыслу Божьему. О малой общине можно сказать то, что святой апостол Павел говорит о супружестве: “Эта тайна велика: я заявляю, что она имеет отношение ко Христу и Церкви” (Еф. 5,32). Но в то же время нам нужны очень скромные добродетельные качества. Только они позволят нам ежедневно осуществлять этот идеал малой общины в конкретной жизни. Итак, нам нужно научиться смотреть с большой любовью и иметь “малые” добродетельные качества.

Миссионерская малая община как образ Троицы

Пресвятая Троица... Три Ипостаси²⁴⁴ в полном и спаянном единении. Связь, общение без границ, которое, тем не менее, не стирает различий между Ипостасями и Их взаимоотношениями в лоне Троицы: Отец не есть Сын, Сын не есть Дух²¹⁷. Внутри Троицы течёт поток “семейной жизни” необычайной интенсивности, которая сияет и изливается вовне, стремясь дарить себя.

Подобным же образом живёт миссионерская малая община. Она живёт как единый, сплочённый дом¹⁷⁰, как семья. Но она вовсе не замыкается сама на себя, она умеет открываться навстречу всем людям, чтобы помочь им испытать ту же радость, которую переживает она сама. Её радость? Скорее, радость Христа. В этом смысле жизнь миссионерской малой общины – это первая клеточка Мистического Тела. Нам необходимо вновь обрести всю силу того, что хотел сделать Христос. Ибо Троица – не только совершенный образец для подражания: Она изливается в нас, Она позволяет нам жить общинной жизнью, уподобляясь Ей.

Мы можем предчувствовать тайну миссионерской малой общины только в той мере, в какой мы будем убеждены в тайне соединения Христа и людей. Здесь нужно полностью процитировать, ничего не опуская, замечательный текст святого Августина о “Теле Христовом”^а:

^а Цитируется в “Мистическом Телe Христа” П. Мерша, том II; стр. 88 и след.

“Что есть Церковь? Тело Христово. Добавьте к Нему Главу, и Оно станет целым человеком. Тело и Глава – это единый человек. А кто Глава? Тот, кто был рождён от Девы Марии. Кто же есть Тело? Его Супруга, то есть Церковь. И Отец пожелал, чтобы вместе они образовали одного единого человека: Христос-Бог и Церковь.

Во Христе все люди суть один единый человек, и единство христиан образует только одного человека.

И этот человек – все люди, и все люди – этот человек; ибо они все – одно целое, потому что Христос один.

О Тело Христово, святая Церковь; о народ Христов, Тело Христово, о святой путник, ты принадлежишь не земле, ты принадлежишь небу.

О Тело Христово, так в чём же твоя надежда? О Христос, Ты восседаешь на небесах, но в Твоих членах Ты всё ещё страдаешь на земле...

О вы, о ты, о вы все, образующие только одно целое!

О человек, сплочённый воедино, что делаешь ты на земле и какие добрые дела должен ты совершить в Церкви?

Когда по вере человека Христос обитает в его сердце, благодаря молитве верующего Христос овладевает им, и он становится единым Христом, завершённым, Главой и телом, и во всех пребывает Он один.

Ибо наш Господь Иисус Христос, как целостный и совершенный человек, есть глава и тело. Его Тело есть Церковь. Не только Церковь, которая находится здесь, но Церковь, которая здесь и по всей земле; и не только Церковь, которая живёт сейчас, но Церковь от Авеля до тех, кто ещё родится до конца мира и поверит во Христа, весь народ святых, образующих один-единственный город. Этот город есть Тело Христово... И Христос – это именно такой всеобъемлющий и вселенский Христос, единый с Церковью...

Возрадуемся и возблагодарим Бога: мы не только стали христианами, мы стали Христом. Понимаете ли вы, братья мои, постигаете ли вы благодать Божью, которая простирается на нас? Дивитесь, радуйтесь, мы – Христос. Если Он – Глава, то мы – члены, а целый человек – это Он и мы.

Это было бы безумной гордыней, если бы это не было даром Его благодати. Но Он Сам обещал это через Апостола: “Вы, вы есть Тело Христово и его члены” (1 Кор. 12, 27) ”.

Святой Августин – не богослов и не кабинетный богослов. Он был основателем христианских общин, и Устав, который он оставил, вдохновил многочисленные монашеские семьи.

И в своей “Исповеди” Августин даёт описание малой общины²⁴⁵, которое могло бы показаться слишком идиллическим, если бы его уверенность в единстве Тела Христова не сделала возможным его осуществление:

“Совместная молитва²⁴⁶, но также общая беседа и веселье, взаимное уважение и благожелательная услужливость, совместное чтение сладкоречивых книг, совместные забавы и совместное занятие чем-то серьёзным, порою беззлобные дружеские размолвки без враждебности, какие бывают у человека с самим собой, использование этих редких разногласий для сдабривания – как добавляют соль и приправу в пищу – привычного согласия; взаимное обучение, когда один учит другого и, в свою очередь, у него учится, нетерпеливое сожаление, когда кто-то отсутствует, радостная встреча прибывших. Эти проявления любящих и любимых сердец – в лице, в словах, в глазах, в тысяче милых выражений и поступков – подобны пище, готовящейся на домашнем очаге, на огне которого души сплавляются вместе, образуя из нескольких одну”.^a

В конечном счёте, жизнь миссионерской малой общины имеет две стороны. Прежде всего, как и всякое призвание, она есть ответ на призыв Бога. Иисус говорит: “Не вы Меня избрали, но Я вас избрал”. Поэтому наше решение – продолжать ли нам участвовать в малой общине или перестать – не может зависеть от нашего хорошего настроения или от нашего достаточно большого удовольствия. Бог никого не призывает к изолированности, даже отшельника. Он призвал нас трудиться и жить вместе, в малой общине, чтобы каждый знал и любил всех, внося свой вклад.

Но жизнь в малой общине – это также свободное и осознанное дарение себя другим людям ради общей цели. Эта цель есть Царство Божье. И всё, что нарушает единство миссионерской малой общины, нарушает само Царство Божье.

Тертуллиан цитирует слова, которые ранняя традиция приписывала Христу:

“Если ты встретил твоего брата, ты встретил твоего Бога.

Где собралось двое, там они не без Бога”.

2. Значение и необходимость миссионерской малой общины сегодня

Миссионерская малая община – это путь, возможное и реальное разрешение противоречия, которое сейчас терзает человечество.

^a Св. Августин “Исповедь”. Книга IV, глава 8, параграф 13.

Действительно, оно разрывается между двумя противоположными стремлениями, между которыми оно колеблется и не может обрести равновесие. С одной стороны – это индивидуалистическое стремление утвердить своё “я”, стремление к личному развитию и расцвету, к независимости и к свободе каждого человека. С другой – коллективистская тенденция, с её гнетущим обезличиванием, которое постоянно нарастает и в котором погибает жизнь огромного числа людей. Можно с уверенностью утверждать: драма современного человечества заключается в этом напряжении между отстаиванием своего “я” и поглощением, исчезновением в безликом “мы”.

Тем не менее, человеку, несомненно, присущ индивидуализм. Человек – свободная и самостоятельная личность, он не есть средство для достижения какой-то цели; у него есть своё “я”, которое ему нужно отстаивать. Я – цель исключительно для самого себя: в этом утверждении, несомненно, есть доля истины. Но верно также и то, что это стремление к отстаиванию своего “я” часто вырождается в отрицание другого человека. Самоутверждение часто оборачивается желанием подчинять себе. И человек при этом погружается в субъективизм.

С другой стороны, коллективизм основывается на природе человека. Каждый из нас всем своим существом укоренён в человечестве. Нам нужны все другие люди. Откуда берётся шерсть, из которой сделана наша одежда? Из Австралии. А кофе, который мы пьём? Его выращивают в Бразилии или в Африке. Не говоря уже о работе учёных, средств информации и т. д. Человеческая личность формируется и существует только в обществе.

Итак, две противоположные силы борются за влияние на жизнь человека. Как же они будут сочетаться? Ослабляя друг друга, подобно двум локомотивам, тянущим в разные стороны? Конечно же, нам нужно предложить людям что-то получше.

Можно, пожалуй, сравнить человечество с лесом. Деревья растут из земли, в которой их корни переплетаются так, что их не разъединишь, – это коллективная сторона. Но в то же время ствол и ветви каждого дерева направлены к небу и не спутываются с соседними деревьями – это индивидуальная сторона. Однако прорастание корней вглубь и вытягивание ветвей вверх вызвано одним и тем же движением жизни. Что же конкретно сделает человек, с его социальностью и индивидуальностью, для защиты и сбережения своих социальных корней и индивидуальных ветвей?

Только Иисус может дать приемлемый ответ на этот вопрос. Действительно, Он говорит нам: “Вы – сыновья Божьи”. Если отдельная, неповторимая личность живёт как сын Божий, то её жизнь имеет такую глубину, какой не достигает никакая другая жизнь. Источник жизни каждого человека

и образец для подражания – в жизни Самой Пресвятой Троицы. “Мы уже теперь дети Бога, а какими мы будем, это ещё не открыто... Когда это откроется, мы будем подобны Ему, потому что увидим Его таким, каков Он есть” (1 Ин. 3, 2). В этом заключён поистине личный и особенный призыв: каждый из нас будет изменён и станет поистине подобным Богу.

Об этом стоит размышлять почаще, особенно в те грустные дни, когда говоришь себе: “Ну и странный же ты чудака, ... бедняга”. Это правда, я – бедное и неприятное создание, не оправдывающее Божьих ожиданий. Но я призван стать Богом. И в этом призвании моё “я” обретает исключительное качество, абсолютную самостоятельность. Да, я – самостоятельное существо: я укореняюсь прямо, непосредственно в Боге.

Но вместе с тем, будучи одним целым со Христом, все люди становятся одним целым. Мы не только “подобны” братьям, мы в самом деле братья. Это божественная тайна¹³ Мистического Тела. Мы – одно тело. Я – одно целое со Христом, но тем самым я пребываю в бесконечно глубоком единстве со всеми людьми.

Иисус не говорит нам, как говорит Маркс: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Он говорит гораздо больше: “Все вы – одно, божественное единство”. Эта истина должна стать для нас насущной реальностью⁴⁰ нашей жизни, тогда миссионерская малая община обретёт всё своё достоинство и силу. Поскольку христианин – член Христу, его внутренняя личная жизнь приобретает божественную глубину; поскольку он – член Христу, он также связан и спаян с жизнью всех других людей. Только эта мистическая реальность⁴⁰ может вновь соединить великие стремления и великие чаяния современного человека и исполнить их.

Итак, в истинной миссионерской малой общине – словно на рабочей площадке – без фанфар и барабанного боя, без шумихи и без идеализма ежедневно живут и действуют эти две силы – индивидуального своеобразия и солидарности во Христе...

Агапе изо дня в день

Милосердную любовь, “агапе”, дал нам Христос. Она включает в себя отношения с Богом и с ближним. Углубление нашего познания и чувствования²⁰⁷ Бога и потребности в нашем единении с Ним образует закваску, которая нужна для совместной жизни общины. Образно говоря, одиночество и общение призывают друг друга и просят нашего согласия жить ради другого человека. Живя в миссионерской малой общине я соглашаюсь жить ради блага²⁰⁸ другого, и имя

этого “другого” может быть: Бог, или Пьер, или Жан, или Поль. В любом случае мне необходимо отказаться от абсолютной самостоятельности и независимости и согласиться впустить в мою жизнь “другого”: Бога или ближнего. При этом каждый член малой общины сохраняет свою индивидуальность.

Жак Маритен в течение многих лет переживал опыт малой общины в своей семье – вместе с женой Раисой и её сестрой Верой. Он рассказывает об этом в своих воспоминаниях; этот отрывок можно озаглавить: “Одиночество и общение”:

“Я думаю, иногда ошибочно полагают, что единство христианской общины отменяет то, что невыразимо и непередаваемо, и что это единство следует представлять себе подобным единству некоего туристического лагеря с набожными обитателями, и образ этого единства – стоящая на общем столе большая супница, дымящаяся горячими парами семейной радости. И она наполнена излияниями каждого, предположительно, отдавшего в неё от себя всё.

Наш опыт был совсем иным!

Я не думаю, что когда-либо между тремя человеческими существами было более тесное и глубокое единение, чем единение, существовавшее между нами. Каждый был открыт навстречу двум другим с полной искренностью. Каждый был чрезвычайно чувствителен к двум другим и был готов всё отдать ради них. Образно говоря, наша жизнь поддерживалась единым дыханием.

Тем не менее, не только личная индивидуальность каждого сильно отличалась от индивидуальности двух других и не только каждый питал священное уважение к свободе двух других, но в глубине этого чудесного союза любви, созданного благодатью Божьей, каждый сохранял невредимым своё одиночество. Какая божественная тайна¹³! Чем сильнее мы были соединены, тем самостоятельнее каждый шёл по своему пути; чем больше каждый нёс на себе бремена двух других, тем самостоятельнее каждый нёс своё собственное бремя. Так что единство малого стада с годами только укреплялось, а одиночество каждого только углублялось в то же время, которое, по правде говоря, было порой жестоким. Таким было участие Бога в нашей жизни. Скажу ещё только, что обе сестры были очень скрытны и замкнуты, каждая по-своему. Раиса скрывала свои духовные сокровища и свои трудности в блеске ума и изяществе крылатых слов. Вера же таила их в молчании, скрывавшем доброту, живость принцессы и мечты искреннего и отважного духа. Одиночество Раисы было одиночеством необычайно чуткого и нежного поэта. Она видела и ценила красоту мира и в то же время на своём опыте познавала смысл креста; она целиком отдала себя созерцательной жизни и жертвенной любви.

Вера была созерцательницей, но “переодетой” в сестру милосердия, в жизни она была духовно очень сильной и сострадательной по отношению к скорбям людей. Иисус нежно принял её на Свою трапезу.²⁴⁷

А моё собственное одиночество? Похоже, это было одиночество неловкого водолаза в скафандре, который продвигается вперёд, как умеет, среди обитателей подводного мира – несвободных истин и злых духов времени. Невозможно до конца узнать, какое чёрное уныние и какое отчаяние могут искушать философа по мере того, как он погружается в познание самого себя и бедственного положения людей в этом мире. Здесь внизу, на земле, он обретёт, наконец, покой только в ночи, если в этой ночи, – которая ближе к Богу, чем день, и в которой также больше опустошения и скорби, – его ведёт, как слепого, невидимая рука, которую он любит” (Записная книжка, 1961).

В 1963 году протестантские Церкви Франции собрались вместе, стремясь к достижению единства между собой. В своей речи, обращённой к делегатам этого Синода, пастор Шарль Вестфаль говорил о божественной тайне¹³ Церкви и об искушениях на пути к единству:

“К какому единству мы стремимся? И какую роль в этом стремлении должна играть Федерация? Нас всегда подстерегают три искушения:

- искушение достичь единства, которое было бы обеспечено строгим единообразием церковного управления и авторитарным руководством. До Второго Ватиканского собора это можно было бы назвать римским искушением;
- искушение достичь единства, которое было бы обеспечено буквальным подчинением какому-то исповеданию веры или некоторым отдельно взятым высказываниям из Писания. Я позволил бы себе назвать это сектантским искушением;
- искушение достичь федеративного единства, которое не связывало бы нас строгими обязательствами и позволяло бы нам в случае необходимости защищаться друг от друга; это искушение добросовестного протестантизма.

Цель нашего Собрания – одна Церковь для человечества. Сможет ли оно направить нас так, чтобы мы преодолели все наши искушения?

Будем помнить, что единство Церкви есть божественная тайна¹³ – тайна Тела Христова, и мы – члены этого Тела. Эта божественная тайна может быть воспринята только в Вере, и её нужно переживать только в Вере. Единство создаётся и поддерживается не силой организации, какую бы форму она ни принимала, но свободным согласием верующих, прислушивающихся к велениям Святого Духа, братским послушанием верующих тому призванию, которое они признают своим

общим бытием. На этом пути нам будут даны – когда и как Господь этого захочет – структуры, необходимые для выражения и проявления нашего единства. Эти структуры всегда будут недостаточными, вторичными и временными; окончательная структура будет только в Царстве Божьем. Но Богу угодно, чтобы, пребывая в активном, трепетном и радостном ожидании грядущего Царства, мы вместе несли окружающему нас миру не только Слово Примирения, но и показательное и пророческое свидетельство этого Примирения”.

3. Добродетели миссионерской малой общины

При размышлении о добродетельных качествах, необходимых для жизни миссионерской малой общины, лучше всего воспользоваться советами святого Франциска Сальского^а.

Для него, прежде всего, имеют значение “скромные” добродетельные качества:

“Каждый человек хочет иметь очевидные, яркие и заметные добродетели, чтобы они были, образно говоря, прикреплены к самой вершине Креста, чтобы люди видели их издалека и восхищались ими. И мало кто стремится взрастить в себе добродетели, которые, подобно тимьяну и богородичной траве, растут у подножия и в тени этого древа жизни. А между тем именно они – самые стойкие и благоуханные и политы Кровью Спасителя, учившего христиан прежде всего следующему: “Научитесь у Меня, ибо Я кроток и смиренен сердцем””.

Женевский епископ убеждён, что смирение и милосердная любовь неразрывно связаны:

“Итак, усердно продолжайте сдерживать ваше мужественное упорство смирением и воодушевлять его милосердной любовью... Хорошо усвойте этот урок, ибо это единственный урок нашего Владыки и Учителя: “Научитесь у Меня, ибо Я снисходителен и смиренен сердцем”.

Для упражнения в добродетелях нет нужды старательно думать обо всех добродетелях. Смирение и милосердная любовь, образно говоря, – это главные связующие канаты; все остальные добродетели к ним привязаны.

Кротость и смирение – основа святости.

Смягчайте постепенно пылкость и живость вашего духа, приучая его к терпению, кротости, смирению и приветливой любезности среди глупостей, ребячливости и несовершенства сестёр.

Будем возвращать в себе некоторые малые добродетельные качества, подходящие для нашей малости. Будем соразмеряться с нашими небольшими возможностями.

^а Читайте, например: св. Франциск Сальский “Сверхъестественное равновесие, отрывки из писем”, изд. Витт, особенно глава 3.

Советую вам сохранять кроткую и искреннюю любезность, которая никого не задевает и оказывает услугу каждому человеку, которая стремится более к любви, чем к почёту, которая не подсмеивается в ущерб другому человеку...”

Несомненно, иногда следует сделать кому-то и замечание, но нужно уметь делать это правильно: “Тот, кто предупредит своего ближнего с “благословенной нежной кротостью”, будет самым совершенным подражателем нашему Господу. Всегда делайте выговор кроткими и мягкими словами от доброго сердца.

Только умоляю вас – поскольку эта дверь (изменения) узка и в неё трудно пройти – прилагать старание и терпение, чтобы вести через неё всех ваших сестёр одну за другой, ибо я не думаю, что получится провести их целой толпой и быстро, если вы захотите это сделать. Одни идут быстрее, другие – медленнее. Нужно быть внимательным с пожилыми, они не могут так легко приноравливаться, они не податливы, ибо нервы их души, как и нервы их тела, уже сократились”.

Проникнемся убеждённостью в том, что возвращение этих скромных добродетельных качеств абсолютно необходимо для жизни миссионерской малой общины. На практике это требует непрестанных усилий. Не так уж легко жить в малой общине в единомыслии и солидарности! Например, нужно остерегаться того, чтобы действовать слишком мало, или слишком много, или “вне” основного назначения общины. Другими словами, хороший участник малой общины не пассивен, не головотяп, не независим. Других людей нужно “познавать” – в глубоком, библейском смысле этого слова. Нужно научиться работать вместе, ценить друг друга, открывать харизмы каждого, чтобы никакой талант не остался заброшенным. Наконец, нужно постараться во всём созидать радость и счастье.

Было бы серьёзным заблуждением сказать себе: “Малая община – не такая, какой она должна бы быть”, и на самом деле даже не пытаться стать такими, какими мы должны быть. Не следует ожидать того момента, когда малая община станет совершенной и сформировавшейся, чтобы уже тогда полностью приниматься за дело, отдавая себя ей и её миссии. Малая община отдаёт только то, что получает.

Закон миссионерской малой общины – это закон Евангелия: “Тот, кто теряет, приобретает...” “Тот, кто не отказывается от всего, чем обладает, не может быть Моим учеником”.

Умейте не быть тем “одиноким всадником”, который приходит, уходит, делает то, что хочет, когда хочет, никого не спрашивая и ничему не подчиняясь. Умейте не быть “недотрогой”, к которому нельзя прикоснуться, не вызвав целую драму; умейте не быть резонёром и болтуном, которому

будто нравится говорить, спорить, возражать, быть несогласным с другими; умеете не быть упрямым, который неустанно возвращается к одной и той же теме.

И никогда не забывайте о сигнале тревоги: тот, кто перестаёт говорить “мы” и начинает говорить “они” или даже говорит об “общине”, ставит себя вне малой общины.

Трудности? Конечно же, они есть, и они самые разные. Когда они возникают, нужно прежде всего быть бдительными в отношении сплетничающих “кумушек”. Как и в семье, трудности малой общины должны рассасываться внутри общины, и о них не нужно всё рассказывать людям вне общины, даже если они настроены доброжелательно. А ещё нужно иметь достаточно мудрости, чтобы не драматизировать ситуацию, чтобы учитывать реальные обстоятельства. Наконец, никогда не следует забывать то, что советует Писание:

“Милосердная любовь покрывает множество грехов...”

“Солнце да не зайдёт во гневе вашем”.

Добавим ещё последнее предостережение, которое касается всей малой общины в целом: по отношению к другим малым общинам, к церковному приходу, к монашеской Конгрегации, к Церкви малая община должна уметь оставаться закваской. Она не должна превращаться в гетто. Она не должна быть “комком” в тесте. Такое искушение угрожает именно наиболее благополучным малым общинам. Мы едины, мы все думаем одинаково, нам хорошо быть вместе, ... и, наконец, мы начинаем думать, что мы можем не искать общества других людей, что мы обладаем истиной. Вместо того, чтобы заквашивать тесто Церкви, мы становимся “комком”. Подобно крови, которая сохраняет свою текучесть внутри тела, малая община не должна быть тромбом внутри мистического тела.

Миссионерская малая община не может быть самоцелью: она – всего лишь средство, инструмент апостольства. Никогда нельзя терять из виду созидание Царства Божьего. Миссионерская малая община также должна быть готовой к служению и проявлять самоотверженность, подобно каждому из её членов. И это далеко не самое лёгкое!

Притча о плодах

В заключение этих размышлений о миссионерской малой общине я предлагаю вам притчу. Мы подобны плодам. Однако плоды могут быть вместе различным образом.

Есть плоды, растущие на своём дереве. Каждый из них получает свою порцию солнечного тепла и света: “каждый для себя, а Бог – для всех”, – говорится в поговорке. Это состояние разобщённости, без единства. Иисус говорил: “Если зерно (и плод) не умрёт, оно останется одно”. Есть плоды, сложенные в кучу в корзину. Корзина с фруктами – это красиво по-своему. Но каждый плод остаётся самим собой и просто находится рядом с другими. Они сосуществуют более или менее мирно и спокойно, но единственная форма их единства – вмещающая их корзина.

Есть плоды, которые пропустили через миксер, чтобы выдавить сок. При этом каждый плод потерял свою собственную самобытность. Это полное единство, но без разнообразия. Все отдают себя всем, но в растворе. Существа смешаны и слиты воедино, но они утратили свою индивидуальность.

Наконец, есть салат из фруктов. В этом случае есть одновременно сосуществование и единство. Каждый остаётся самим собой, не утрачивая своей индивидуальности, но с одним условием: плоды должны согласиться быть разрезанными на кусочки, и только самые маленькие (например, черешни) – то есть те, кто имеет достаточно смирения, – могут остаться целыми. Гармония, аромат, вкус целого происходят от добровольного смешения.

Эта притча может помочь нам лучше понять замысел Иисуса. На самом деле, Иисус не довольствуется тем, что видит нас живущими вместе, Он хочет видеть нас живущими как “одно целое”. Не достаточно только согласиться с тем, что мы все разные, и принять это разнообразие. Чтобы стать поистине единой малой общиной, нужно согласиться быть преображёнными Им.

Мы воссоединены, то есть соединены по-новому, это единство совершается благодаря новому сердцу, которое Бог вливает в нас. Миссионерская малая община – это *соединение заново во имя Иисуса*, даже ценой того, что мы позволим разрезать себя на куски...

“Во Христе вы, некогда далёкие, стали близкими... Ведь это Он – наш Мир, Он, сделавший из двух один народ; разрушивший разделявшую их преграду, чтобы из двух создать в Себе Самом одного нового человека” (Еф. 2,12-15).

Совместный пересмотр и изменение жизни

Совместный пересмотр и изменение жизни – это краеугольный камень жизни миссионерской малой общины. Это одновременно и что-то очень личное, и что-то очень общинное. Они

помогают осуществлять общее благо малой общины, освящать её. Каждый член общины и вся малая община в целом учатся всё более и более полно жить в присутствии Христа и Его Слова.

На каком уровне совершать совместный пересмотр и изменение жизни?

Совместный пересмотр и изменение жизни совершаются не на уровне психологии и не на уровне наших личных усилий достичь совершенства. Это не терапевтическое средство для освобождения от чувства неудовлетворённости и также не испытание совести, во время которого стремятся высказать, что в нашей жизни хорошо, а что плохо. Они совершаются на уровне веры. Их цель – позволить нам совершить переход от морализма к теологическим добродетелям. В самом деле, благодаря пересмотру и изменению жизни мы стараемся оживить в себе дух веры, надежды и любви, и мы учимся смотреть на самих себя, как на людей, в которых живёт Бог.

Пересмотр и изменение жизни есть совместное предстояние перед Богом, ибо мы знаем, что только взгляд Бога придаёт смысл нашей жизни, когда Бог смотрит на нас, обнимая Своим милосердием и нежностью. Так, когда евреи были в пустыне, они постигли смысл своей жизни, осознав, что только Бог может их спасти.

Совместный пересмотр и изменение жизни – это усилие, старающееся превзойти поверхностный человеческий взгляд, чтобы мы предстали пред взором Божиим, чтобы помочь нам стать тем, к чему призывает нас Бог.

Совместный пересмотр и изменение жизни в малой общине, в христианском центре или в семье¹⁷⁰ есть литургическое действие, смиренная мольба, обращённая к Святому Духу, состояние созерцания всего того, что составляет наше существование, требующее обращения к Богу и изменения нашей жизни.

От сеятеля до Эммаусских путников

Хорошо начать с Притчи о Сеятеле (Мф. 13,3-8). Иисус говорит нам, что семя – это Слово Царства; почва, на которую падает это семя, – это мы. Но эта притча может распространяться как на нашу личную жизнь, так и на жизнь малой общины, которая есть то поле, где Слово призвано укорениться и принести плоды.

С этой точки зрения совместный пересмотр и изменение жизни можно рассматривать как усилие, совершаемое всеми для того, чтобы в самых различных обстоятельствах семя-Слово падало в

такую землю, где оно сможет приносить плоды. И при совместном пересмотре жизни мы спрашиваем самих себя: какую почву представляю я для Слова? И какую почву представляем мы вместе? Обратите внимание, что эти вопросы задаются в настоящем времени. Недостаточно спрашивать себя: какой почвой я был вчера или позавчера? Важен сегодняшний день. Действительно, вчера я мог быть хорошей землёй, хорошо обработанной и плодородной, а затем я стал засыпанным мелкими камнями... И наоборот, может быть так, что вчера я был захвачен колючим кустарником, но разгорелся огонь, и вот сегодня я лучше подготовлен к тому, чтобы воспринять семя-Слово.

Но Евангелие даёт нам живой и конкретный пример совместного пересмотра и изменения жизни: это встреча Иисуса с путниками на дороге в Эммаус (Лк. 24).

Путники находились под впечатлением от события, в которое они были вовлечены: встреча с Иисусом из Назарета, “сильным пророком”. Но иудеи предали Его смерти. Из-за этого несчастья путники упали духом и потеряли всякую надежду.

Они встречают Господа, не узнавая Его, и рассказывают Ему об этом событии. И тогда Иисус побуждает их совершить совместный пересмотр и изменение жизни.

Он начинает с того, что упрекает их в маловерии: “Бестолковые, медленно соображающие, чтобы верить...” Когда мы начинаем совместный пересмотр и изменение жизни, лучше не бросать такой упрёк нашему брату, но хорошо сказать самим себе, что мы “бестолковые, медленно соображающие, чтобы верить в то, что возвестили пророки”. Действительно, мы хорошо видим событие, которое оказывает на нас воздействие, но мы не умеем увидеть его в свете Евангелия: “Разве не должен был Христос претерпеть эти страдания, чтобы войти в славу?”

После этого Иисус напоминает им обо всех вмешательствах Бога в жизнь Своего народа, которые были в прошлом, обо всех чудесах, которые Он сотворил для него. Он помогает им увидеть и осознать, каким образом Он, Иисус, есть высшая цель, конечный смысл всех этих событий.

Какой же был результат этого пересмотра жизни? Послушаем самих путников: “Не горело ли наше сердце от любви, когда Он говорил с нами по дороге? ...” И они возвращаются в Иерусалим, чтобы возвестить другим ученикам то, что они увидели и услышали.

Итак, само Евангелие показывает нам, *из чего складывается* пересмотр и изменение жизни. Действительно, в этом рассказе мы находим:

- событие;
- это событие рассматривается в свете пророков и Писания;
- переход от состояния краха и уныния к объяснению смысла этой ситуации;

- возобновление деятельности.

Совместный пересмотр жизни – это прояснение нашей жизненной ситуации в свете Евангелия. Мы соотносим нашу жизнь с замыслом Бога – не для того, чтобы привести всё в порядок, не для того, чтобы придумать план действий для достижения какой-то цели, не для того, чтобы объединить людей в какую-то группу, но для того, чтобы осветить нашу жизнь светом, который Бог дал нам в Евангелии Иисуса Христа. Пересмотр жизни не может быть простым обменом мнениями или даже новыми идеями. Это обновление внутреннего зрения: чтобы видеть “просветлёнными очами”, которые, как говорит святой апостол Павел, позволяют нам увидеть, “какую надежду открывает перед нами призыв Христа, какое богатство славы заключено в Его наследии, которое получают святые, и какое необычайное величие Его силы в нас, верующих...” (Еф. 18-19).

Ложные и истинные пересмотры жизни

Слово “пересмотр” происходит от латинского “revisere”, которое означает “увидеть снова” или, скорее, “вернуться, чтобы посмотреть”. То есть речь идёт о том, чтобы “возвратиться посмотреть” на происходящее, на события. Но не довольствоваться тем, чтобы просто рассматривать их, перебирая одно за другим, а суметь увидеть их по-новому, новым взглядом. Именно к этому подводит Иисус Своих учеников, когда говорит им: “Вам было сказано..., а Я говорю вам...” Истинный пересмотр жизни совершается именно в тот момент, когда мы слышим, как Иисус говорит нам: “А Я говорю вам...”

Это новое видение затрагивает меня лично и людей, с которыми я живу в малой общине, и не имеет отношения к ситуациям общего преходящего порядка.

Вспомните историю с наследством, которую рассказывает св. Лука в своём Евангелии:

“Один человек из толпы сказал Иисусу: Учитель, скажи моему брату, пусть разделит со мной наше наследство! Он ответил ему: Друг Мой, кто поставил Меня судить вас или разбирать ваши тяжбы? И затем Он обратился ко всем: Смотрите, берегитесь жадности...” (Лк. 12, 13-15).

Вы видите: Иисус отказывается быть вовлечённым в преходящую ситуацию, затем Он возвращает слушателей к истинной цели, проясняя личные ситуации. Иисус всегда обращает Свой взор именно на людей!

Очень важно уметь различать. Если мы забываем об этом, то подвергаемся опасности совершить наихудшие ошибки и полностью извращаем пересмотр жизни.

Послушайте, к примеру, историю, рассказанную аббатом Марешалем, одним из основателей организации “Молодые рабочие-христиане” в Швейцарии, затем – Католического рабочего движения. Он знает то, о чём говорит:

Тяжело раненный человек умирал в больнице. Товарищам, которые пришли его навестить, он пожаловался, что ему больше не меняют повязки. Один из его товарищей пошёл к медицинской сестре и сделал ей замечание. Она была перегружена работой и ответила ему резко: “А зачем? Ведь он уже не выживет!”

Это происшествие было упомянуто на собрании Католического движения во время пересмотра жизни. Было решено поговорить с начальником госпиталя. Но эта попытка не имела успеха. Новый пересмотр жизни, новое решение: пойти пожаловаться священнику. Но он отказался вмешаться. Во время нового пересмотра жизни один из членов группы приходит к такому заключению: “Если так, то я больше не пойду на мессу!”^а

Поистине прекрасный результат! Но чего недоставало во время этих пересмотров жизни? “Событие жизни” рассматривалось только извне. Его не старались рассмотреть “новым взглядом” Евангелия, члены группы немедленно приступали к действию. В конечном счёте, они занимались людьми только для того, чтобы “уладить дело”, тогда как следовало подумать о том, чтобы попытаться изменить сердце медицинской сестры, начальника, священника... и своё сердце – прежде всего.

В противоположность этому, посмотрите, как начинает действовать Христос при встрече с самарянкой. Она пришла к колодцу всего лишь набрать воды, и вот Иисус побудил её совершить полный пересмотр и изменение жизни. “Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе...” Он даёт ей почувствовать глубины её собственного сердца и Своего сердца. Это совсем другой уровень!

Не следует слишком быстро приниматься за дело. Важно то, как мы смотрим на людей. Нам нужно стараться обрести такой Божий взгляд на людей во время всех наших пересмотров жизни, если мы хотим, чтобы истина Евангелия, проникла в сердце человека.

^а См. книгу Альбера Марешала “Пересмотр и изменение жизни”, издательство движения “Католического действия” в романской Швейцарии, Лозанна, стр. 44.

В отношении пересмотра жизни следует перечитать множество текстов из Нового Завета. Например, послание Иакова (1, 19-26) или “молитву” Павла в его послании Ефесянам (3, 14 и след.).

И никогда не будем забывать об общинном измерении совместного пересмотра и изменения жизни. Если мы собираемся вместе в малую общину, то это для того, чтобы пережить встречу с Богом. А ведь именно совместный пересмотр и изменение жизни формируют тело малой общины:

“Малым Братьям необходима братская жизнь, которая может или иметь более строгую форму, или быть менее регламентированной. Однако следует хорошо запомнить, что братская жизнь имеет, образно говоря, тело и душу. Тело – это общность жизни, более или менее тесная, – общее жилище, общая трапеза, совместные молитвы. Душа – это духовная дружба, которая должна объединять братьев общим желанием помогать братьям и заботиться о них. Без этой взаимопомощи и дружбы совместная жизнь подобна мёртвому телу, и ничто не устранил негативных последствий этого.

Совместный пересмотр и изменение жизни подобны тому, как душу помещают в тело: совместный пересмотр, будучи проявлением совместной жизни общины, может занять первое место. Но у братской дружбы может быть склонность, не прилагая больших усилий, упразднить совместный пересмотр жизни под тем предлогом, что в течение дня уже было общение и совместные разговоры. Нужно и то, и другое: рамки братских отношений не должны быть слишком жёсткими, но вместе с тем необходимо, чтобы братья постоянно сохраняли принадлежность и сопричастность общине и были связаны друг с другом, образуя видимое тело. С другой стороны, если община образована монахами более опытными духовно, то желательно, чтобы устройство её тела не несло в себе тяжести и не подавляло её душу” (Рене Вуайом).

Как совершать совместный пересмотр жизни?^a

При наших пересмотрах жизни мы должны прилагать постоянные усилия для осуществления нескольких основополагающих ценностей. Необходимо:

^a Здесь я воспроизвожу заметки, опубликованные как приложение в первых изданиях “Дневника миссии среди рабочих” (изд. Cerf) и опущенные при переиздании этой книги в карманном формате (изд. Seuil, Livre de vie).

- стремиться ко всё большей правдивости и искренности: правдивость и искренность слов, которые мы произносим; истинность нашей жизни, которая должна соответствовать нашим заявлениям о том, какими мы хотим быть;
- стремиться смотреть на каждого человека как на личность, достойную внимания и уважения; смотреть на каждого человека в свете веры;
- стремиться к тому, чтобы наша незащищенная бедность¹² была подлинной; можно жить в бараке, но при этом не быть по-настоящему бедным, полностью зависящим от Бога.
- стремиться к тому, чтобы наша молитва была истинной, была поиском Бога, была постоянной, глубокой – как при личной молитве, так и при совместной церковной молитве.
- стремиться к тому, чтобы наша милосердная любовь¹⁹, наше целомудрие также были подлинными.

Посредством совместного пересмотра жизни мы смотрим на самих себя, прилагая к самим себе правила Евангелия. Мы применяем к себе слова Иисуса: “Идите со Мной и отдохните немного...”, так же как и притчу о строительстве башни: мы садимся вместе, чтобы посмотреть, способны ли мы построить эту башню. Когда речь идёт о Царстве Божьем, которое нужно созидать, вывод из этого времени размышления (как и вывод из притчи) заключается в том, чтобы “отречься от всего, чем мы обладаем, чтобы стать учеником Христа” (Лк. 14,33).

Часто задают такой вопрос: какой должна быть тема пересмотра жизни?

В конечном счёте, этот вопрос не имеет большого значения: какой бы род темы мы ни выбрали (рассматривая какое-то событие, слово из Писания, из нашего решения, принятого раньше... и т. д.), важно, чтобы наш пересмотр жизни был взглядом, обращённым на нашу жизнь.

Но этот взгляд должен иметь две взаимодополняющих составляющих:

Прежде всего, это аспект исправления, справедливости. Мы связаны друг с другом в малую общину, мы приняли решение совместно совершать духовную и апостольскую работу – вместе молиться, совершать Евхаристию, посещать людей и т. д. Во всех этих областях деятельности мы участвуем ради Бога и ради малой общины, потому что мы согласились жить ради блага другого. Если по той или другой причине мы не справились с обязанностью и отсутствовали, мы должны *по справедливости* дать в этом отчёт малой общине. Это наша взаимная обязанность. И если я не могу исполнить своё обязательство обычным образом, нужно уметь приспособиться к новым обстоятельствам.

Затем, это аспект созидания, милосердной любви. Он намного глубже первого аспекта. Иисус сказал: “Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный”. Мы должны стремиться к

этому совершенству. Мы должны жить словами Иисуса: “Да будут они едины”, стараясь полностью выполнять то, чего это от нас требует – быть едиными с Отцом, Сыном и со Святым Духом, едиными со всеми людьми и в особенности едиными с малой общиной. Это заблуждение – думать, что я могу быть единым со всеми людьми, если я не совершаю этого усилия, для того чтобы быть единым с моей малой общиной. И вот здесь совместный пересмотр жизни становится крайне требовательным. Мы стараемся “видеть, выносить суждение, действовать” в связи с нашим апостольским служением, с нашей жизнью миссионерской малой общины, с нашими поисками Бога. Мы никогда не теряем из виду нашей цели – быть прозрачными друг для друга; это единственный способ жить в единстве. Это трудная задача...

Условия плодотворного пересмотра и изменения жизни

- Первое условие осуществления плодотворного пересмотра жизни – тщательная подготовка к нему. Импровизация недопустима.
- Никогда не следует забывать, что это духовное действие. “Когда двое или трое собраны во Имя Моё, там Я посреди них...” Пересмотр жизни – это священное таинство малой общины. Если мы правдивы перед Богом, то мы правдивы и искренни перед своими братьями. Если мы правдивы и искренни перед своими братьями, то мы искренни и правдивы перед Богом. Это церковная составляющая нашего христианского призвания: мы идём к Богу не в одиночку, а вместе с Церковью, вместе с общиной, вместе с миссионерской малой общиной.
- Пересмотр жизни предполагает атмосферу дружбы, милосердной любви. Дружбы, которая реально завязалась и укоренилась в милосердной любви. Мы должны на деле проявлять нашу взаимную ответственность.
- Соблюдать ежедневные “пятиминутки”, во время которых каждый делится тем, что его поразило в течение дня как с хорошей, так и с плохой стороны. Наилучший пересмотр жизни происходит тогда, когда нет нужды высказывать упрёк, поскольку он был уже высказан своевременно, и когда все слушают друг друга, помогают друг другу по-братски, даже если произошли события, которые могли создать трудности.
- Пересмотр жизни должен быть окружён полной конфиденциальностью и уважительной сдержанностью. То, чем я поделился по конкретному поводу в атмосфере доверительной

близости, касается только моей малой общины. Никогда не следует шутить над тем, что было высказано.

- Выбирать для проведения пересмотра жизни то время, когда возможно обеспечить спокойную и ненапряжённую атмосферу, когда есть уверенность, что никто не потревожит.

- Уделить достаточное время для того, чтобы высказать друг другу то, что необходимо, без спешки, потому что спешка мешает дружеской откровенности, но не затягивать разговор, что утяжелило бы встречу.

- Уметь говорить о трудных ситуациях, не впадая в психоанализ и в психологию. Если мы чувствуем, что кто-то из малой общины перестаёт быть открытым по отношению к своим братьям, – это знак того, что что-то не ладится... И часто бывает, что причина выясняется слишком поздно, так как о ней не осмелились говорить.

Короче говоря, совместный пересмотр и изменение жизни подобны пирамиде, и этот образ должен присутствовать в нашем сознании при любых обстоятельствах. Цель – дойти до вершины; но как до неё добраться, если основание шатается? Важно не забывать: мы достигнем вершины только по мере того, как мы будем неустанно совершать эти смиренные пересмотры жизни в отношении основ нашего существования.

“Прирост” в результате совместного пересмотра жизни

Мы уже сказали, что совместный пересмотр – действие, по существу, духовное. Вместе с тем он приносит дополнительную пользу и на простом человеческом уровне – “прирост”, которым не следует пренебрегать и о котором нужно сказать пару слов перед окончанием этой главы: благодаря пересмотру и изменению жизни члены малой общины постепенно становятся зрелыми, настоящими людьми.

Быть настоящим человеком очень трудно: для этого необходимо с гармоничной полнотой достичь равновесия во всех сферах жизни. Чтобы быть человеком, а не дикарём, нужно “возделывать” себя, как возделывают поле. Дополнительная польза от пересмотра жизни заключается в том, что мы учимся смотреть друг другу в глаза и смотреть на самих себя без прикрас. И дело не столько в том, чтобы спрашивать себя: “Хорошо ли я поступил или плохо?” – как спрашивает нас обычная моральная совесть. Лучше спросить себя: “Поступил ли я как зрелый человек или как ребёнок?” Действовать как зрелый человек – это действовать, смотря прямо, “лицом к лицу” с

реальностью²⁴⁸. Это позволяет нам осознать некоторые наши слабости или уклонение от выполнения долга, на которые мы предпочитаем не слишком обращать внимания.

Совместный пересмотр жизни помогает стать зрелым человеком. Что такое зрелый человек? Не тот, кто кричит повсюду, что с ним не обращаются как со взрослым, – именно это и есть признак подростковой незрелости – но мужчина (или женщина) цельный, последовательный, достигший единства своей собственной личности. В нём есть устойчивость, его жизнь имеет вполне определённое направление. На него можно рассчитывать, его друзья знают, что он не меняет своего мнения всё время.

У него есть определённая способность к ответственности; он умеет идти дальше начального увлечения, чтобы жить, основываясь на убеждённости; он умеет противостоять длительности времени; он осознаёт ответственность за всю свою жизнь целиком, за своё призвание. Это человек, подготовленный к жизни в обществе, не сосредоточенный на себе, открытый по отношению к другим людям, способный действовать, принимать на себя состояние общества, социальные условия, в которых он находится. Он принимает, ничего не скрывая, без обмана, реальности своего пережитого опыта и свою собственную ограниченность, включая свои собственные неуравновешенность и лживость, которые ещё остаются в нём. Он принимает своё состояние человека грешного и помилованного.

Итак, совместный пересмотр и изменение жизни – посредством “прироста” – делают нас людьми. Людьми, которые – благодаря этому пересмотру и совместной жизни малой общины – сумеют до самой своей смерти не относиться к себе слишком серьезно...

Свойства христианской общины согласно Новому Завету

“Дайте нам увидеть Иисуса”

В современных дискуссиях, выплёскивающихся на страницы газет, многие сетуют на то, что Церковь больше не говорит о Боге. Несомненно, многие среди тех, кто таким способом возвышает свой голос, – вовсе не “столпы” Церкви, часто приходящие в храм. И всё-таки в этой жалобе слышится что-то очень важное. Хотя она и плохо сформулирована, она напоминает просьбу, с

которой сочувствующие греки обратились к Филиппу: “Господин, мы хотели бы увидеть Иисуса” (Ин. 12, 21). И это направляет нас на путь Блаженств: “Блаженны чистые сердцем, ибо они увидят Бога” (Мф. 5, 8).

В наше время священникам задают самые разные вопросы: “Какие пилюли нужно принимать?” Или же: “Участие в каком политическом или профсоюзном движении предпочтительнее?” Правда, когда-то раньше спрашивали: “Нужно ли принимать участие в шумной проповеди христианства?” И слишком мало тех, которые умеют спросить: “Дайте нам увидеть Иисуса”. Если бы с этой просьбой к священникам обращались чаще, то многие священники и люди, посвятившие себя Богу, ощущали бы более сильную решимость быть христианами.

Как всегда, нужно вернуться к примеру первых христианских общин. Что мы видим в этих общинах? Мы видим людей, которые совершенно естественно и непосредственно “давали увидеть Иисуса”. Они не особенно занимались “вербовкой” новых членов: это дело Господа. Вспомните, как завершается вторая глава книги Деяний: “И Господь прибавлял спасаемых к общине”. Никогда не будет лишним вновь и вновь подчеркнуть: “вербовка” новых членов, если можно употребить это гадкое слово, – это в гораздо большей степени дело Божье, чем дело человеческое. То, что требуется от людей, – дать увидеть Бога. К тому же, в Евангелии то, что видно, всегда предшествует тому, что слышно.

Чтобы дать увидеть Бога, нужно сначала самому увидеть Его. Увидеть Бога и достичь той естественной непосредственности, которая открывает Царство малым детям и тем, кто похож на них, мы сумеем не в завершение аскетических подвигов. Где мы научимся пути детства? Как станем мы теми, кто принимает дар Божий, как маленькое дитя принимает то, что исходит от его родителей? Где мы научимся быть мягкими и нежными в жизни малой общины?

Господь обещал: “Я уберу их каменное сердце, и Я дам им сердце из плоти”. Неприятность заключается в том, что эта замена не совершается с одного раза. Она не имеет никакого отношения к тем пересадкам сердца, когда у вас извлекают ваше старое сердце, которое больше ни на что не годится, и заменяют его новым: было бы идеально, если бы это всегда удавалось. Но Бог не занимается подобной хирургией. В груди христианина всегда остаётся кусок каменного сердца рядом с новым “сердцем из плоти”. Каждый день нужно бороться за то, чтобы сердце из плоти одерживало верх над каменным сердцем.

Итак, замысел Бога заключается в следующем:

1. *Иисус, Сын Божий, являет миру Любовь Своего Отца.* Бог есть любовь, Бог есть нежность. Иисус, Сын Божий, полностью обращённый к Своему Отцу, являет миру милосердие Своего Отца, любовь Своего Отца. Христос явил образ нежной любви Отца.

2. *Мы, христиане, призваны продолжать это явление Любви Божьей,* продолжать делать видимой Любовь Божью: “Ибо тем, кого Он предузнал, Он также предопределил быть подобными образу Своего Сына, дабы Он был старшим среди множества братьев” (Рим. 8, 29). Уже сотворённые по образу и по подобию Божьему, мы должны стать образами Его воплощённого Сына. Наше призвание – быть образами, иконами Христа, чтобы Он был старшим среди множества братьев.

Иерусалимская община

“Они неустанно внимали учению апостолов, были верными братскому общению, собираясь для преломления хлеба и для молитвы. И был страх и трепет в каждой душе, и много чудес и дивных знамений совершалось апостолами.

Все верующие жили в полном согласии, всё у них было общее. Они продавали имущества и всякую собственность и распределяли деньги между всеми, сколько кому было нужно. И каждый день единодушно сходились в Храме, а в домах у себя собирались для преломления хлеба и принимали пищу с радостью и в простоте сердца. Они восхваляли Бога, и все в народе любили их. И каждый день Господь прибавлял спасаемых к общине” (Деян. 2,42-47).

Этот короткий отрывок из Деяний Апостольских – самый современный актуальный текст Писания, о котором можно сказать, что в каждом столетии, на каждом повороте Истории, при каждой реформе он побуждал Церковь продвигаться вперёд. Примерно до XIV-го столетия этот идеал первой христианской общины был ориентиром, когда речь заходила о “*Vita apostolica*”, апостольской жизни. На протяжении более тысячи лет монахи и монахини-затворницы всех орденов, которые следовали один за другим в Церкви, не имели, в сущности, иной цели, кроме как жить согласно этому идеалу, следовать этому примеру.

И сегодня тоже эти несколько стихов Нового Завета остаются для нас такими же живыми. В своём выступлении на всемирном собрании Совета мирян в Риме в октябре 1975 года о. Лионне напомнил, что эти стихи библейского текста наиболее часто цитируются Вторым Ватиканским Собором. Действительно, Собор “видит в этом тексте образец не только монашеской жизни

(Perfectae Caritatis, 15, 1), жизни миссионеров (Ad Gentes, 25, 1) и священников (Presbyterorum Ordinis, 17, 2 и 21, 1), но и жизни всего святого народа (Lumen Gentium, 13, 1; Dei Verbum, 10, 1)”.
Вслед за о. Лионне необходимо подчеркнуть два важных замечания:

- Во-первых, не следует рассматривать этот отрывок из Деяний как обособленное описание.

Совсем наоборот, он есть заключение всего того, что ему предшествовало, а именно Пятидесятницы и крещения первых христиан: это два события, которые завершаются и сходятся вместе в этом тексте. Послушаем о. Лионне: “Всё сходится к нему: излияние Святого Духа, чудо “говорения языками”, как бы его ни толковали, крещение – всё приводит к этому другому чуду, заключающемуся в такой жизни, которую вели люди. Оно не менее замечательное, хотя оно другого рода. Рассказ о Пятидесятнице завершается не крещением первых христиан, как можно было бы полагать, а описанием их жизни...”

Затем о. Лионне отмечает одну весьма удивительную “особенность композиции”. Если я упоминаю об этом, то не для того, чтобы показать свои познания, но потому что ни в одном из основных переводов Библии об этом не сказано и потому что это очень важно. Итак, вот что говорит о. Лионне:

“Есть трёхкратное повторение, явно преднамеренное, сравнительно редкого адвербиального выражения *epi to auto*, означающего “вместе”, буквально: “образуя единство”. Во всяком случае, это единственное место в Новом Завете, где это выражение повторяется. Мы находим его в начале отрывка в стихе 1: “При наступлении дня Пятидесятницы все были в одном месте, образуя единство (*epi to auto*)”. Но это же выражение повторяется два раза в конце описания жизни общины, таким образом, оно тесно связано со всем повествованием и особенно с его началом. Мы видим его в стихе 44: “Все, кто уверовал, (то есть новокрещённые, упомянутые в стихе 41) образуя единство (*epi to auto*), имели всё общее...”; затем во второй раз – в заключение последнего стиха, буквальный перевод которого – если делать кальку с греческого – следующий: “И Господь изо дня в день умножал число тех, кто будет спасён, и все образовывали единство (*epi to auto*)” ”.

- Во-вторых, о. Лионне подчёркивает то, с какой настойчивостью во всём этом рассказе используется слово “день”. В самом деле, это удивительно; перечитайте всю вторую главу Деяний, и вы увидите. В стихе 1: “При наступлении дня Пятидесятницы”; в стихе 15: “в третий час этого дня; в стихе 41: “в этот день”. Затем следует описание “*vita apostolica*”, апостольской жизни. Итак, нам говорят, что “день за днём они единодушно усердно посещали Храм” (стих 46) и –

тотчас после этого – что “ Господь изо дня в день умножал число тех, кто будет спасён, и все образовывали единство (epi to auto)” (стих 47).

Мы уже как-то раз подчёркивали, что в Евангелии от Иоанна настойчиво повторяется слово “день” при описании призвания первых учеников: “в первый день”, “на второй день”, “на следующий день” и т. д. ... Очевидно, евангелист стремится вызвать у читателя воспоминание о днях творения. Можно сказать, что в момент основания Церкви происходит то же самое.

Перечитаем теперь стих 42, в котором всё удивительно уплотнено: “Они неустанно внимали учению апостолов, были верными братскому общению, собираясь для преломления хлеба и для молитвы”.

“Они неустанно внимали учению апостолов”, – вся жизнь христианина пронизана Писанием, в котором он ищет смысл жизни и назначение всего живого и неживого, в котором ему открывается великое видение Замысла Божьего о мире и человечестве. Не будем забывать, что учение апостолов заключалось, прежде всего, в том, чтобы объяснять Писание, а для них Писание – это Ветхий Завет. Первое публичное провозглашение Иисуса, свидетельство об Иисусе – то, что называют керигмой, – осуществлялось таким образом, чтобы показать, что в Иисусе исполнилось всё Писание и особенно Пророчества. Вспомните проповедь самого Иисуса, обращённую к путникам в Эммаус: “Пересказав Моисея, Пророков и Псалмы, Он объяснил им всё, что относилось к Нему”. Между прочим, это напоминает нам о значении Ветхого Завета для понимания веры.

“Были верными братскому общению”: это духовное согласие верующих братьев, но также совместная жизнь и взаимопомощь, общие труды и горести, общие усилия, разделяемые с нашими самими бедными братьями – бедными в материальных средствах и возможностях или же бедняками Божьими.

“Собираясь для преломления хлеба”, – это означает литургию, молчаливое поклонение личности Христа, отдающего Себя ради нас в Евхаристии, соединяя нас в Себе, “преображая нас в Его образ, всё более и более сияющий” (2 Кор. 3,18).

“Для молитвы” – это внутреннее, духовное поклонение Богу, готовность служить Богу, чтобы Он действовал через нас. Только молитва придаёт нашей жизни во Христе наполненность и направленность.

Итак, в этом отрывке из Деяний мы видим четыре важнейшие составляющие христианской Общины. Но вот что очень важно и что особо подчёркивает о. Лионне: центральное место занимает братское Общение, по-гречески – “Койнония”, вокруг которого, образно говоря,

вращается всё. В самом деле, все подробности о единстве общины, которые далее сообщает св. Лука, а именно: преломление хлеба по домам, то, что всё было общим, что никто не называл своим своё имущество – всё это имеет только одну цель: ярче подчеркнуть братское общение. К тому же, немного далее – в тех же Деяниях Апостольских – св. Лука возвращается к этой же мысли: “У множества верующих было одно сердце и одна душа. Никто не называл своим то, что ему принадлежало, но всё у них было общее” (Деян. 4,32). Мы вспоминаем здесь то, чему учил Сам Иисус, говоря: “если твой брат имеет что-нибудь против тебя”, нужно сначала примириться со своим братом, прежде чем принести жертву. Мы знаем также, что если совершение Евхаристии зависит от этого братского общения и невозможно без братской общности, то именно она и сплачивает эти общение и общность глубочайшим образом.

Вы видите, в подлинном братском общении чувства занимают не первое место: подобно дому, построенному на скале, оно основано на Иисусе и на Слове Божьем. Означает ли это, что чувства не будут играть никакой роли? Нет, но это означает, что чувства появляются, как на дереве появляются цветы и плоды: образно говоря, чувства – это не корень дерева. Если мы основываем миссионерскую малую общину или большую общину на радости взаимных чувств, взаимной приязни, если мы слишком часто встречаем в наших разговорах такие выражения, как “быть понятым”, “отнестись с доверием”, “быть признанным”, “не быть осуждённым”, то малая община всегда будет находиться в неустойчивом равновесии. И забота о сохранении этого равновесия настолько захватит нас, что ни у кого больше не будет ни возможности, ни времени делать что-то ещё. Если же, напротив, община основана на решимости сделать так, чтобы Господь Иисус присутствовал и, тем самым, действовал, тогда всё остальное родится совершенно естественно. Здесь можно – в новых условиях – применить неизменный евангельский закон: “Кто стремится сохранить свою жизнь, потеряет её”. То же самое говорит Жак Дюпон в завершение своей прекрасной книги о Деяниях Апостольских:

“Лука тщательно избегает называть первых христиан *друзьями*, тогда как в других контекстах он достаточно охотно употребляет это слово. Не называет он их и *братьями*: он просто называет их *верующими*. По-видимому, этим он даёт понять, что поведение первых христиан определялось верой, которая объединяла их в общей преданности Христу: на этой вере и основывается Койнония”.

Итак, община основана на вере. Прежде всего – не друзья и даже не братья, но верующие.

Как выглядели первоначальные общины

Часто подчёркивали: если св. Лука начинает с того, что даёт идеальное описание первой христианской общины, то достаточно продолжить чтение Деяний Апостольских, чтобы увидеть, что не всегда всё обстояло так чудесно.

Например, уже с первых дней возник конфликт между эллинистами, которые жили за пределами страны и читали Библию по-гречески, и иудеями, которые были палестинскими евреями. Эллинисты были недовольны тем, что их вдовами пренебрегали при каждодневном служении. Разумеется, Бог всегда умеет извлечь добро из зла: этот первый конфликт послужил поводом для основания Чина Диаконов. Но это не должно заставить нас забыть, что с самого начала слабости и уклонения от выполнения долга были многочисленными. Подумайте о всех трудностях, с которыми св. Павел столкнулся в Коринфе (ср. 1 Кор. 12 и 13).

“Приготовьте в пустыне путь для Яхве, проложите в степи прямую дорогу для нашего Бога. Пусть каждая долина наполнится, всякая гора и холм – понизятся, пусть всякая пропасть станет равниной и всякая крутизна – долиной. Тогда явится слава Яхве, и всякая плоть увидит это, ибо уста Яхве изрекли это”.^а

В этих пророческих словах Исайи вы узнаете тему проповеди Иоанна Крестителя при возвещении пришествия Господа. В свою очередь, св. Павел в своём письме к Коринфянам говорит о “пути, который превосходит всё”. Несмотря на то, что Царство уже наступило, нам нужно каждый день заново начинать труд “приготовления пути Господу”, который никогда не заканчивается. Этот путь должен быть выровнен, чтобы Сам Бог прошёл по нему, и человек, в свою очередь, тоже должен пройти по этому пути, подражая Господу и следуя за Ним, чтобы быть членом одного Тела...

Как выглядела христианская община Иерусалима? Если посмотреть на неё только с точки зрения истории, глазами неверующего человека, то эта первая Церковь выглядит одновременно:

- как религиозная²⁴⁹ община, полностью предавшаяся молитве и поклонению Богу, собранная воедино Словом Божьим;

- как братство, у членов которого одно сердце и одна душа.

“У множества верующих было одно сердце и одна душа” (Деян. 4,32). Ещё раз это соединение *сердца* и *души* мы находим в заповеди: “Ты возлюбишь твоего ближнего всем сердцем своим, всей душой своей”. Больше оно нигде в Библии не встречается.

^а Ис. 40, 3-5. (прим. пер.)

Община и братство существуют неразрывно. Опасно желать поставить на первое место что-то одно из двух. Несколько лет назад Церковь определяла себя как религиозную²⁴⁹ общину, полностью предавшуюся молитве и евхаристическому поклонению Богу, но о братстве часто умалчивалось: христиане хорошо уживались друг с другом, но только потому, что каждый оставался в своей маленькой клетушке. Сегодня же, напротив, охотно говорят о братстве, о всеобщей любви, но пренебрегают другой стороной – религиозной общиной. Однако в Церкви неразрывно связаны две эти стороны. Таково великое чудо и знак подлинного христианства. Сегодня нет иного пути, кроме этого, чтобы явить²⁵⁰ Бога, присутствующего в мире и в человечестве.

“Да будут все едино” (Ин. 17,21). В чём это единство выражается? В причастности к общей вере, прежде всего, и в жизни, пронизанной общей милосердной любовью. Как сказано в Деяниях, у верующих было одно сердце и одна душа: они были одним целым. Не следует полагать, что им это давалось легко – ничуть не легче, чем нам сегодня. Более того, если мы поближе присмотримся к этим первым христианским общинам, мы заметим в них невообразимое разнообразие.

Какая причудливая, разношёрстная толпа! Там были рабы и богатые, молодые и старые, люди свободные и вольноотпущенники, люди самых разных профессий. Но это были, к тому же, люди с совершенно различной психологией, разными склонностями, принадлежавшие, возможно, даже к разным культурам: стоики и гностики, которые увлечённо воспринимали туманные теории, чтобы исправить и улучшить Евангелие, пифагорейцы, отказывавшиеся есть рыбу, ортодоксальные Евреи, не желавшие прикасаться к идоложертвенному мясу и т. д. Однако всё это сплавлялось в одну братскую общину, основанную на четырёх характерных качествах, о которых мы говорили выше. Это было чудо, истинное знамение в полном смысле слова.

Три ключевых слова

Рассмотрим эту общину ещё более внимательно. Для этого мы воспользуемся тремя ключевыми словами, которые с большой глубиной понимания разъясняет о. Спик в своём обширном труде, посвящённом нравственному богословию Нового Завета. В Новом Завете эти три греческих слова, которые невозможно перевести исчерпывающим образом, характеризуют христианскую жизнь.

- Согласие с ближним – даже во второстепенном (to auto fronein).

Быть в согласии в отношении самого главного, в отношении закона, произнести вместе Символ Веры – да, это вполне возможно. Но прийти к согласию даже в отношении второстепенного! Разумеется, речь идёт не о том, чтобы у всех были одни и те же взгляды и мнения, а о том, чтобы, хотя бы, наш ум старался подчиняться стремлению к единству и наши мысли, наши чувства, наши оценки и суждения некоторым образом согласовывались с мыслями, со вкусами и с чувствами других людей. Если у нашего духа, нашего ума и нашего сердца есть глубокое стремление к согласию и миру, то противоречий больше нет. Конечно же, всегда есть различия и расхождения, но они лишь служат обогащению общины: они не будут разрушительными и бесплодными.¹⁸⁰

“Имейте одни и те же чувства и мнения”, – говорит св. Павел (2 Кор. 13,11). “Одни и те же чувства и мнения” – это означает любовь, которая сглаживает слишком резкие края и выступы, всякого рода крайности. Несомненно, сторонники крайностей иногда приносят пользу в той мере, в какой они заставляют других шевелиться, снова посмотреть на самих себя критически, но берегитесь чрезмерных крайностей и бесчинства! Главное – атмосфера доброжелательности и симпатии: что означает, этимологически, что мы вместе испытываем одно и то же.

Говорят, нам нужно любить друг друга как братья. На самом деле, речь идёт о гораздо большем, ибо мы – братья, имеющие небесного Отца. К тому же, это слово “*брат*” следует понимать во всём богатстве его семитского значения. На иврите у этого слова, на самом деле, три значения. Братом может быть тот, кто принадлежит к Народу Божьему, принадлежит к той же религии (даже если он не еврей по национальности). Он может быть также учеником: тем, кто слушает Учителя. Наконец, в Евангелии брат – это брат по Вере, сын того же небесного Отца.

Именно этому учит св. Пётр: “Послушанием истине вы освятили ваши души, чтобы искренне любить друг друга, как братья. От чистого сердца неустанно любите друг друга, вновь рождённые не от тленного семени, но от нетленного: от Слова Божьего” (1 Петр. 1, 22-23; ср. 3, 8).

- “*Филадельфия*”. Этимологически это слово происходит от “*philein*” (любить) и “*adelphos*” (брат). То есть христианин называется “филадельф”, потому что он любит своего брата. В послании к Евреям сказано: “Освещающий (Иисус) и освещаемые (мы) – все происходят от одного” (2,11). Это происходит от нового рождения, которое мы пережили. А св. Павел пишет Римлянам: “Любите друг друга сердечно с “филадельфией”” (12, 10), – то есть с этой братской любовью, благодаря которой вы проявляете по отношению к другим людям предупредительность, услужливость и уважение. В малой общине, как и в семье, нет ничего более невыносимого, чем люди, постоянно учиняющие друг другу “*маленькие пакости*”. Нужно уметь относиться друг к другу с нежностью, деликатностью и почтительностью.

Через нас проявляется любовь и нежность самого Христа. Из этого родился поцелуй мира, который уже начиная с первых евхаристических агап был открытым проявлением этой братской нежности. Св. Павел призывает Римлян “приветствовать друг друга”, чтобы свидетельствовать об этой общности, этом братском согласии. Целование мира? Да, но прежде всего – целование любви, как говорит св. Пётр: “Приветствуйте друг друга лобзанием братской любви” (1 Петр. 5, 14).

- “*Филосторгия*”. Это слово использует св. апостол Павел, например, в послании к Римлянам: “Пусть братская любовь связывает вас нежностью”, – так переведено в Иерусалимской Библии (12,10). В сущности, это слово означает, что мы любим любить: в общине мы рады любить. Для св. Павла это означает семейную любовь и привязанность, добровольную преданность, сознательное уважение, взаимную нежность.

В Послании к Филимону Павел рекомендует ему раба Онисима следующим образом: “Моё возлюбленное дитя и по плоти, и в Господе”. Св. Павел любит Онисима во плоти, он испытывает к нему нежные чувства не только в Господе, но как человек, даже и во плоти.

Итак, христианин – это человек, который умеет любить людей одновременно и по плоти, и в Господе. Любовь не должна быть только по плоти – она может быстро скатиться вниз... И любовь не должна быть только в Господе, ибо у такой любви может иногда не хватать тепла.

Удивительно, но можно засвидетельствовать, что христианская община отвечает всем достойным потребностям человека в чувствах, в нежности и любви. Всё истинное, всё хорошее – принадлежит христианству. Вот почему св. Павел может сказать: “Любите братство”. Он не ограничивается тем, что говорит: “Любите своих братьев”, но говорит: “Любите братство”.

Речь идёт не о беспредметном человеколюбии. Русский революционер^а XIX-го столетия писал: “Не находя ничего достойным своей привязанности – ни из женщин, ни из мужчин – я обрёл себя на служение человечеству...” Это антихристианское утверждение. Христианин любит одновременно и каждого из своих братьев, и братство.

Более того, эта братская нежность должна проявляться не только по отношению к членам общины. Община подобна лаборатории, где производится братская любовь¹⁹, но затем эта любовь должна распространяться на других людей. “Если вы любите только тех, кто вас любит, какая в том ваша заслуга?” Ограничивать свою любовь и любить только членов общины – значит впадать в эгоцентризм небольшой группы людей.

^а Петрашевский. (прим. пер.)

Это приводит нас к важной истине: какой бы сильной ни была братская любовь, объединяющая членов христианской общины, как только она перестаёт быть открытой к другим христианским общинам, как только она замыкается сама на себя, подлинной христианской жизни приходит конец. Нам следует остерегаться такой сосредоточенности только на себе, как остерегаются сгустков в крови. Христианская жизнь должна оставаться “текучей” во всех отношениях.

В Новом Завете мы находим очень чёткое и очень конкретное доказательство этой истины. Вспомните, какое значение св. апостол Павел всегда придавал сбору денег для Иерусалимской Церкви, состоявшей из христиан, соблюдавших законы иудейской религии, желавших во что бы то ни стало сохранить обрезание, веру и еврейские обычаи. Другие общины критиковали эту “крайне консервативную” позицию, обвиняя своих иерусалимских братьев в том, что они тормозят развитие Церкви. Однако св. Павел, напротив, прилагал усилия к тому, чтобы Церкви имели общение между собой, заботились друг о друге и, тем самым, избежали какой-либо замкнутости на себя и индивидуализма. Он считал, что поощрение денежных сборов для Церкви Иерусалима во всех Церквях – это лучший способ избежать замыкания каждого на себя, чтобы никто, образно говоря, не превратился в “тромб”...

Итак, вот к чему должны стремиться наши малые миссионерские общины: укорениться в Господе, а не во взаимном чувстве симпатии. Когда община укоренена в Господе, тогда смогут родиться самые прекрасные добродетели, а с ними появятся кротость, нежность и сладость христианской радости.

Повторим ещё раз, такая община верующих никогда не осуществится в совершенстве здесь, на земле. Доброе зерно и плевелы будут всегда перемешаны. Так было уже во времена св. апостола Павла, в Посланиях которого упоминаются “бесстыдные распутники, корыстолюбцы, кощунствующие оскорбители, идолопоклонники, и лжебратья”, которые свирепствовали в общинах

Осуществление нашего идеала на практике, который есть идеальный союз Христа и Церкви, непрестанно наталкивается на жёсткость и закрытость наших человеческих сердец. Конечно же, в Псалме поётся: “Как хорошо и приятно жить братьям вместе!” Но есть также и Откровение Иоанна с его мрачными, полными ужасов описаниями, которые относятся и к сегодняшнему дню, а не только к последним временам. Однако – как обещает нам то же Откровение – Царство Божье торжествует победу уже сегодня... Это от нас требуется жить этой победой, каждый день снова и

снова ведя смиренную борьбу, ожидая окончательной победы, которая позволит братству осуществиться в полноте.

Чем сильнее Церковь хочет обращаться “не только к сыновьям Церкви, но ко всем людям”, чем сильнее она хочет идти в мир, чем сильнее она хочет быть миссионерской, тем более наглядно, ясно, различимо для всех должно быть явлено *подлинное христианское братство*. Я говорю о братстве, которое не есть беспредметное человеколюбие, но есть любовь, пришедшая от Самого Бога, сошедшая Свыше, которая крепко сплавивает между собой горстку мужчин и женщин, посвящённых Богу через крещение, чтобы любить друг друга, как Иисус Христос любит нас.

“Любите братство”, – говорит св. Пётр. Это не совсем то же самое, что “любите своих братьев”. Св. Пётр особенно подчёркивает любовь между верующими в лоне общины. Это должно быть нашим основанием, исходной позицией, иначе мы увязнем в зыбучих песках. Чем больше мы смешиваемся с неверующими людьми, тем сильнее должна проявляться искренность и истина той объективной общности, которая нас связывает. Вспомним ещё раз призыв св. Петра, но в другом переводе:

“Послушанием истине вы осветили ваши души, чтобы иметь подлинную возвышенную братскую любовь. Любите же друг друга сильно любовью, которая исходит из сердца (1 Петр. 1,22).

Это не добрый совет, не благочестивая мысль. Св. Пётр говорит о доме – Церкви – построенном на скале.

От редактора перевода

Книга «Словно видя Невидимого» (1964 год) в своё время оказала влияние на многих французских католиков. По сути, это очень сильное личное свидетельство. Отец Жак Лёв принадлежал к ордену проповедников. Жанр книги можно назвать поэтической проповедью, её стиль, многозначный и полный недосказанности, создаёт немалые трудности для перевода. Отец Жак писал для людей своего круга. Многие только подразумевается и требует знания контекста. Есть такие фразы, смысл которых неясен сейчас даже самим французам. Понять многие трудные места мне помогли христиане-французы, в том числе малая сестра Иисуса Клэр Латур, чья помощь была самой ценной. Хочу выразить всем им мою глубокую благодарность. По причине смысловой неоднозначности текста я использовал примечания как инструмент перевода.

Дальнейшее развитие и углубление своего миссионерского опыта Жак Лёв изложил в книге «Вы будете Моими учениками» (1978 год), опубликованной в русском переводе. Эти две взаимодополняющие книги образуют своего рода дилогию, и полезно читать их обе.

Николай Наумов

Примечания редактора перевода

1 - Апостол = “посланный” (от. греч. “апостолос”), миссионер = “посланный” (от. лат. “mittere” – посылать). По сути, это очень близкие по значению слова, почти синонимы. И апостол, и миссионер – это свидетели и ученики Христовы, свидетели Царства Божьего, призванные Богом и посланные Им для свидетельства, возвещения Евангелия и обращения людей к Богу-Троице. В словоупотреблении, принятом в католической Церкви, особенно после II-го Ватиканского Собора, слово миссионер, на мой взгляд, больше относится к тем, кто совершает своё служение евангельского свидетельства в тех местах, где христианство ещё не получило распространения и не укоренилось (крайне упрощая, можно сказать: где-то далеко, в другой, “нехристианской” стране). Нельзя не заметить, что различие этих двух слов очень размыто и носит, скорее, условный характер. Например, в документах Второго Ватиканского Собора есть два декрета – “Об апостольстве мирян” и “О миссионерской деятельности Церкви”, в которых говорится примерно об одном и том же, об участии христиан в посланничестве Церкви, с единственным различием: миссионерская деятельность осуществляется по поручению епископов. В своей книге о. Жак Лёв использует эти два слова также почти как синонимы. С другой стороны, в словоупотреблении русского православия слово “апостол” – по отношению к современным христианам – практически не используется, и его заменило слово “миссионер”. При Московском Патриархате есть, например, миссионерский отдел, разработавший концепцию миссионерской деятельности, существуют миссионерские центры, миссионерские приходы, миссионерские школы, миссионерские интернет-сайты и т. д. Я не могу заменить в тексте слово “апостол” на слово “миссионер”, – помня о христианах католиках, протестантах и всех остальных читателях, – но хотел бы, чтобы у православного читателя не возникало неправильного впечатления, что о. Жак Лёв говорит о чём-то несуществующем в России, не имеющем к нам никакого отношения. С

полным правом апостолом (миссионером) можно назвать, например, отца Александра Меня, который, объясняя смысл слов “верую... в... апостольскую церковь”, в своей книге “Таинство, слово и образ” писал: “Апостольское служение продолжается и среди нас, и без него не может быть истинной Церкви”. О современном апостольстве говорит о. Владимир Архипов в своей книге “Идите и научите все народы”. Об апостольском призвании мирян говорил патриарх Кирилл в октябре 2011 в своей проповеди в храме Христа Спасителя.

2 - В современном обиходном русском языке слово “апостол” употребляется очень редко. Например, Николая Бердяева иногда называли “апостолом свободы”. Белинский в письме к Гоголю называет его “апостолом невежества”.

3 - В современном обиходном русском языке (вне христианского контекста) употребляется крайне редко.

4 - Velocio – от veloce – быстрый (итал.), velo – велосипед (франц.).

5 - Monde – 1. человечество; 2. мир сей = грехи и греховные отношения людей, противящихся Богу. О. Жак Лёв сохраняет ту же двойственность смысла, которая присуща соответствующему греческому слову “космос” в Новом Завете.

6 - Paix – шалом, покой.

7 - Иногда говорят о Великом Поручении, которое Иисус дал апостолам и всем христианам.

8 - Миссия = благовестие, Евангельская проповедь, свидетельство о Христе.

9 - Surnaturelle. Это слово постоянно встречается на протяжении всей книги, а употребление его, на мой взгляд, не совсем привычно. Его смысл, в общем-то, ясен: сверхъестественный – значит, духовный, выходящей за рамки природного, падшего мира, иначе говоря, принадлежащий Царству Божьему и – что самое важное! – совершаемый самим Богом. Необычно то, что автор применяет его не к явлениям, имеющим очевидно внешнюю по отношению к человеку причину, а к христианской практической деятельности. Тем самым, на мой взгляд, автор постоянно напоминает о необходимости “дать первое и главное место Богу” в любом нами совершаемом деле. Для большей ясности в контексте данной книги можно было бы, пожалуй, провести параллель между сверхъестественным и богочеловеческим. Ср. Филипп. 2,13: «... это Сам Бог действует в вас, направляя и вашу волю, и поступки для Своих благих целей».

10 - Вар.: открывает. В греч. оригинале: показывает путь к Отцу.

11 - L'homme de la foi, de la parole et de la pauvreté – букв.: муж веры, Слова и бедности – библейский оборот речи.

12 - La pauvreté – вар.: бедность, убогость, незащищённость, беспомощность, полная зависимость от Бога.

13 - Mystère. Жак Лёв часто использует это слово, имея в виду таинственный план Бога, таинственное присутствие и действие Бога в нашей жизни.

14 - Непонятно кого, Моисея или апостола. Если, скажем, современный апостол не проживёт так долго (40 лет миссии – сегодня это немалый срок), то эта фраза, похоже, намеренно или ненамеренно сближает Моисея и современного апостола почти до неразличимости.

15 - Parole du Verbe fait chair – о. Жак Лёв различает Самого Иисуса Христа (Verbe = Глагол, Слово (речевое)) и (записанное) Слово (Parole) Божье; ср. прим. пер. № 17.

16 - Malgré les apparences et les contradictions – не совсем понятно.

17 - Le Verbe du Père – букв.: Глагол Отца, т. е. Сам Иисус Христос; ср. прим. пер. № 15.

18 - Grandeur. Ср. прим. пер. № 196.

19 - La charité – аналог греческого “агапе”, истинно христианская, братская сестринская любовь к ближнему (братолюбие); это слово постоянно встречается в книге. В зависимости от контекста это слово мы будем переводить немного по-разному. К сожалению, в русском языке нет однозначного эквивалента греческого “агапе”. Во французском (и греческом) языке, в отличие от русского, есть несколько слов, обозначающих любовь, проявляющуюся по-разному.

20 - Pauvre(ment) – букв.: бедно (плохо); непереводаемая игра слов.

21 - Exclusivisme – букв.: односторонность, узость. Близкое по корню слово: exclusivité – исключительность. Слово “односторонность” имеет несколько негативную окраску: “Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя” (К. Прутков). О. Александра Меня трудно назвать “односторонним”. С другой стороны, о. Жак Лёв говорит об апостольстве как об узкой специализации: “Это настоящая профессиональная подготовка, квалификация, которую апостол получил от самого Бога. Мы должны вновь открыть для себя смысл выражения “высококвалифицированный рабочий” и научиться применять его во всей полноте по отношению

к апостолу. Бог делает из нас не разнорабочих и не специализированных рабочих средней квалификации, а высококвалифицированных рабочих”.

22 - Religion religieuse – непереводаемая игра слов; букв.: религии, очищенной от всего внешнего, ложного, вариант: благоговейной религии. Я позволил себе заменить слово “религия” на этимологически эквивалентное слово “связь”, поскольку христианство – не религия, а истинная жизнь в Боге.

23 - Au nom du (Christ) – вариант: во имя (Христа); от имени Христа.

24 - 2 Кор. 6,4-10.

25 - Ср. Евр. 4,12.

26 - По-видимому: возвещению.

27 - Неизвестная цитата.

28 - Tu m’as séduit – как французский глагол, так и еврейский глагол оригинала, не исключают, впрочем, другое прочтение: Ты соблазнил, обманул меня.

29 - Ср. Жак Лёв “Великие учителя молитвы”, глава “Анавим”, о принципе “малого числа” и “остатка”.

30 - По-видимому, кардинал Ньюмен (1801-1890).

31 - Данная книга была опубликована в 1964 году.

32 - По-видимому, нарушение восприятия, вызванное нарушением кровоснабжения головного мозга.

33 - Ce traitement fort, nous faisant efficacement concourir à l’ordre et à la sainteté de l’Eglise, nous sera l’équivalent surnaturel d’une mission. Речь идёт о послушании церковной дисциплине. По-видимому, это можно понимать так: наши испытания со стороны наших Церковных властей мы принимаем как посланные нам свыше; если мы в этих испытаниях смиренно сохраняем верность Церкви и Церковным властям, мы этим свидетельствуем, что планы Божьи выше нашего понимания блага и выше наших целей. Тогда Бог будет действовать уже, вероятно, без нашего непосредственного участия, сверхъестественным образом, через других апостолов, когда придёт

срок. Иначе говоря, ничего не делая в этой ситуации, мы делаем очень много. Наверное, запрет Ватиканом движения священников-рабочих можно отнести к такого рода событиям.

34 - В своей книге “Будьте Моими учениками” о. Жак Лёв возвращается к этой теме (глава 3 – “Отсутствие Бога”, глава 4 – “Почему Бог отсутствует?”) и, в частности, повторно использует этот же текст, см. стр. 56.

35 - То, что безбожие есть вид безумия.

36 - L'idée de Dieu – варианты: мысли о Боге, понятия (о) Бога.

37 - La nature de Dieu – перевод буквальный, хотя правильнее было бы говорить о Божественной сущности, поскольку Бог есть дух.

38 - La présence – букв.: присутствие.

39 - Amour – любовь в общем значении слова (не только в христианском контексте). Французский язык, в отличие от русского, позволяет определять “христианскую” милосердную любовь к ближнему другим словом (charité), также означающим любовь.

40 - Réalité – вар.: сущность. Автор постоянно использует в различном контексте этот термин “réalité”. Он означает некоторое явление как материального, так и духовного порядка, нечто реально существующее. Иначе говоря, это некий аспект, некая конкретная сторона той всеобщей реальности – всей совокупности всего реально существующего, – которую обычно и обозначают по-русски словом “реальность”. То есть автор имеет в виду не всю необъятную “реальность”, а какую-то её часть – нечто более узкое, определённое. Не найдя подходящего слова в русском языке, я вынужденно перевожу этот французский термин “réalité” как “реальность”, что, на мой взгляд, не соответствует правильному употреблению этого русского слова, и прошу читателя это учитывать.

41 - Vouloir le bien de Dieu même à Dieu lui-même – букв.: желает Божьего блага даже Самому Богу. Можно понимать так: человек думает прежде всего не о своих интересах, а об интересах (иначе говоря, благе) Бога; не просит себе благ у Бога, а делает что-то ради Славы Божьей, благословляет Бога.

42 - Обращение к Богу на Вы.

43 - Un fond individuis d'être et de vie.

- 44 - La communion – вариант: общение.
- 45 - Один из возможных вариантов перевода Имени Бога (Яхве), открытого Моисею, ср. Исх. 3,14.
- 46 - Ce Christ est tellement homme – не совсем удобная для перевода фраза, поскольку Иисус Христос – подлинно человек. Всё же у многих людей существует склонность в отношениях со Христом смотреть на Него почти исключительно как на Бога, “забывая” о Его человечности. Вариант: до такой степени человек.
- 47 - Ср. Кол. 1,24.
- 48 - Африка южнее Сахары.
- 49 - Laïcs – члены Церкви, не имеющие духовного сана.
- 50 - Simple préposé – вариант: исполнителю.
- 51 - C’est mettre, sur l’écran de télévision de notre vie, Jésus présent.
- 52 - Ce mystère contemplé, de le porter aux autres – возможен двоякий перевод; вариант: несли её (тайну).
- 53 - Donnent (le Christ) – букв.: дают (Христа), сообщают о (Христе).
- 54 - Une vérité métaphysique – букв.: метафизической истине.
- 55 - Providence – вариант: Провидение.
- 56 - См. Ин. 3,30.
- 57 - См. примеч. ред. № 95 в книге “Будьте Моими учениками”.
- 58 - Réalités grandes et belles – вариант: большими масштабами.
- 59 - L'esprit – вариант: дух.
- 60 -
- 61 - Dans la charité l’ordre des commandements doit être respecté – вариант: последовательность заповедей; сначала – возлюбить Бога, затем – ближнего.
- 62 - Pour nous, cet exclusivisme dans l’annonce de l’Evangile est du même ordre – вариант: имеет такое же значение.

63 - Очевидно, как в прямом, так и в переносном смысле слова; применительно к капитализму под такими “тиранами”, по-видимому, можно понимать как “волчьи законы”, так и всепоглощающее стремление потреблять.

64 - Des causes immédiates et apparentes – вариант: видимых (в смысле кажущихся).

65 - Slogans – вариант: рекламных объявлений.

66 - Attitude – о. Ж. Л. постоянно употребляет этот термин. Он означает внутреннюю позицию, духовную (и психологическую) “установку” человека, выражающуюся в отношении к Богу и ближнему и в образе действия; адекватного русского слова (термина), к сожалению, нет.

67 - Ср. очень похожее воскрешение сына вдовы пророком Илиёй, 3 Царств 17,17-24.

68 - В разных переводах Св. Писания переведено по-разному; помимо прочих переводов я использовал перевод архимандрита Макария (Глухарева); вариант: положить этот посох (жезл) на ребёнка.

69 - Вариант: взошёл на постель.

70 - В синодальном переводе: “над ребёнком” – не совсем понятно. Ср. Деяния 20,10; Павел “лёг всем телом” на мёртвого юношу Евтиха.

71 - Le double corps à corps – непереводаемая игра слов; букв.: “тело против тела” – т. е. тесное, телесное соприкосновение, но это также и идиоматическое выражение, означающее рукопашную борьбу.

72 - В синодальном переводе: ...могущества Божьего в нас, верующих по действию державной силы Его.

73 - Il n’y a pas le four et le moulin ou l’on ne peut être à la fois – идиоматическое выражение: нельзя поспеть всюду, “разорваться на части”.

74 - Une adoration – по-видимому, поклонение Святым Дарам, “адорация”.

75 - Ne pas s’approprier le but – букв.: не присваивать себе конечную цель; в смысле: не определять цель самим. Цель устанавливает Бог, а не мы; совершая какое-либо действие, мы говорим: “Да будет воля Твоя”.

76 - D'action et de passion – вар.: возможно, имеется в виду также и молитвенное борение (Гефсимания).

77 - La mission hiérarchique – в отличие от миссии, совершаемой по непосредственному призыванию крещения, по повелению Иисуса.

78 - Le secret de son identité à lui, Jésus, avec son Père – букв.: “тождественности с Отцом”; не совсем понятно, ипостаси Св. Троицы не совпадают (можно говорить о единстве или о единосущии Бога Отца и Бога Сына); о. Жак Лёв, по-видимому, это осознаёт, но позволяет себе некоторую вольность (не скажу: небрежность) выражения. Нам остаётся только догадываться, что же именно он имел в виду. Ср. прим. пер. № 79.

79 - Nous sommes au sommet de l'identité – по-видимому, игра слов: l'identité может означать и “личность”, и “тождественность”. Хотя о. Жак Лёв, судя по второй части этого предложения, делал акцент на уподоблении Иисусу Христу. Здесь, как и выше – по отношению к Иисусу и Отцу, – о. Жак Лёв употребляет слово “тождественность”, но я перевожу его как “уподобление” – в данном случае без прибавления слова “совершенное”. Ср. прим. пер. № 78.

80 - В тексте: «Я возлюбил их, как Ты возлюбил Меня». По неясным причинам Жак Лёв цитирует Евангелие неточно, ни в одном известном мне переводе этого нет. Поэтому я изменил текст и привожу точную цитату.

81 - Réside dans la réalité même de ce “comme”. В смысле: осязаемости, действительности, непреложности.

82 - Туберкулёзом.

83 - Notre religion – букв.: нашу религию.

84 - La très humble transcription du mystère éternel de ce Fils de Dieu au sein même de la Trinité – букв.: переложение.

85 - По-видимому, люди, близкие по духу отцу Жаку Лёву, бывшие с ним в одной миссии.

86 - Le mot “d'engagement” ou de “présence” – вар.: обет, вовлечённость. Ср. прим. пер. № 142.

87 - Le type. У св. Павла по-гречески: “типон” (“типос”) – букв.: отпечаток, образ, оттиск. Французское слово “le type” сходно с греческим и по звучанию, и по значению (есть русское слово с тем же корнем: типография). Жак Лёв использует сходные, очень близкие по значению слова:

type, prototype, modèle, которые, вообще говоря, различны, но в данном контексте по-русски переводятся почти одинаково за неимением соответствующих синонимов.

88 - Consentement à Dieu, contentement de Dieu – игра слов.

89 - Pour l'amour du Christ – можно понимать двояко: любовь ко Христу и любовь Христа к людям. Любовь Иисуса Христа к нам неизменна и вызывает в нас ответную любовь к Нему и к ближним.

90 - La dimension – по-видимому, игра слов, сознательное использование двусмысленности; у этого слова есть два значения: размер (величина) и качество (сущность, измерение).

91 - Sa dimension divine – вар.: божественное достоинство, сущность.

92 - Nous sommes loin des courtes dimensions humaines, même du “se lever la peau”.

93 - Culture – букв: культура; по-видимому, имеется в виду также и духовное образование, и формирование каждого члена малой общины и отношений внутри общины, образно говоря (помня об этимологических корнях культуры и также о некоторых притчах Иисуса): совместное “возделывание (культивация) почвы (общины) и ухаживание за плодовыми растениями”.

94 - C'est le Verbe de l'Évangile qui se fait chair... – здесь речь, по-видимому, идёт о Самом Иисусе Христе (Verbe = Глагол), а не о Слове (Parole) Евангелия; ср. прим. пер. №№ 15, 17.

95 - La revision de vie – варианты: “ревизия”; специальный термин, обозначающий совместный (совершаемый вместе членами малой общины) пересмотр нашей жизни в свете Божьем и изменение нашей жизни согласно воле Божьей. В книге “Будьте Моими учениками” переведён как “обзор жизни”, и этому термину посвящена целая глава с подробным объяснением, см. стр. 135 – 145. Эта практика заимствована у движения “Католическое действие”. Она опирается на Лк. 24, 13-36. Можно выделить три этапа в поведении двух учеников, шедших в Эммаус: 1 – Иисус побудил учеников говорить, высказаться о том, что они сейчас переживают. 2 – Иисус напомнил им Писания. 3 – Ученики возвращаются в Иерусалим, и присоединяются к другим ученикам, и свидетельствуют им. Соответственно, совместный пересмотр и изменение жизни включают в себя этапы: 1 – “видеть”, т. е. выразить то, что мы сейчас переживаем; 2 – “рассмотреть и вынести суждение”: перечитать Евангелие в связи с данной ситуацией; 3 – “действовать”. Духовность движения “священников-рабочих” основана на боговоплощении; его цель: чтобы Евангелие воплощалось в моей жизни.

96 - Les mises en commun – букв.: обобществление; вариант: общение, совместные обсуждения. Возможно: общность материальных благ.

97 - Instituts séculiers – Институты посвящённой жизни, состоящие из верующих христиан, живущих обычной жизнью в миру, стремящихся к совершенству христианской любви и к освящению мира; например, “Opus Dei”.

98 - Un “signe de contradiction” – по-видимому, аллюзия на Лк. 2,34: “знамение пререкаемое”, “знамение, которое будут злословить”, “предмет пререканий” (в разных переводах).

99 - Se faire des ennemis à gauche – слева: в смысле политической ориентации; по-видимому, здесь подразумевается сильное влияние левых (коммунистов) во Франции.

100 - Consecratio mundi (лат.) – освящение мира.

101 - Noble – вариант: возвышенному.

102 - Ne nous paralysent pas en sens inverse – иначе говоря: мы не должны впасть в другую крайность, и тем самым также лишать себя возможности действовать.

103 - L'équipe – букв: “отряд”, “коллектив”, “команда”, “бригада”, “группа” (совместно работающих людей). Это специальный термин, используемый в христианской среде. В книге “Будьте Моими учениками” он переведён как “миссионерская группа” (см. стр. 84 и стр. 115). Этот термин может также означать “ядро” сравнительно большой христианской общины. На мой взгляд, в контексте этих двух книг перевод “миссионерская малая община” лучше соответствует смыслу этого понятия, чем “миссионерская группа”, поскольку лучше выражает то качество отношений между членами, о котором о. Жак Лёв пишет ниже.

104 - Ср., например, “Послание к Диогнету” в антологии “Раннехристианские церковные писатели”, М., Интербук, 1990, (репринт с изд. “Ранние отцы Церкви”, Брюссель, “Жизнь с Богом”, 1964).

105 - Que l'on soit le témoin – возможно: вас.

106 - “Я – Свет миру”; ср. Ин. 8,12; 9,5.

107 - Алан Пейтон (1903 – 1988) – южноафриканский писатель. Он написал небольшую книгу размышлений, вызванных молитвой св. Франциска Ассизского “Господи, сделай меня инструментом Твоего мира”.

108 - Le sens de la personne – фраза короткая, но она содержит несколько смысловых слоёв (из-за многозначности слова sens – смысл, значение, чувство, сознание), и ни один из них нельзя исключить. Ср. прим. пер. № 207.

109 - Кавычки мои.

110 - Sa dimension totale – иначе говоря: придаёт личности полноту (в потенции) – полноту раскрытия её сущности согласно замыслу Божьему.

111 - Dans la vision d'éternité – не исключено: в созерцании вечности.

112 - Сент-Экзюпери “Планета людей”, глава VIII “Люди”, часть 4.

113 - Les engagements les plus élevés.

114 - Симона Вейль (1909 - 1943) – французская философская писательница. Происходя из еврейской семьи, заинтересовалась католицизмом и эллинистическими традициями мистической духовности. Посмертно опубликованные её размышления включают “Тяжесть и благодать”, “Укоренение”, “В ожидании Бога”. См. прим. ред. в книге “Будьте Моими учениками”, стр. 266.

115 - Petanque – “петанк”, неторопливая игра в шары, особенно распространённая на юге Франции, в Провансе. Как правило, в неё играют небольшими командами по два-три человека.

116 - L'Eglise locale – вариант: поместной.

117 - Sa dimension – вариант: измерение, качество; ср. прим. пер. №№ 90, 91.

118 - Livre des âmes – кавычки мои; по-видимому, эта книга учёта членов приходской общины – возможно, не только бумажная, а хранящаяся в также памяти и в сердце приходского священника. Не исключено, что это просто поэтический образ, противопоставленный средствам механического учёта и контроля людей.

119 - S'extasiant de ce fait – вариант: восхищаясь этим.

120 - Часто молитва не занимает первое место. Мы думаем, что у нас нет времени на неё. Но уделив время молитве, мы сможем принять встреченного человека как самоценную личность, независимо от того, насколько он эффективен в общем деле.

- 121 - La constance – перевожу одно слово двумя (можно было бы добавить ещё и “постоянство”), т. к. иначе смысл будет очень обеднён. Кроме того, соответствующие греческие слова из Нового Завета, цитируемые автором, также включают оба смысла.
- 122 - Теологические добродетели: вера, надежда, любовь.
- 123 - Lacher – вариант: прекратить борьбу; всё оставить, бросить.
- 124 - L’endurance persévérante – вариант: твёрдую стойкость.
- 125 - Le portrait – букв.: портрет.
- 126 - Que l’on possède – вар.: мы (христиане) обладаем.
- 127 - Той же верой, что и апостолы прежде него.
- 128 - Блез Паскаль “Мысли”.
- 129 - Ср. Кьяра Любич “Каждое мгновение – дар” (“Ogni momento un dono”, Citta Nuova, 1998).
- 130 - Equipe – вариант: бригады.
- 131 - Игра слов: во французском языке слово “présent” имеет два значения – “присутствующий” и “подарок”.
- 132 - По-видимому, над Ковчегом Завета, Откровения, см. Исх. 30,6.
- 133 - Непереводимая игра слов: “l’ombre” – “тень”, “sous l’ombre” – “под видом” чего-либо.
- 134 - Assurance – иначе говоря: твёрдое знание, убеждённость, или же: вера.
- 135 - Pleins d’assurance – по-видимому, речь идёт о 2 Кор. 4,13-14. Это особенность французского перевода Нового Завета, который использует автор. В известных мне переводах говорится о “духе веры” и “знании” (“убеждённости”).
- 136 - Aimer Dieu et son être – вариант: бытие; не совсем понятно.
- 137 - Ce qu’elles sont et ce qu’elles veulent – букв.: то, что Они есть.
- 138 - Participer à son existence – вариант: в Его жизни.
- 139 - Notre misère: вариант: несчастье, страдание.
- 140 - Cela Dieu le veut – букв.: желает.

141 - Son grand compagnon – возможно: большой друг; великий собрат.

142 - Active présence – вариант: открытости навстречу проблемам современного мира и нуждам людей. Ср. прим. пер. № 86.

143 - Cette paix qui surpasse tout sentiment. Вообще говоря, можно было бы рассматривать вариант перевода: “превосходящий всякое чувство”, однако автор, по-видимому, имеет в виду Фил. 4,7, хотя во всех известных мне французских переводах Нового Завета в этом месте употребляется слово intelligence, а не sentiment.

144 - Tranquillité de l’ordre – неизвестная мне цитата.

145 - Siens – тем, кто принадлежит Ему, Его родным, близким Ему; ср. Ин. 1,11; 1 Кор. 6,19; Ин. 13,1; 2 Тим. 2,19; Еф. 2,19: “вы уже не чужие и не пришельцы, а сограждане святым и свои Богу (домашние, домочадцы – принадлежащие к Дому Божьему, семье Божьей).

146 -

147 - Tout baptisé doit donc méditer en son âme et dans son action même les conditions pour adhérer positivement au Christ.

148 - Appelé au partage de la ressemblance divine dans l’amour – возможно: подражать Богу в Его любви.

149 - La psychologie des altitudes de l’homme divinisé – не совсем правильно построенное выражение. Правильнее было бы: психология человека, достигшего высот обожения. Но здесь слово “psychologie” обозначает не психологию, а внутреннюю, духовную жизнь.

150 - L’appel des conseils évangéliques – вариант: призыв жить согласно Евангелию, согласно Евангельским принципам поведения, согласно советам, рекомендациям Иисуса Христа. Как правило, в практике католической Церкви это относилось к людям посвящённой жизни. Более привычно называть это евангельскими заповедями (commandements). Даже простое перечисление Евангельских блаженств Иисусом Христом принято называть заповедями. Однако автор употребляет другое слово (conseil), которое означает, скорее, совет, рекомендацию. Как автор поясняет ниже, это приглашение.

151 - Une chasteté plus radicale – вариант: радикальное, строгое, более глубоко переживаемое.

152 - Obéissance – вар.: послушание, подчинение.

153 - (Pour mieux faire vivre) les Beatitudes (a tous) – вар.: жить согласно заповедям Блаженств. Говоря о Блаженствах, Иисус не давал каких-то новых заповедей. Его слова были, скорее, констатацией того, что Он видел в окружавших Его учениках, анавим, бедняках Господних. Им Он говорил с радостью: “Блаженны, вы – нищие (анавим)”.

154 - Например, основать христианскую семью; использовать своё состояние или способности для служения Церкви; быть врачом вместо того, чтобы быть бедным среди других бедняков; быть менеджером вместо того, чтобы быть рабочим по послушанию Уставу и т. д.

155 - Спорная и туманно выраженная мысль. О. Жак Лёв почему-то не решается ясно произнести здесь слово “целибат” (“безбрачие”), хотя говорит, по-видимому, о целибате. Однако целибат и совершенное целомудрие – это совсем не одно и то же. Можно быть целомудренным в супружестве, и можно быть совсем не целомудренным при целибате (слишком хорошо известны скандальные истории с епископами и священниками). Более того, вселенский церковный собор строго осудил любые попытки принизить христианское супружество в сравнении с целибатом (монашеством).

156 - Mieux attendre – букв.: лучше ожидать. Приносить больше плодов, “спешить делать добро”. Ср. притчу о десяти девах (мудрых и неразумных); Мф. 25; ср. также Лк. 12,35.

157 - Le retour de l'éroux – в Восточной традиции: Жениха.

158 - Можно заметить игру слов: mieux *attendre* ... y rendre les hommes *attentifs*.

159 - Le ministère de la Parole.

160 - Peser à leur valeur divine – вариант: размышлять над божественным значением, выражающем действие Божье в служении священника, которое человеческие слова не могут выразить в полноте.

161 - Imitamini quod tractatis – (лат.) подражаем тому, с чем обращаемся. Священник призван воспроизводить в себе самом то, что совершается в таинстве при его участии, воплощать в своей жизни ту жертву, которая приносится.

162 - Oportet praeesse – (лат.) “следует быть впереди (предводительствовать)!” Это выражение употребляется в служебнике папы Павла VI; в контексте литургии возможно значение: следует возглавлять, направлять (как дирижёр управляет оркестром).

- 163 - В книге “Будьте Моими учениками” переведено как “жокисты”; см. прим. 91 на стр. 268.
- 164 - L'attitude missionnaire – букв.: миссионерская “установка”.
- 165 - Foyers militants – возможны различные значения: это может быть и семья, и общинный дом, и христианский центр.
- 166 - Au coeur des masses – букв.: в гуще масс.
- 167 - Sans le ministère quotidien proprement dit – вариант: священнического служения.
- 168 - Иерархии Церкви.
- 169 - См. “Будьте Моими учениками”, С-Пб, 2002, стр. 84, 115. В этой более поздней книге Жака Лёва есть глава с таким же названием (с одной лишь разницей: “l'équipe” переведено как “миссионерская группа”), в ней говорится о том же, но по-другому. Как подчёркивает сам автор, тема эта очень важна.
- 170 - Le foyer – вариант: христианский центр; дом, где христиане живут вместе и проводят встречи.
- 171 - Genèse et évolution – вариант: Возникновение и развитие; речь идёт как о термине и понятии, так и о самом явлении.
- 172 - Крупный портовый город в Бразилии.
- 173 - Réalisés du dedans – буквально: изнутри. Не уточняется, внутри “команды” или внутри личности каждого участника.
- 174 - См. “Будьте Моими учениками”, стр. 80.
- 175 - По-видимому: молитвы, читаемые священником при (перед) исповеди.
- 176 - Idée – вариант: представление.
- 177 - Возможно, движение подобное скаутскому.
- 178 - По-французски – “équipe”.
- 179 - Esquif означает “ялик”, “челнок”, см. также “Будьте Моими учениками”, стр. 116.

180 - Говоря о единстве между христианами, папа Франциск использует выражение: «примирённые различия»

181 - Le responsable – тот, кто несёт ответственность; вариант: “ведущий”.

182 - Une deuxième considération – букв.: осознаваемая (и, возможно, высказанная) причина для осторожности; кавычки мои.

183 - Кюре из Арса; известный французский святой, Жан-Мари Вианней; см., например, Сикари “Портреты святых”, т. 1.

184 - См. примечания 31 и 65 в книге “Будьте Моими учениками”, стр. 264 и 267.

185 - Voir la personnalité de chacun dans le Seigneur – тайна неповторимой личности каждого заключена и раскрывается во Христе.

186 - Faire l’expérience d’une charité en perpétuel travail pour montrer... – двойственность смысла; возможный перевод: ... опыт действенной милосердной любви к ближнему, направленной на то, чтобы...

187 - Ср. Рим. 12,19.

188 - Литургическая практика благодарения после Евхаристии (то есть Благодарения) существовала до Второго Ватиканского Собора.

189 - Vous venez de vous donner à moi – букв.: “Вы”, обращение к Богу, а в данном случае – только к Богу Сыну, во множественном числе. Такое обращение было типично для девятнадцатого века, а во второй половине двадцатого века стало гораздо меньше употребляться в христианской литературе.

190 - Ср. Евр. 12,4.

191 - Tout ce qu’aime Dieu et comme il l’aime – букв.: как Он это любит.

192 - Nous unifiant et allant aimer nos frères – букв.: любящая наших братьев.

193 - Dans son Eucharistie – вариант: в Своём святом Причастии.

194 - Les brassages – букв.: перемешивание; (“тусовки”). Речь идёт, по-видимому, о новом круге общения относительно молодых священников, которые попадают в новое окружение, скорее всего, попадая в новый церковный приход.

195 - Ces nouveau “curés” – кавычки автора; букв.: “кюре”, приходские священники. С некоторой натяжкой можно было бы перевести как новые “батюшки”.

196 - Grandeurs et lourdeurs – букв.: величие и бремя, бремена. Ср. прим. пер. № 18.

197 - Volant – у этого слова есть также значение “руль, рулевое колесо”; ниже автор уточняет то значение этого слова, которое он использует в данном случае.

198 - “Le Juste” – возможны оба значения.

199 - Ajusté à Dieu – игра слов: переключка со словом Le Juste = Праведный, Справедливый. Букв.: во всём прилаживающегося к Богу.

200 - Premier relais – в книге “Будьте Моими учениками” Жак Лёв сравнивает миссионерскую малую общину с песчинкой, попадающей в раковину, и из этой песчинки вырастает жемчужина Царства Божьего; см. стр. 84.

201 - Le premier organe-membre – вариант: первый и основной из составляющих его органов. Судя по контексту, значение “основной”, всё-таки, маловероятно.

202 - Cette idée de renaissance – букв.: возрождении.

203 - Parole d’homme du Verbe fait chair.

204 - Un perpétuel naissance à l’équipe est un perpétuel enfantement – букв.: роды. Здесь по смыслу получается некоторая тавтология: рождение = роды.

205 - A la fois rachetée et rachetante. Будучи искупленным Иисусом Христом, христианин может приносить возмездительные жертвы за грехи людей, присоединяясь к жертве Иисуса Христа. Об этом, в частности, говорила Богородица во время Её явлений в Фатиме.

206 - В Восточной Церкви Иисуса называют Женихом.

207 - (L’approfondissement du) sens de Dieu. Трудное для перевода выражение. Ср. прим. пер. № 108. Познание Бога, знание, понимание Бога, сочувствие чувствам Самого Бога, интуитивное осознание значения Бога в моей жизни; наше чувство, чувствование Бога (Божьего присутствия, Божьей любви, Божьего страдания). В книге “Будьте Моими учениками” в главе 3, “Отсутствие Бога”, на стр. 44 – 47 о. Жак Лёв приводит выдержки из очень важного для него пастырского послания кардинала Сюара, в названии которого – это же выражение: “Le sens de Dieu”. (Перевод:

“Чувство Бога” – очень неточный и неполный.) Главное, о чём говорится в этом послании, – боль в сердце христианина от того, что Бог отсутствует в жизни людей. Это же выражение используется в Пастырской конституции “Радость и надежда” Второго Ватиканского Собора в п. 7.

208 - Au compte d'un autre – букв.: образно говоря, переводя деньги на счёт другого.

209 - Ср. “Будьте Моими учениками”, стр. 79.

210 - Dieu dans l'intimité même de sa Trinité – вариант: Его Троицы.

211 - La vision de Dieu même, propre à Dieu – вариант: способность созерцания самого Бога; видеть Бога так, как Он сам Себя видит.

212 - Ad extra – вовне (лат.).

213 - По аналогии с атмосферным давлением или, может быть, давлением пара в паровом котле.

214 - Ср. “Будьте Моими учениками”, стр. 132.

215 - D'une manière trop humaine. – Кавычки мои. Здесь трудно избежать буквального перевода, а он, на мой взгляд, нуждается в пояснении. Автора нельзя заподозрить в следовании за Ницше, одна из книг которого имеет название “Человеческое, слишком человеческое”. Но всё же эти слова, содержащие весьма критическую характеристику в том числе и христианства, слишком хорошо известны. В этих словах явно слышен отголосок этой критики, справедливость которой отмечал Николай Бердяев, да и сам о. Жак Лёв (см. “Будьте Моими учениками”, стр. 49). Отвлекаясь от Ницше, я бы так пояснил это весьма для меня неудобное выражение “слишком человеческий”: как бы ни были ценны сами по себе связи между людьми, всё же в них должен всегда присутствовать Христос, присутствовать Бог. В книге “Будьте Моими учениками” Жак Лёв более подробно и несколько иначе говорит об этой опасности, см. стр. 184 - 187.

216 - Ses vraies lettres de noblesse – букв.: грамота, подтверждающая дворянское достоинство, благородное происхождение.

217 - Имеется в виду Святой Дух. Про Христа сказано в 1 Кор. 15, 45: «Последний Адам есть дух животворящий».

218 - D'en faire eux-mêmes – вариант: что они сами будут выглядеть такими же (т. е. таким же “злым духом”).

219 - Les vrais nouveau-nés – вариант: младенцы.

220 - Синодальный перевод и др.: словесного молока.

221 - См., например, А. де Вогюе “Святой Бенедикт”, приложение к журналу “Символ”, М., 1995.

222 - De fugitifs – вероятно: монахи, сбежавшие из монастыря (возможно, совершившие насилие), которых заочно отлучают от церковного общения. Возможно также: лица, исключённые из церковного общения по менее тяжким провинностям, либо сами разорвавшие общение.

223 - La voie de garage de médiocrité – вариант: путь накопления посредственности, обыденности. Иначе говоря: довольство собой, своим духовным состоянием, нежелание изменяться и возражать духовно, то есть духовный тупик.

224 - Les mêmes options pratiques – букв: то, что мы выбираем на практике.

225 - A la base de toute créature matérielle ou spirituelle – вар.: всякого ... существа.

226 - Introduit des grincements – букв: скрежет, нестройность музыки; вар.: несогласие, недовольство.

227 - По-видимому, это всё-таки не окончательная цель, а временная. Ради сохранения единства нужно постоянно молиться и трудиться.

228 - Ср. “Будьте Моими учениками”, стр. 146.

229 - Ин. 6,26-58.

230 - Données et partagées – Иисус всем нам даёт возможность разделить с Ним Его Тайную Вечерю и Его Крест, Его смерть и Его воскресение.

231 - Devenu la pensée même des éroux – вариант: не стала также и самой побудительной мыслью, стремлением. Не совсем понятно.

232 - Ср. Лк. 24,45.

233 - 2 Кор. 6,11.

234 - 2 Кор. 2,14. В Иерусалимской Библии к этому стиху есть примечание: “подобно тому, как принёсший победу римский военначальник совершает торжественный триумфальный вход в Рим”. Во всех известных мне современных переводах речь идёт о нашем участии во Христе в

триумфальном шествии (в отличие от синодального перевода), однако есть некоторые разночтения: в большинстве переводов – это шествие Бога, в меньшинстве (напр. в переводе В. Н. Кузнецовой) – это шествие Христа.

235 - Son chef – вар.: своего главы, вождя, военначальника.

236 - 2 Кор. 3,4-6.

237 - 2 Кор. 3,18.

238 - Les silences de la honte; 2 Кор. 4, 2. Жак Лёв использует перевод, близкий к Иерусалимской Библии: сдержанная скрытность людей, которые испытывают стыд.

239 - 2 Кор. 4,7.

240 - 2 Кор. 4,16.

241 - Des hommes brisés – человек, сломленный последствиями греха, несущий внутри трещину человеческой хрупкости. Это постоянная тема размышлений Жана Ванье, написавшего даже книгу с таким названием.

242 - По-видимому, цитата из книги Брюса Кенрика “Исход из Пустыни”.

243 - Ср. 1 Ин. 4, 20.

244 - Trois Personnes – вар.: Три Личности.

245 - Августин описывает небольшую группу друзей гностиков-манихеев (не христиан) и завершает это описание словами: “Вот что мы любим в друзьях и любим так, что человек чувствует себя виноватым, если не отвечает любовью на любовь”.

246 - У Августина нет слов “совместная молитва”; либо о. Жак Лёв сам добавил эти слова, либо они есть в цитируемом им переводе.

247 - Tendrement recue à la table de Jésus – непонятно.

248 - Réagir “en face” – не совсем понятно.

249 - Une communauté religieuse – поскольку жизнь во Христе – это не религия, перевожу так вынужденно. В современном контексте это означало бы “монашеская община”.

250 - Pour rendre Dieu présent au monde – вариант перевода: “сделать Бога присутствующим...” – хотя и возможен, но выглядит малоубедительным. Бог присутствует по-разному.

Жак Лёв, краткие биографические сведения

1908 31 августа, родился в Клермон-Ферране.

Лицей в Ницце.

Факультет права, Институт политических наук, Париж

1929 Адвокатура в Ницце

1932 Пребывание среди монахов-картезианцев в Святой долине (Valsainte).

1934 Послушничество монаха-доминиканца в Сен-Максимине.

1939 Рукоположение в сан священника

1941 Марсель, Жак Лёв вместе с отцом Лебре участвует в создании движения “Экономика и гуманизм” (*“Economie et humanisme”*) и начинает свою жизнь докера в Марселе.

1942-1945 Жак Лёв принимает решение жить один в кварталах, где поселяются докеры, иммигранты и люди, отвергнутые обществом.

1942 Первые контакты с Мадлен Дельбрель.

1945 Монсеньор Делей передаёт нескольким священникам и отцу Жаку Лёву приход Сен-Луи в северном пригороде Марселя. Создание Марсельской Миссии.

1951 Первая поездка в Рим. Встреча с монсеньором Монтини.

Создание совместно с доминиканцами и с Малыми Братьями Иисуса Центра миссионерского образования в Сен-Максимине.

1954 Рим запрещает деятельность священников-рабочих.

1955 Вторая поездка в Рим.

Создание Миссии святых апостолов Петра и Павла для евангельской проповеди и свидетельства в рабочей среде.

Монсиньор де Прованшер передаёт отцу Жаку Лёву и его миссионерской малой общине приход Порт-де-Бук, в большом пригороде Марселя.

1956 Реколлеции и учёба у траппистов в Сито для всех членов миссионерской малой общины. Монсиньор Прованшер признаёт Миссию святых апостолов Петра и Павла в качестве апостольской группы и передаёт ей приход Порт-де-Бук.

1957 Обустройство в Тулузе Образовательного Центра Миссии.

1960 Первая поездка в Польшу и в Сахару.

Новая малая община начинает служение в Тулузе.

1961 Вторая поездка в Сахару.

Поездка с лекциями по Германии.

Поездка в Польшу и в Западный и Восточный Берлин.

Отправка малой общины Миссии Петра и Павла в Сахару, в Хасси-Мессауд.

1962 Поездка в Южную Америку (Бразилия, Уругвай, Чили, Аргентина).

1963 Отъезд малой общины Миссии Петра и Павла в Бразилию в Сан-Паоло.

1965 Рим одобряет устав Миссии Петра и Павла как апостольского Института.

Жак Лёв покидает орден доминиканцев, чтобы посвятить себя Миссии Петра и Павла.

1967 Обустройство в Фрибурге (Швейцария) Образовательного Центра Миссии Петра и Павла, который становится международным.

1969 Миссия Петра и Павла покидает Порт-ле-Бук. Жак Лёв возвращается в Европу после пяти лет жизни в Бразилии. Он готовит создание Школы Веры в Фрибурге.

1970 Жак Лёв проводит реколлеции в Ватикане.

Создание четырёх малых общин Миссии Петра и Павла: Монреаль (Канада), Токио (Япония), Трэмблей (регион Парижа), Салвадор де Бахья (Бразилия).

1972 Беседа с Павлом VI по поводу Школы Веры.

1973 Жак Лёв снимает с себя полномочия руководителя всей Миссии Петра и Павла. На его место приходит Мишель Кено, а он посвящает себя развитию Школы Веры.

1974 Жак Лёв профессор и ведущий в Школе Веры. Он ведёт занятия по миссионерским размышлениям.

Поездка и организация встреч, сессий и конференций в Сенегале, в Кот-д'Ивуар, в Верхней Вольте, Того, Камеруне. Поездка в Рим.

1975 Поездка в Северный Камерун, где Жак Лёв проводит первый "Месяц веры".

Посещение миссионерских малых общин, образованных выпускниками Школы в Африке и в Канаде.

1976 Пребывание в Канаде. Поездка в Рим.

Второй "Месяц веры" в Камеруне, в Нгаундере.

1977 Пребывание в Канаде, Мексике и Бельгии. Поездка в Рим. Третий "Месяц веры" в Камеруне, в Отеле. Пребывание в Чаде и в СССР.

1978 Пребывание в Канаде, СССР, Польше, Венгрии. Поездка в Рим. Сессии в Заире, Бурунди и Камеруне.

Создание "Месяца веры" в Канаде, в Матане. Сессии в Алжире, Тунисе. Сессии на острове Маврикий.

1979 Сессии на Реюньоне, в Заире, в Польше.

Организация сессии "мини-кварталов" в Сен-Франсуа-Ксавье, Париж.

Пребывание в Канаде. Создание "Месяца веры" в Бурунди. Поездка в Рим.

1980 Великопостная проповедь в Сен-Франсуа-Ксавье, Париж.

Пребывание в СССР, Польше, Венгрии, Канаде.

"Месяц веры" в Камеруне, в Яунде.

Поездка в Рим.

1981 Великопостная проповедь в Сен-Франсуа-Ксавье, Париж.

Пребывание в СССР, Польше, Венгрии, Канаде, Японии. Поездка в Рим.

Сессии в Кот-д'Ивуар, в Заире, Бурунди.

30 октября: Жак Лёв начинает свой первый год жизни в монастыре в Сито. Школой Веры отныне руководит Ноэль Эбишер.

1982 Пребывание в СССР, Польше, Венгрии, Германии. Жак Лёв заканчивает все дела, связанные со Школой Веры. Поездка в Рим. Паломничество в Святую Землю.

1986 Жак Лёв переезжает из монастыря в Сито в монастырь в Тамье.

1991 Окончательный переезд на постоянное пребывание в монастыре траппистов в Эшурньяке.

1999 14 февраля Жак Лёв умер в монастыре в Эшурньяке.